

Лихтаровъ.

ПРОЛЕТАРИАТЪ

И

УЛИЧНЫЕ ТИПЫ

ПЕТЕРБУРГА.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ.

Цѣна 1 руб. сер.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

А 227
1457

Р 1-75
10666

А. Фахтіаровъ.

ПРОЛЕТАРІАТЪ

И

УЛИЧНЫЕ ТИПЫ

ПЕТЕРБУРГА.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1895.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 1 Октября 1894 г.

1423-0

2007088627

Типографія Контрагентства ж. д., Лиговская ул. № 80

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Уличные типы Петербурга:		стр.
Ночлежники и ночлежные дома		1— 10
Татаринъ-Халатникъ		10— 29
Охтянка		29— 37
Монахини-Сборщицы		37— 44
Сборщикъ		44— 49
Петербургскіе разносчики		49— 59
Тряпичники		59— 72
Нищіе		72— 76
Петербургскіе гробокопатели:		
Гробовщикъ		77— 83
Артель могильщиковъ		83— 91
Торговка могильными вѣнками		91— 98
Артель факельщиковъ		98—106
Фабричные типы:		
Ткачи		106—129
Литейщики		129—137
Кузнецы		137—144
На столичныхъ окраинахъ:		
Гутуевскій островъ		145—152
Гавань и Чекуши		153—163
Кухня гусачника		164—171
Обжорный рядъ		171—176
Въ камерѣ одиночнаго заключенія		177—207
Въ анатомическомъ институтѣ		207—215
По этапу—на родину		215—226
Спиридоны-Повороты		226—231

Уличные типы Петербурга.

Ночлежники и ночлежные дома.

Въ Петербургѣ такъ много каменныхъ домовъ и, однако, въ столицѣ есть люди, которымъ некуда голову приклонить, которые утромъ не знаютъ, гдѣ они будутъ ночевать... Досадно въ самомъ дѣлѣ: и звѣрь имѣеть логовище, и птица—гнѣздо, а человѣкъ, выброшенный въ большомъ городѣ на улицу, не имѣеть своего пристанища. Днемъ еще можно провести время—на улицахъ, площадяхъ, рынкахъ и проч., но куда дѣваться ночью? Гдѣ укрыться отъ холода зимою? Спасибо добрымъ людямъ, которые устроили для безпріютныхъ скитальцевъ ночлежные дома.

Какъ извѣстно, бѣднякъ, не имѣющій своего собственнаго «угла» и ночующій въ ночлежномъ домѣ, называется въ Петербургѣ ночлежникомъ. Въ столицѣ пять ночлежныхъ домовъ, изъ нихъ первый ночлежный домъ основанъ въ 1883 г. на 70 человѣкъ (60 мужчинъ и 10 женщинъ), второй—въ 1883 г. на 180 человѣкъ, (165 мужчинъ и 15 женщинъ), третій—1884 г. на 200 человѣкъ (безъ женскаго отдѣленія), четвертый—1886 г. на 300 человѣкъ и, наконецъ пятый ночлежный пріютъ

основанъ въ самое послѣднее время, въ 1894 г. на 140 человѣкъ. Всѣ эти дома устроены обществомъ ночлежныхъ домовъ. Кромѣ того, есть еще два-три ночлежныхъ дома, которые содержатся частными предпринимателями, съ цѣлью наживы. По вечерамъ, на окраинѣ города, вы нерѣдко встрѣтите знакомую фигуру ночлежника.

— Смилуйтесь, на ночлегъ!..

— Подайте бѣдному на ночлегъ!..

Немного надо ночлежнику, чтобы заплатить за ночлегъ въ ночлежномъ домѣ: всего «пятакъ». За этотъ «пятакъ» его еще и накормятъ.

Всѣ ночлежные дома въ Петербургѣ могутъ дать пріютъ на 1000 человѣкъ. Между тѣмъ, въ столицѣ ежедневно насчитывается отъ 3000 до 4000 человѣкъ, не имѣющихъ пріюта. Не мудрено по этому, что всѣ ночлежные дома бываютъ переполнены и мѣста берутся съ боя. Съ наступленіемъ сумерокъ, около ночлежнаго дома начинаютъ появляться темные силуэты ночлежниковъ. Они стоятъ у дверей пріюта въ ожиданіи, когда ихъ начнутъ впускать. Въ семь часовъ вечера двери ночлежнаго дома открываются настежь. Самый большой ночлежный пріютъ, на 300 человѣкъ, носитъ названіе Грессеровскаго, основанный при покойномъ градоначальникѣ Грессерѣ. Онъ помѣщается на Болотной улицѣ, противъ Невской ниточной мануфактуры. Длиннымъ узкимъ корридормъ ночлежники проходятъ къ кассѣ, гдѣ «смотритель пріюта», сѣдой старикъ, въ овчиномъ полушубкѣ, терпѣливо раздаетъ билеты. Впускъ въ пріютъ продолжается съ 7 часовъ и до 12 часовъ ночи. Если всѣ «мѣста» заняты, то двери пріюта затворяются и ранѣ

12 часовъ. Стоя у кассы, вы можете наблюдать всѣхъ ночлежниковъ, которые, проходя мимо васъ, поднимаются во второй и третій этажи—на свои «мѣста».

Здѣсь вы видите разные типы ночлежниковъ. Большинство ихъ пользуются пріютомъ въ ночлежномъ домѣ временно, до пріисканія подходящихъ занятій, или поступленія на «мѣсто». Есть и «завсегдатаи», которые въ ночлежномъ домѣ считаются своими людьми, и ночуютъ въ немъ постоянно, изъ года въ годъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ попадаются: профессиональные нищія, промотавшіеся кушцы, неисправимые алкоголики, поденщики и, наконецъ «бывшій студентъ» какого-нибудь факультета. Подобно тому, какъ во время оно, въ Запорожскую сѣчь принимали всякаго, не справляясь о его происхожденіи, такъ точно въ ночлежные дома въ Петербургѣ доступъ открытъ всѣмъ: не спрашиваютъ никакого «вида», ни «свидѣтельства» на прожитіе или паспорта. Милости просимъ, ночуйте, но если во время ночного полицейскаго обхода попадетесь въ руки полиціи, то пеняйте сами на себя, зачѣмъ не имѣете законнаго «вида» на прожитіе.

Отсутствіе всякихъ формальностей дѣлаетъ ночлежный домъ доступнымъ для всякаго. Никого не спросятъ: кто вы такой? откуда? чѣмъ занимаетесь? и проч. Признаюсь, я съ любопытствомъ разсматривалъ ночлежниковъ, проходившихъ мимо меня длинною вереницею, стараясь прочесть въ глазахъ ихъ «страницы злобы и порока». Нѣкоторымъ изъ нихъ я задавалъ вопросы, вступая въ разговоръ.

О другихъ мнѣ сообщалъ краткія свѣдѣнія самъ

«смотритель пріюта». Вотъ, напримѣръ, проходятъ мимо два деревенскихъ парня. Свѣжія и румяныя лица ихъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что они недавно пріѣхали въ Петербургъ.

— Откуда вы?

— Мы... рязанскіе!

— Чѣмъ занимаетесь?

— По извозчичьей части!

— Пріѣхали мѣсто искать...

— Цѣлую недѣлю по постояннымъ дворамъ бродили...

— Да ну его, съ вашимъ Питеромъ-то!.. въ сердцахъ проговорилъ одинъ изъ парней, махнувъ по воздуху рукою.

— А вы чѣмъ занимаетесь?

— Поденщикъ...

— Какая работа?

— Доски таскаю на биржѣ...

— Почему работаете?

— По 40 копѣекъ въ день!..

— Вы чѣмъ промышляете?

— Христовымъ именемъ живу!.. Надо-же чѣмъ ни-будь жить! Работать не могу; вотъ и хожу по мелочнымъ лавкамъ, булочнымъ, а то на улицѣ стою... По праздникамъ, около церкви верчусь...

Нищій, являясь въ ночлежный домъ, всегда приноситъ съ собою обрѣзки булокъ, колбасы и прочую снѣдь, которую онъ день-деньской насбиралъ, хотя по разнымъ лавкамъ.

— А вы какъ сюда попали?

Этотъ вопросъ относился къ одному молодому человѣку, одѣтому въ формѣ одного высшаго учебнаго заведенія.

— Вашъ костюмъ выдаетъ васъ!

Правда, этотъ костюмъ былъ сильно поношенъ и по-
обтертъ отъ безвременья, но все-таки бросался въ глаза,
среди разныхъ зипуновъ, полушубковъ и проч.

— Я бы съ удовольствіемъ промѣнялъ этотъ костюмъ
на другой, но, къ сожалѣнію, не могу... Здѣсь, въ ноч-
лежномъ домѣ, онъ мнѣ только мѣшаетъ...

— Давно вы ходите по ночлежнымъ домамъ?

— Нѣтъ, еще новичекъ...

— Что же васъ заставило идти сюда?

— Нужда!..

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Ничѣмъ!.. День кой у какихъ знакомыхъ про-
вожу, а на ночь—сюда...

— А раньше чѣмъ занимались?

— Корректуру держалъ... А теперь работы нѣтъ
никакой... Я бы не прочь заняться какимъ-нибудь фи-
зическимъ трудомъ...

Мнѣ жаль было этого молодого человѣка, и я не
распрашивалъ, что заставило его выйти изъ института.
Пожелавъ ему выбраться поскорѣе изъ этого омута, я
распростился съ нимъ.

Всѣ ночлежные дома въ Петербургѣ построены по
одному типу. Разница только въ числѣ этажей и раз-
мѣрѣ помѣщенія. Представьте себѣ обширное зало, въ
цѣлый этажъ. Посрединѣ этого зала тянутся деревян-
ныя нары съ уклономъ въ обѣ стороны. Продольной не-
высокой перегородкой нары раздѣлены на двѣ половины.
Кромѣ того, поперечными перегородками нары раздѣ-

ляются на «мѣста»—для ночлега. Каждое мѣсто занумеровано. На нарахъ и располагаются ночлежники: отъ своего сосѣда, и справа, и слѣва, ночлежникъ отдѣленъ невысокой перегородкой. Ширина «мѣста», занимаемаго ночлежникомъ, соотвѣтствуетъ, приблизительно, ширинѣ чѣловѣка, а длина—около сажени. Въ общемъ—«мѣста» для ночлежниковъ напоминаютъ ящики безъ крышекъ, поставленные съ небольшимъ уклономъ направо и налево. Нары и перегородки окрашены въ желтую охру. Въ избѣжаніе надоедливыхъ насѣкомыхъ, ихъ моютъ ежедневно... Передъ сномъ ночлежники поютъ общую хоровую молитву. Они спятъ на голыхъ доскахъ и при томъ не раздѣваясь, какъ пришли съ улицы: въ одеждѣ и сапогахъ. Въ изголовье кладутъ свои шапки. Послѣ 9 часовъ вечера всякіе разговоры воспрещаются, чтобы не мѣшать спать другимъ. За этимъ слѣдитъ смотритель. Въ полночь бываетъ иногда такъ называемый «ночной обходъ»: полицейскіе городовые обходятъ ночлежный домъ, будятъ поочереды ночлежниковъ и спрашиваютъ у нихъ паспортъ. Если паспорта не оказалось, то ночлежника берутъ въ «участокъ». Кромѣ ночлега, за пяточокъ ночлежникъ получаетъ вечеромъ: тарелку какой-нибудь похлѣбки, ломоть хлѣба и кружку чаю съ кускомъ сахару. Случается, что въ какой-нибудь счастливый день всѣ ночлежники впускаются въ пріютъ бесплатно. Это бываетъ тогда, когда какой-нибудь благодѣтель внесетъ за нихъ деньги: «на поминъ усопшей рабы Божіей такой-то». При этомъ обозначается имя покойницы или покойника. Въ этомъ случаѣ на стѣнахъ ночлежнаго дома вывѣшивается объявленіе «ночлегъ даровой—на поминъ

рабы Божіей NN». Ложась спать, ночлежникъ не разъ скажетъ: «помяни, Господи, душу усопшей рабы Твоей...»

Пожертвованія принимаются и натурой. Кто присылаетъ чаю, кто булокъ и проч.—въ пользу ночлежниковъ. Всѣ жертвованія вписываются въ шнуровую книгу, съ неизбѣжной припиской: «на поминъ раба Божьяго N». По характеру своихъ посѣтителей—ночлежные дома отличаются другъ отъ друга: самой плохую репутацію пользуется частный ночлежный домъ на Обводномъ каналѣ. Онъ имѣетъ «дворянскую половину». Если въ ночлежные дома, расположенные на окраинахъ столицы, приходитъ, преимущественно, народъ трудящійся, и работающій, но лишившійся пока заработка; то въ ночлежные дома, въ центрѣ столицы, стекается, по выраженію зрителя, народъ потерянный.. Они привыкли скитаться по ночлежнымъ домамъ и ведутъ жизнь сухихъ дармоѣдовъ, паразитовъ-пролетаріевъ. Въ пользу ихъ каждый день собираютъ на сосѣдномъ Сѣнномъ рынкѣ жертвованія натурою. Сторожъ пріюта взваливаетъ на спину большую корзину и отправляется съ нею ходить по рынку. На корзину надпись: «въ пользу ночлежнаго пріюта». Торговцы бросаютъ въ корзину обрѣзки мяса, овощи и проч. Въ кухнѣ ночлежнаго дома жертвованное мясо моется въ «трехъ водахъ» и изъ него готовится ночлежникамъ хорошее, сытное горячее хлебово.

По справедливости можно сказать, что третій ночлежный пріютъ, помѣщающійся недалеко отъ Сѣннаго рынка, продовольствуется отъ щедротъ этого рынка. У воротъ пріюта, на заборѣ, прибито объявленіе, что принимаются жертвованія натурою. Особенно большой

приливъ пожертвованій бываетъ наканунѣ праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія. Посыльные мальчики и «молодцы» отъ хозяевъ то и дѣло приносятъ корзины съ разными продовольственными продуктами—для ночлежниковъ. Въ первый день Св. Пасхи ночлежники получаютъ розговѣнье, и кромѣ того, въ первые три дня Св. Недѣли—даровой ночлегъ. Наканунѣ праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ третьемъ ночлежномъ пріютѣ бываетъ большое оживленіе. Всю ночь, съ субботы на воскресенье, ночлежники не спятъ. Заручившись билетами на ночлегъ, ночлежники выходятъ изъ пріюта, потомъ снова приходятъ, посидятъ немного, и опять куда-то уходятъ. Только нѣкоторые изъ нихъ лягутъ вздремнуть часокъ, другой на нарахъ, да и то просятъ своихъ товарищей, чтобы они разбудили ихъ, когда начнется заутреня...

Вотъ въ полночь съ Петропавловской крѣпости грянулъ сигнальный выстрѣлъ. Въ многочисленныхъ церквахъ столицы загудѣлъ торжественный благовѣстъ... Среди ночлежниковъ третьяго ночлежнаго пріюта поднялась невообразимая сутолока. Ночлежники группируются въ партіи и куда-то идутъ. Кто не спитъ, тотъ будитъ своего товарища.

- Эй, ребята, вставай!..
- Изъ пушки палили!..
- Въ церковь благовѣстятъ!..
- Пора «стрѣлять» идти!..

Среди нищихъ и ночлежниковъ слово стрѣлять употребляется въ переносномъ смыслѣ и означаетъ: просить милостыню.

— Вы куда?

— Мы къ Казанскому собору!

— А вы?

— Къ Спасу на Сѣнной!..

— А мы къ Исаакію...

Въ Святую ночь, когда петербургскіе обыватели спѣшать въ церковь, ночлежники уже заняли свои позиціи: они стоятъ тамъ и сямъ на панеляхъ или возлѣ церквей.

— Подайте ночлежнику—для праздника!

— Смилуйтесь бѣдному на ночлегъ!

У кого сердце черствое, тотъ, конечно, откажетъ; но большинство подаютъ ночлежнику, кто сколько можетъ.

Да и какъ откажешь, когда среди ночи видишь человѣка, которому негдѣ ночевать.

— Подайте бѣдному на ночлегъ!

Монотонно повторяетъ ночлежникъ одну и ту же фразу каждому прохожему. Кончилась заутреня, и «стрѣлки» съ шумомъ и гамомъ возвращаются домой, т. е. въ ночлежный пріютъ, гдѣ для нихъ уже приготовлено хорошее разговенье.

— Ты сколько «настрѣлялъ»?

— Рубль!..

— А ты?

— Два рубля!..

— Вы плохо «стрѣляете», братцы!..

— Вы стрѣляйте по моему я три рубля «настрѣлялъ» у Спаса на Сѣнной!..

Вскорѣ изъ сосѣдней церкви пришелъ въ ночлежный домъ священнослужитель. Онъ освятилъ трапезу, и

ночлежники принялись за ѣду. На другой день ночлежники встали поздно. Смотритель едва поднимал ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ побрели «къ бакамъ», на скотопроегонный дворъ, гдѣ устроена народная столовая для бѣдныхъ. Кто не можетъ заплатить «пяточекъ» за обѣдъ, тотъ получаетъ обѣдъ даромъ... Ночлежники и здѣсь не упустили своего...

Татаринъ-халатникъ.

Кто не видалъ юркаго «князя», расхаживающаго и въ центрѣ, и по окраинамъ Петербурга? Въ долгополомъ азіатскомъ кафтанѣ съ длинными рукавами, подпоясанный краснымъ кушакомъ, въ мѣховой шапкѣ, изъ-подъ которой выглядываетъ татарская тюбитѣйка, съ котомкой за плечами—ходитъ онъ изъ одного двора въ другой. Поднявъ голову, озирая окна верхнихъ этажей, онъ кричитъ на весь дворъ:

— Халать, халать! Старыя вещи продавать!

Но вотъ гдѣ-то въ пятомъ этажѣ открылась форточка, высунулось чье-то лицо, и раздался голосъ:

— Эй, князь, поди сюда!

— Князь побрелъ по «черной лѣстницѣ», въ пятый этажъ. А тамъ въ ожиданіи татарина, и двери отперты настезь.

— Не купишь-ли поношенный сюртукъ, старыя сапоги, шляпу?

Князь внимательно осматривает предлагаемыя вещи, поглядѣвъ изнанку сюртука, попробовалъ оторвать подошвы у сапогъ...

— Что съ тебя взять-то! Красненькую за все!..

— Дорого, барыня! Дорого...

— Ну, много-ли?

— Полтора рубли—довольно будетъ!..

— Что ты? Сюртукъ-то, вѣдь, почти новый!..

— Былъ новый, а теперь вывороченный...

— Говори крайнюю цѣну!..

— Два рубли—последняя цѣна!..

Долго торговался татаринъ и наконецъ, скупилъ всѣ вещи за безцѣнокъ...

Петербургскіе татары прибыли въ столицу съ береговъ Волги: изъ симбирской, пензенской, нижегородской и казанской губерній.

Татаринъ-торговецъ существуетъ двухъ родовъ: халатникъ и разносчикъ краснаго галантерейнаго товара. Татаринъ-халатникъ торгуетъ старымъ платьемъ—скупаетъ всякое старье и сбываетъ его на толкучемъ рынкѣ. Посѣщаетъ татаринъ и „судныя кассы подъ залогъ вещей“, скупаетъ тамъ у еврея просроченныя вещи и тоже несетъ ихъ на толкучку.

День-деньской татаринъ-халатникъ слоняется по Петербургу и къ вечеру возвращается домой—съ ношею за плечами. Не столько онъ продалъ халатовъ, сколько накупилъ всякаго старья. И чего-чего у него только нѣтъ. Самое пылкое воображеніе не въ состояніи соединить вмѣстѣ всѣхъ тѣхъ разныхъ вещей и предметовъ, какіе, подчасъ, видишь у татарина въ рукахъ: гитара

съ оборванными струнами, поношенный офицерскій мундиръ, мѣдный подсвѣчникъ, покрытый зеленью, старые сапоги, модный франтовской цилиндръ и т. п.

Татаринъ-разносчикъ мануфактурнаго краснаго товара представляетъ собою ходячую лавочку. Его товары—ситцевые платки, шерстяные шарфы, ремни и кушаки—отличаются яркими пестрыми цвѣтами, что, какъ извѣстно, любить нашъ простой народъ. Являясь въ окрестныя захолустья, на примѣръ, на дачу, князь хорошо понимаетъ, что его ходячая лавочка представляетъ собою цѣлый „гостиный дворъ“, и потому за свой незатѣйливый товаръ назначаетъ цѣну по совѣсти, руководствуясь принципомъ, что-де „за моремъ телушка—полушка, да рубль—перевозъ“.

— Князь, покажи-ка платки-то!

— Изволь, барышня!.. Какихъ вамъ? Подешевле, или подороже?

— Самыхъ лучшихъ!

— Вотъ самые лучшіе... съ картинками...

— А нѣтъ-ли у тебя—„по нѣтовой землѣ, да небывалыми цвѣтами!“...

— Есть, какъ не быть...

— Какіе это платки?

— Московскіе!..

— Поди-ка, линяютъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ... только воды боятся!.. Мы говоримъ правду, не любимъ обманывать!..

— Этоть, что стоитъ?

— Полтина только! За даромъ отдаю...

Заходятъ татары и въ петербургскія портерныя и

трактиры, продавая здѣсь казанское мыло и духи—посѣтителямъ, прохлаждающимся за кружкой пива.

Татары въ Петербургѣ живутъ артелями, человекъ отъ 10 до 30. Артель и староста зорко слѣдятъ другъ за другомъ: въ квартирѣ строго воспрещено не только являться пьянымъ, что возбраняется и кораномъ, но даже и курить. Если артель замѣтитъ, что одинъ изъ товарищей пришелъ пьянымъ, то на первый разъ дѣлаютъ ему словесное внушеніе. На второй разъ виновнаго связываютъ и кулаками задаютъ ему болѣе осязательное наставленіе, а въ третій разъ „заблудшую овцу“ выгоняютъ изъ артели. Татары сильны коммунальнымъ началомъ: если они, напримѣръ, узнаютъ, что какой-нибудь ихъ товарищъ торгуетъ „на шею“ т. е. въ убытокъ себѣ, и если онъ не находитъ подходящаго мѣста, то артель посредствомъ складчины сама высылаетъ его на родину. Нищіе изъ татаръ въ Петербургѣ никогда не бываютъ.

Столичный Толкучій рынокъ представляетъ главную арену дѣятельности для татарина—старьевщика. Еже-недѣльно, по воскресеньямъ, на Толкучемъ рынкѣ бываетъ такъ называемый развалъ, куда собираются тряпичники и татары халатники со всего Петербурга. Въ это время фигурируетъ, главнымъ образомъ „голь-перекатная“ со всей столицы. Мастеровой и фабричный народъ, свободный отъ работъ, слѣшитъ на „развалъ“ за покупками дешеваго товара. Торгъ начинается рано утромъ, ни свѣтъ, ни заря. Суতোлка бываетъ страшная.

Вѣднѣкъ, войдя на Толкучій рынокъ, можетъ одѣться съ ногъ до головы за какихъ-нибудь 5 рублей: и

дешево, и сердито. Мало того, вся экиперовка, кромѣ сапогъ, будетъ новая, точно сей-часъ съ иголки. Тутъ можно купить и „жениховскую мѣховую шапку“, и немного поношенные брюки съ потертыми на колѣняхъ, и вывороченную „пару“ и почти новые сапоги, щедро вымазанные дегтемъ!

— Послѣ тряпичниковъ, первенствующая роль на Толкучкѣ принадлежитъ татарамъ-халатникамъ, стоящимъ на такъ называемой «татарской площадкѣ», находящейся внутри Александровскаго рынка.

Въ лавкахъ, окружающихъ «татарскую площадку», торгуютъ разнымъ домашнимъ скарбомъ, начиная отъ матрасовъ и подушекъ и кончая старымъ платьемъ, подержанной мебелью и даже каретами... Около каждой лавочки, у дверей, загроможденныхъ разнымъ старьемъ, стоятъ приказчики-крикуны, которые заманиваютъ къ себѣ покупателя.

— Эй, господинъ, пожалуйте къ намъ!

— Сапогъ не угодно-ли вамъ?...

— Пальто не требуется-ли?...

— Заверните къ намъ: у насъ дешевле!..

— Сударыня, кровати, матрасы не надо-ли вамъ? Зайдите, останетесь довольны!..

— А вотъ пальто «случайное» продается! Купите—случайное: подешевле отдамъ!..

— Тутъ-же, въ особыхъ маленькихъ лавочкахъ, еврейки торгуютъ «бальными платьями», доставшимися имъ отъ прокутившихся господъ.

Къ еврейкамъ понавѣдываются «кукольные швей» для

закупки бархату и шелку—на отдѣлку хорошихъ дорогихъ куколъ.

Выдержавъ перекрестный огонь отъ назойливыхъ приказчиковъ, вы, наконецъ, пробираетесь на «татарскую площадку». Здѣсь—шумъ, крикъ разношерстной толпы, которая медленно движется, увлекаемая общимъ теченіемъ. Для безопасности слѣдуетъ опустить руки въ карманъ, чтобы тутъ не заблудились случайно чьи-нибудь постороннія руки.

Группа татаръ въ ихъ національныхъ шапкахъ выстроились рядами, въ видѣ каре. Снаружи этого четверугольника и движется главнымъ образомъ толпа. Передъ каждымъ татаринномъ, на землѣ, лежитъ куча старья: шапки, сарафаны, юбки, сапоги, кафтаны и многое множество другихъ предметовъ обыденной жизни, собранныхъ сюда точно послѣ сильнаго пожара въ большомъ городѣ. У одного татарина накинута на плечи подержанная енотовая шуба, вынесенная тоже для продажи; у другого на головѣ надѣто нѣсколько шапокъ...

Поминутно слышатся возгласы, обращенные къ татарамъ.

— Князь, продай!..

— Князь, что стоитъ?

— Князь, Бога ты не боишься?

— Князь, много-ли просишь за сапоги-то?

— Рубль—пѣлковый!..

— Дорогонько!..

— Купи! Хороши сапоги—козловые, со скрипомъ..

Самъ-бы носилъ, да деньги нужны!..

— Ну-ка, дай-ка, примѣрю!..

— Какъ разъ!.. Точно на тебя шиты!..

— А брюки почему?

— За все синюю бумажку!..

— Возьми зелененькую!.. Брюки-то, вѣдь, старыя!..

Уступи князь!..

— Были старыя, а теперь за новыя пойдуть!..

Покупатель-мастеровой выворотилъ брюки на изнанку и торжественно поднесъ ихъ татарину почти подъ самый носъ.

— А это что? Смотри, князь,—во!..

— Что... ничего!.. Брюки!..

— Рѣшето, а не брюки!..

— Брюки—хороши, хороши!..

— Хороши, только починить надо!.. Зелененькую, такъ и быть, князь!..

— Нѣтъ, нѣтъ!..

Татары стойко держатъ свою цѣну, по временамъ отпуская остроты, нерѣдко сопровождаемыя энергическимъ «крѣпкимъ подтвержденіемъ».

Простой народъ покупаетъ у «князя» то брюки—въ три рубля, то зимнее пальто—въ пять рублей. Попадаетъ здѣсь и енотовая шуба, и фрачная пара, и другія принадлежности лучшихъ условій жизни. Все это такъ недавно было свидѣтелемъ хорошей жизни, но нужда не свой братъ, и пришлось за грошъ спустить татарину. Такимъ образомъ, «порфира и виссонъ», поистрепавшись, съ барскаго плеча идутъ на покрытіе наготы столичныхъ бѣдняковъ, и это перемѣщеніе платья съ одного плеча на другое происходитъ при посредствѣ услужливаго татарина.

Богатые татары промышляют на Петербургскихъ аукціонахъ, и занимаютъ здѣсь видное мѣсто.

Какъ извѣстно, «частный ломбардъ» и «общество для заклада движимыхъ имуществъ» имѣютъ, между прочимъ, нѣсколько аукціонныхъ залъ, гдѣ производится продажа просроченныхъ и невыкупленныхъ вещей съ публичнаго торга.

При отдѣленіяхъ аукціонная продажа бываетъ два, три раза въ недѣлю.

Кромѣ того, имѣются спеціальныя аукціонныя залы, въ которыхъ продажа просроченныхъ вещей производится ежедневно.

Щегольской балльный фракъ, заложенный «въ минуту жизни трудную» въ частный ломбардъ, или золотые часы, отданные «на сохраненіе» туда-же, — испытываютъ слѣдующую горькую участь; если они не были вовремя выкуплены.

Прежде всего они идутъ въ продажу съ аукціона по оцѣночной стоимости.

Аукціонъ производится при непосредственномъ участіи «присяжнаго оцѣнщика» отъ города, который контролируетъ добросовѣстность ломбарда. Если вещь не была продана на двухъ аукціонахъ, то она поступаетъ въ собственность ломбарда, который распоряжается ею по своему усмотрѣнію.

Сдѣлавшись обладателемъ вещи, ломбардъ или продаетъ ее въ своемъ собственномъ магазинѣ, или-же снова пускаетъ ее на аукціонъ—«съ предложенной цѣны».

Ломбардъ принимаетъ для заклада всякія вещи и предметы, «кромѣ жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ». Въ ма-

газинѣ ломбарда можно купить «по сходной цѣнѣ» и картины, и музыкальные инструменты, и бронзу, и золотыя и серебряныя вещи, и одежды, и полотна, и мѣховыя товары, красныя товары и т. д.

Въ особеннѣности — большой выборъ готоваго платья. Прогулявшійся и промотавшійся Петербургъ снесъ въ ломбардъ все, что возможно заложить — вплоть до балънаго и «стамесовой юбки».

Самая наименьшая ссуда — два рубля.

Множество вещей возвращаютъ принесимъ ихъ бѣднякамъ обратно, за малоцѣнностію; за нихъ не выдается никакой ссуды, даже 1 рубль.

Въ магазинахъ ломбарда можно наблюдать интересныя типы покупателей и покупательницъ, желающихъ приобрести по дешевой цѣнѣ какую-нибудь драповую тальму или пальто съ чужаго плеча.

Вотъ, напримѣръ, чиновникъ съ Петербургской стороны привелъ сюда своихъ двухъ дочерей, купить каждой по пальто. Съ вѣшалки имъ то и дѣло подають пальто. Въ сотый разъ онѣ примѣриваютъ на себѣ, смотрятся въ большое зеркало — и пальто оказывается «Тришкинымъ кафтаномъ»: то въ тальѣ узко, то въ плечахъ широко, то въ подолѣ коротко. Бѣдняжки уже устали, а не хотятъ уйти съ пустыми руками.

Вонъ гимназистъ, быть можетъ, будущій Ломоносовъ, тоже отыскиваетъ себѣ пальто въ пору.

Приходятъ сюда покупатели и съ Александровскаго рынка.

Если въ магазинахъ ломбарда покупателями бываетъ

сама публика, зато на аукціонахъ первенствующую роль играютъ татары и маклаки.

Вы входите въ довольно обширное зало. Посреди эстрады навалены цѣлыя груды разной одежды, поношеннаго платья. Впереди разставлены параллельными рядами скамейки. На стѣнахъ навѣшаны таблицы съ обозначеніемъ №№ просроченныхъ вещей и съ обозначеніемъ правилъ аукціона.

Скамейки заняты многочисленной публикой. Преобладаютъ преимущественно хищные типы, торговцы, маклаки, евреи и татары.

Татары сидятъ отдѣльно отъ другихъ и невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе. Передъ вами — цѣлый цвѣтникъ татарскихъ тюбитеекъ: и малиновыхъ, и желтыхъ, и красныхъ, и зеленыхъ, и бархатныхъ, и простыхъ, и шитыхъ золотомъ. Всѣ татары хорошо упитаны. Очевидно, покупка вещей на аукціонахъ и перепродажа идетъ имъ въ прокъ. У многихъ на лицахъ — плутовская, хитрая улыбка. У нѣкоторыхъ татаръ въ рукахъ и на скамьѣ — цѣлый ворохъ благопріобрѣтенныхъ вещей. Среди шума и гвалта слышенъ татарскій говоръ.

Продажа золотыхъ и серебряныхъ вещей только-что кончилась. Бриллиантики и золотыхъ дѣлъ мастера ушли. Теперь приступили къ продажѣ такъ называемаго краснаго товара и одежды.

Аукціонщикъ то и дѣло выкрикивалъ названіе продаваемой вещи.

— Продается драповое пальто мужское, съ предложенной цѣны!..

— Рубль! — слышится чей-то голосъ.

— Гривенникъ — кричитьъ кто-то.

— Пятакъ!

— Рубль пятнадцать копѣекъ! Кто больше? — спрашиваетъ аукціонщикъ.

Пятакъ! — раздается чей-то голосъ.

— Такъ!.. Такъ!.. — вторять все новые и новые голоса. Причемъ *такъ* есть не что иное, какъ сокращенное «пятакъ».

Вы то и дѣло слышите перестрѣлку: то тутъ, то тамъ набавляютъ пятакъ. Долго продолжалась эта перестрѣлка, и цѣна вещи понемногу подымалась въ гору... Такъ!.. Такъ!..

— Кто больше? — окликнулъ аукціонщикъ и ударилъ молоткомъ.

— Разъ! Кто больше? Никто?

Вдругъ среди всеобщей тишины, со стороны татаръ раздался чей-то голосъ — громкій, словно іерихонская труба.

— Полтынный!.. — крикнулъ одинъ изъ татаръ.

— Пятакъ! Такъ!.. Снова возгорѣлась перестрѣлка, и когда она немного поутихла, снова раздался знакомый грубый голосъ татарина, съ восточнымъ акцентомъ:

— Полтынный!.. — побѣдоносно выкрикиваетъ татаринъ.

— Никто больше?

Воцарилась тишина.

— Тайбулинъ! вещь за тобой!..

Рослый, толстый татаринъ, въ бархатной тюбитейкѣ, полѣзъ въ бумажникъ, а ему въ это время принесли съ эстрады драповое пальто.

Передъ началомъ аукціона, каждая вещь тщательно осматривается маклаками и татарами. Подобно тому, какъ естествоиспытатель изслѣдуетъ въ лупу какое-нибудь насѣкомое, такъ точно татары разсматриваютъ на аукціонѣ полотно, шелковыя ткани, одежду и проч. Купленные вещи они перепродаютъ съ хорошимъ барышомъ.

Этимъ дѣломъ занимаются исключительно нижегородскіе татары.

— Куда вы сбываете вещи?

— Въ Александровскій рынокъ продаемъ!

— И больше нигуда?

— Въ провинцію отправляемъ! Въ Новгородъ, въ Псковъ!..

— А на Нижегородскую ярмарку петербургская одежда идетъ?

— Какъ-же! Идетъ! Наши на ярмаркѣ петербургскимъ старьемъ торгуютъ!

— Гдѣ-же именно?

— А тамъ есть «Ярославскій рядъ!» — одежей торгуютъ...

— Много отправляете?

— На десятки тысячъ!

Долго еще продолжался аукціонъ. На этотъ день пущено было въ продажу 500 номеровъ, преимущественно одежды. Большинство №№ были куплены татарами. По окончаніи аукціона, когда всѣ уже расходились, одинъ изъ татаръ съ самодовольной улыбкой разсматривалъ пріобрѣтенныя вещи, стоя у окна.

— А что, князь, дешево купилъ?..

На аукціонѣ бываютъ почти всегда одни и тѣ-же покупатели — маклаки и татары.

Фамиліи каждаго изъ нихъ извѣстны аукціонщикамъ.

Въ столицѣ насчитывается до 10,000 татаръ. Живя вдали отъ родины, татары, однако-жь, крѣпко держатся религіи и обычаевъ своихъ предковъ и не смѣшиваются съ другими элементами столичнаго населенія. Такъ въ Петербургѣ они имѣютъ свои молельни, конебойни и мясныя лавки.

На конебойнѣ ежегодно убивается 7,000 лошадей. Татары имѣютъ 4 мясныхъ лавки. При входѣ въ татарскую мясную лавку вы замѣтите надъ дверями прибитую вывѣску, на которой нарисованъ конь вмѣсто нашего быка. На вывѣскѣ надпись: «Торговля мясомъ изъ татарской общественной конебойни». Отборная вырѣзка конины для бифштекса стоитъ 8—10 копѣекъ за одинъ фунтъ.

Лошадей для убоя татары покупаютъ на «Конной площади», гдѣ бываетъ торгъ лошадьми. Многочисленные барышники снуютъ около своихъ лошадей, расхваливая прекрасныя качества ихъ! Обыкновенно, каждый покупатель тщательно осматриваетъ у лошади зубы, ощупываетъ мышцы, треплетъ лошадь по шеѣ, тянетъ за хвостъ.

На Конной площади продаютъ и старыхъ, заѣзжанныхъ лошадей, негодныхъ болѣе для работы. Этихъ россиантовъ покупаютъ татары, но только никому уже не перепродаютъ, а оставляютъ для себя—на потребу, на убой.

Тридцать отборныхъ клячь уныло стояли, повѣсивъ головы. Казалось, если они тронутся съ мѣста, то загре-

мять своими костями. Подъѣзжаетъ какой-то чухонецъ на малорослой лошаденкѣ съ потертыми до крови боками и съ оттопыренными ребрами. Не слѣзая съ саней, чухонецъ начинаетъ торговаться съ татаринѡмъ.

— Князь, купи рысака!

— Продай!

— Много-ли дашь?

— Три рубля!..

— Мнѣ за нее шесть давали...

— Давали, да, видно, денежки не считали! Бойко отвѣтилъ татаринъ.

— Чухонецъ поѣхалъ дальше. Въ это время привели рослую вороную лошадь, черную, какъ воронъ. Нѣкогда это былъ «буцефалъ», а теперь отъ него остался только одинъ скелеть, изъ больной ноги сочилась кровь. Татары окружили лошадь, осмотрѣли больную ногу и начали говорить между собою по-татарски. Повидимому, происходило нѣчто въ родѣ консиліума.

— На убой! рѣшилъ одинъ изъ татаръ.

— Какъ цѣна?

— Пятнадцать рублей.

— Пять рублей!

— Пять съ полтиной!

— Шесть рублей!

Одинъ за другимъ татары начали набивать цѣну.

Съ приподнятой больной ногой бѣдное животное своимъ печальнымъ видомъ невольно вызывало къ себѣ участіе. Увидя большое стеченіе народа около хромой лошади, подошелъ къ ней и татаринъ-живодерь.

— Живодеръ идетъ! Живодеръ идетъ! произнесъ кто-то; толпа разступилась, давая дорогу.

Смотря на лошадь и опершись на свою длинную палку, живодеръ громко и отчетливо произнесъ:

— Кожа да кости!..

— Шесть съ полтиной!.. Цѣна шкуры...

Всѣ молчали.

— Никто—больше?

И лошадь осталась за нимъ.

Къ вечеру торгъ прекратился, и барышники—русскіе, татары, цыгане и чухны,—стали мало-по-малу разъѣзжаться. Лѣниво переступая ногами, тронулись и лошади, предназначенныя на убой.

— Ну, тругайтесь, на отдыхъ! крикнулъ татаринъ, хлестнувъ кнутомъ заморенныхъ клячь.

Татарскихъ молелень три: одна помѣщается на углу Николаевской улицы и Разъѣзжей, другая — на Лиговкѣ и третья — противъ Полицейскаго моста.

Соотвѣтственно этому, всѣ мусульмане, живущіе въ Петербургѣ, подраздѣляются на три прихода.

Первый приходъ — самый большой, къ нему причислено около 3,000 человекъ нижегородскихъ, симбирскихъ и пензенскихъ татаръ — халатниковъ, разнощиковъ, извощиковъ, дворниковъ.

Ко второму приходу причислены преимущественно касимовскіе татары: оффиціанты разныхъ петербургскихъ ресторановъ и буфетчики на станціяхъ по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Всѣ буфеты по Николаевской желѣзной дорогѣ, вплоть

до самой Москвы, содержатся татарами; прислуга въ этихъ буфетахъ, оффиціанты и лакеи — тоже татары.

Весь этотъ лакействующій персоналъ причислень ко второму магометанскому приходу въ Петербургѣ и въ религіозно-нравственномъ отношеніи подчиняется ахуну Атаулѣ Баязитову. Этотъ, такъ сказать, лакейскій приходъ самый богатый въ матеріальномъ отношеніи.

Наконецъ, въ Петербургѣ живетъ не мало татаръ, состоящихъ на государственной службѣ, на примѣръ, солдаты изъ татаръ.

Для нихъ учрежденъ особый «военный магометанскій приходъ».

Одна изъ самыхъ большихъ татарскихъ молельнь въ Петербургѣ помѣщается надъ трактиромъ — фактъ, вызывающій невольную улыбку.

Татары сами сознають это непріятное сосѣдство молельни съ трактиромъ, но мирятся съ этимъ неудобствомъ, потому что трудно найти большое помѣщеніе за такую, сравнительно, недорогую цѣну, какую они платять.

Каждую пятницу, ровно въ полдень, въ молельню собирается отъ 300 до 500 человекъ татаръ. Это все — старые наши знакомые, которыхъ мы каждый день видимъ на улицахъ: халатники, торговцы платками и казанскимъ мыломъ, дворники и т. п.

Нарядившись въ праздичные костюмы, татары, миновавъ трактиръ, поднимаются вверхъ, въ молельню. Нѣкоторые изъ нихъ одѣты въ шелковые, пестрые халаты, на головѣ—бѣлая чалма: вѣрный признакъ, что «правовѣрный побываль въ Меккѣ и Мединѣ, на поклоненіе гробу Магомета.

Поднявшись навверхъ, на площадку лѣстницы, они снимаютъ калоши или валенки, и входятъ въ молельню.

Молельня представляетъ собою большое зало, съ невысокимъ потолкомъ. На полу постланы ковры! Въ переднемъ мѣстѣ, обращенномъ на югъ, стоитъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Здѣсь лежитъ алькоранъ — священная книга мусульманъ.

Каждый татаринъ, входя въ молельню, приноситъ съ собой коврикъ, который онъ разстилаетъ на полу, и становится на него самъ.

Богомольцы становятся въ молельнѣ параллельными рядами. Кто пришелъ раньше, тотъ занимаетъ свободное мѣсто въ первыхъ рядахъ; опоздавшіе стоятъ позади и не лѣзутъ впередъ, не толкаютъ своихъ товарищей. На стѣнахъ молельни нѣтъ никакихъ украшеній, если не считать нѣсколькихъ изреченій изъ корана, начертанныхъ золотыми буквами на арабскомъ языкѣ.

Большую часть времени, когда совершается богослуженіе, татары сидятъ, поджавши ноги — по восточному и нагнувши головы впередъ, на грудь, въ созерцательномъ настроеніи. Нѣкоторые изъ нихъ закрываютъ глаза.

Звуки трактирнаго органа слабо долетаютъ въ молельню...

Мулла одѣтъ въ бѣлую, какъ снѣгъ, чалму и въ пестрый шелковый халатъ.

Въ молельнѣ, среди всеобщей тишины и воздыханій, раздается заунывное, печальное пѣніе муллы: это онъ поетъ стихи изъ алькорана.

Всѣ татары сосредоточенно слушаютъ...

У кого нѣтъ чалмы, тѣ сидятъ въ шапкахъ. Входя

женщинамъ въ моленную безусловно воспрещается. Покорнымъ лицамъ, изъ русскихъ, входъ не возбраняется.

Группа петербургскихъ татаръ, «халатниковъ», въ своей моленной производятъ своеобразное впечатлѣніе. Воображеніе невольно переносится къ временамъ давно минувшимъ, къ временамъ Куликовской битвы, когда, по выраженію Карамзина, «индѣ татары тѣснили росіянъ, индѣ росіяне тѣснили татаръ».

Кончилась молитва и татары стали расходиться. При выходѣ изъ моленной, на лѣстницѣ, стояло нѣсколько татарскихъ мальчишекъ, нищихъ, которые плаксивыми жалобными голосами выпрашивали у «правовѣрныхъ» милостыню. Татары, что побогаче, охотно подавали.

Гражданскіе «ахуны» избираются на этотъ постъ самими татарами; они же платятъ имъ и жалованье. На наемъ приходской моленной и содержаніе ахуна каждый татаринъ уплачиваетъ по 20 копѣекъ въ 1 мѣсяцъ. Богатые татары жертвуютъ больше, смотря по усердію.

Разъ въ мѣсяцъ ахунъ обходитъ квартиры «правовѣрныхъ», собирая съ нихъ добротную лепту.

Въ административномъ отношеніи, ахуны подчиняются оренбургскому муфтѣю, который экзаменуетъ ихъ и утверждаетъ въ соответствующихъ должностяхъ.

Татары давно уже хлопчатъ объ устройствѣ въ Петербургѣ своей собственной мечети. Устройство мечети разрѣшено имъ.

Съ 1882 года между татарами производится сборъ денегъ—на мечеть. До сихъ поръ собрано 20,000 рублей.

Татарскій ахунъ совершаетъ и разныя «требы», на-примѣръ, обрядъ бракосочетанія. По словамъ ахуна, въ Петербургѣ большинство татаръ—холостые; рѣдкій изъ нихъ женатый. Кто имѣетъ двѣ жены, тотъ одну изъ нихъ оставляетъ на родинѣ, чтобы она смотрѣла за хозяйствомъ, а другую беретъ съ собою въ Петербургъ. Въ Петербургѣ двухъ женъ не держать почти ни одинъ татаринъ, потому-что и одну жену прокормить тяжело.

Татарской школы въ Петербургѣ нѣтъ, а магометанскій ахунъ обучаетъ татарскихъ ребятшекъ и грамотѣ.

Книги, молитвенники и алькоранъ печатаются или въ типографіи при академіи наукъ, которая, какъ извѣстно, имѣетъ восточные шрифты, или при университетской типографіи въ Казани.

Лакейскій приходъ представляетъ собою своего рода аристократію среди петербургскихъ татаръ.

Въ то время, какъ татаринъ-халатникъ трется преимущественно около бѣднаго столичнаго люда,— татаринъ-лакей имѣетъ дѣло съ богатою, состоятельною публикою.

Въ самыхъ людныхъ кухмистерскихъ и ресторанахъ столицы—прислуга состоитъ изъ татаръ. Они даже содержатъ татарскій трактиръ «Самаркандъ».

Являясь въ ресторанахъ въ качествѣ лакея, татаринъ облачается во фракъ и крахмальную рубашку, но и въ этой новой шкурѣ вы сразу отличите знакомаго татарина по его фізіономіи.

Буфетъ на Николаевскомъ вокзалѣ, гдѣ въ теченіи

дня перебиваетъ тысячи народа, содержится касимовскими татарами.

Здѣсь татары имѣютъ свои погреба и склады продуктовъ. Уплачивая около 10,000 руб. въ годъ администраціи желѣзной дороги аренды, татары-лакеи все-таки имѣютъ хорошіе барыши: шесть касимовскихъ деревень кормятся на эти деньги, собираемыя въ буфетѣ съ публички за «рюмку коньяку» или «порцію чаю».

Кромѣ того, бываетъ еще подачка «на чай». Должно быть, эти «чайныя» деньги очень велики, если у татаръ-лакеевъ имѣется общая кружка, куда опускаются только *полтинники*. Подачку-же меньше полтинника каждый лакей беретъ себѣ, какъ мелочь.

Разбогатѣвъ въ Петербургѣ, татары-лакеи не прибрѣтаютъ здѣсь дома и прочее недвижимое имущество, подобно другимъ; нѣтъ — все богатство, накопленное трудомъ и счастьемъ, они отправляютъ въ свой родной Касимовъ. Въ Петербургѣ нѣтъ ни одного татарина-домовладѣльца.

Они не питаютъ къ столицѣ особенныхъ симпатій и на свою жизнь здѣсь смотрятъ какъ на временное пребываніе ради заработка.

О х т я н к а .

Когда вы подъѣзжаете по Невѣ къ Петербургу, то съ правой стороны, при устьѣ рѣки Охты, замѣтите одну изъ старѣйшихъ столичныхъ окраинъ—Большую и Малую Охту.

Первое, что бросается въ глаза—это безпрестанное движеніе яликовъ и пароходовъ, снующихъ по Невѣ отъ Охты къ противоположному берегу и обратно. Какъ извѣстно, охтенскіе обыватели не имѣютъ черезъ Неву моста, и сообщеніе съ городомъ производится при помощи яликовъ.

На пристаняхъ Охты сосредоточиваются сотни яличниковъ, которые денно и ночно перевозятъ публику черезъ Неву. Большой спросъ на мускульный трудъ для перевозки черезъ Неву обусловливаетъ и большое предложеніе: въ разныхъ мѣстахъ Невы, въ районѣ Охты, организовались артели яличниковъ.

Эти невскіе «гондольеры» работаютъ на хозяина-арендатора, по найму, за лѣто, пока «не станетъ Нева». Въ ночное время выручка за перевозъ полагается на себя. Всѣ яличники—въ красныхъ рубахахъ, на шапкѣ—бляха съ обозначеніемъ № ялика. Чтобы проплыть Неву съ пятью человѣками пассажировъ, для яличника достаточно какихъ-нибудь пяти минутъ.

Дома на Охтѣ—деревянные, двухъ этажные, потемнѣвшіе отъ времени и нерѣдко покосившіеся на сторону,—какъ будто они ждуть, скоро-ли Петербургъ поглотитъ въ себя и эту окраину, но Петербургъ разрастается больше къ морю, совсѣмъ и забывъ объ Охтѣ.

На берегу Невы, въ районѣ Охты, множество старыхъ пустыхъ барокъ, предназначенныхъ на сломъ. Барки разбираются и тутъ-же распиливаются на дрова. Охтенскіе пильщики находятъ въ этомъ занятіи порядочный для себя заработокъ. Съ утра до вечера раздается

пронзительный визгъ пилы. Двое пильщиковъ напиливаютъ до 5 сажень дровъ въ день.

На Большомъ охтенскомъ проспектѣ есть такъ называемая «Горушка», гдѣ Охтянки скупаютъ у чухонъ молочные продукты.

Ежедневно колтышевскіе, рябовскіе и комендантскіе чухны пріѣзжаютъ на Охту и останавливаются на «Горушкѣ», куда на зарѣ приходятъ и охтянки съ пустыми баклагами и кувшинами на рукахъ.

У всѣхъ вышеупомянутыхъ чухонъ сильно развитъ молочный промыселъ. Въ колтышевской волости есть села, въ которыхъ всѣ дворы безъ исключенія сбываютъ молочные скопы въ Петербургъ.

На каждомъ возу нагружены жестяныя баклаги съ молокомъ; въ деревянныхъ кадлушкахъ—свѣжее чухонское масло. Во время лѣтней жары, во избѣжаніе порчи, молоко на возахъ обкладываютъ льдомъ, а сверху прикрываютъ сѣномъ или рогожею и затѣмъ увязываютъ веревками...

Охтянки давно сообразили, что посредничество между чухнами и городскими обывателями можетъ давать хорошіе барыши...

Чухонскія двухъ-колесныя таратайки стоятъ рядами вдоль улицъ, возлѣ колодъ. Чухны въ коротенькихъ полубухкахъ меланхолически покуриваютъ свои трубки. Чухонки въ пестрыхъ платкахъ на головѣ—сидятъ на возахъ. Тутъ-же около возовъ толкутся и охтянки.

— Сливки есть?

— Есть—много-ли тебѣ?

— Мнѣ надо самыхъ хорошихъ!

— У меня хороши «ливки», хороши, густыя!..

— Ну-ко плесни на пробу!

Охтянка подставила кружку, чухонка плеснула немного сливокъ «на пробу». Охтянка отпила сливокъ, смакуя ихъ «на вкусъ».

— Жидковаты...

— Ой, нѣтъ, нѣтъ... ливки хор-рошія!..

— Почему за бутылку?

— Ридцать копѣекъ... отвѣчаетъ чухонка своимъ ломаннымъ языкомъ.

— Четвертакъ довольно!.. А молока много у тебя?

— Семь баклагъ... и снятое есть, и цѣльное.

— Ну-ка плесни на пробу!..

Снова начинается пробовање и смакованіе молока на вкусъ.

Закупивъ молочные товары, охтянки несутъ его къ себѣ домой и сортируютъ, смотря «по мѣстамъ»: однимъ господамъ требуется безъукоризненно хорошее молоко и сливки; другимъ можно подсунуть похуже, да зато подешевле, и, наконецъ, третьи безъ возраженія берутъ все, что имъ не принесутъ. Прибавивъ къ бутылкѣ сливокъ «по пропорціи» молока, охтянки приготавливаютъ сливки разной доброты и разной цѣны: есть бутылка и въ 20 копѣекъ, и въ 40 копѣекъ, и даже въ 60 копѣекъ.

Въ то время, когда чухны, распродавъ товаръ, возвращаются домой, охтянки направляются уже въ городъ.

Въ лѣтнее время, ежедневно по утрамъ, яличники исключительно бываютъ заняты перевозкою охтянокъ съ молочными продуктами черезъ Неву. Сверхъ обычной таксы за проѣздъ черезъ Неву приплачивается еще 1

копѣйка, если въ рукахъ пассажира имѣется какая-нибудь ноша. Эта добавочная копѣйка идетъ въ пользу яличника.

Обыкновенно, охтянки разносятъ молоко «по мѣстамъ», т. е. у каждой торговки имѣется 5—10 знакомыхъ квартиръ, куда она изо дня въ день доставляетъ молоко. Помните у Пушкина:

Встаетъ купецъ, идетъ разносчикъ,
На биржу тянется извозчикъ,
Съ кувшиномъ охтянка спѣшить,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.

Равнимъ утромъ всякій видаль въ Петербургѣ охтянку. Это—какая-нибудь краснощекая, моложавая баба въ пестромъ платочкѣ, въ бѣломъ холщевомъ передникѣ черезъ плечо у нея перекинута коромысло, на которомъ съ обоихъ концовъ висятъ жестяные кувшины съ молокомъ. Зимой, если поклажи много, охтянки развозятъ товаръ въ маленькихъ высокихъ санкахъ, гдѣ кувшины разставлены правильными рядами.

Какъ извѣстно, въ Петербургѣ каждая мало-мальски порядочная квартира имѣетъ «парадный ходъ» и чорный ходъ». На «парадной лѣстницѣ» стоитъ швейцаръ, по ней ходятъ хозяева и «жилыцы» квартиру, и вообще—«господа»; напротивъ, «черная лѣстница предоставлена въ полное распоряженіе кухарокъ, горничныхъ, дворниковъ, трубочистовъ, водопроводчиковъ и т. п., вообще—разнаго рода «слугъ».

На этой «черной лѣстницѣ» подвизаются также и охтянки, и чухонки, разнося по квартирамъ молоко.

— Молоко вамъ надо?

Спрашивают онѣ, если товаръ некуда сбыть.

— Надо! А хорошее?

— Вотъ посмотрите...

— Послушай-ка, милая, носи-ка намъ по двѣ бутылки каждое утро...

— Слушаю-съ, сударыня...

— Только, смотри, по-Божески... Молоко-то для дѣтей...

— Будьте спокойны, останетесь довольны...

На возвратномъ пути охтянки моють свои пустые кувшины на Невѣ, на плотяхъ.

Вѣроятно, каждый видалъ, какъ по утрамъ ходять по дворамъ бѣдныя женщины со швабрами на плечахъ, выкрикивая.

— Швабры половыя, швабры!

Иногда онѣ выкрикиваютъ такимъ высокимъ фальцетомъ и въ такомъ минорномъ тонѣ,—точно просятъ милостыню.

Это тоже охтянки.

— Эй, тетка почему швабры?

— По гривеннику штука!

— Возьми пяточокъ!

— Нельзя, милая: самой стоитъ семь копѣекъ, а вѣдь—пить, ѣсть надо!..

— Ну, Богъ съ тобой, давай двѣ швабры!..

— Извольте...

— Много-ли продаешь въ день?

— Разно бываетъ! Когда какъ!.. Иной разъ кричишь, кричишь, никто не покупаетъ!..

— Откуда берешь мочало на швабры?

— А куле покупаемъ на Калашниковской пристани... Кули-то, вѣдь мочальные... Разберешь куля два, три по мочалочкѣ, а потомъ и вяжешь швабры... На палки насаживаешь...

Эти-же женщины торгуютъ и плетеными корзинами, которыя они сами и плетутъ.

Корзинки дѣлаются изъ сосновой драни, которая щеплется изъ сосновыхъ бревенъ. Иная опытная мастерица, при помощи ножа, въ состояніи сдѣлать до 100 въ день. Такъ называемыя «овощныя корзинки» продаются копѣекъ по 80 за сотню.

Нерѣдко случается видѣть, какъ охтянка на коромыслѣ несетъ такіе громоздкіе вороха всякихъ корзинъ—овощныхъ, платяныхъ и т. д., что изъ-за нихъ не видать и самой торговки...

Проходя мимо «мелочныхъ» и «овощныхъ» лавокъ, охтянка непременно завернетъ, чтобы спросить, не надо ли корзинъ.

— Корзиночекъ вамъ не требуется?

— Какъ-же! Давай, давай!..

— Какихъ вамъ?

— Овощныхъ десятка два...

Заходитъ охтянка и во фруктовые магазины—съ зеркальными окнами и приказчиками съ сытыми физиономіями...

— Чего тебѣ, тетка?

— Корзиночекъ не угодно-ли?

— Гдѣ онѣ у тебя!

— А вотъ на панели.

— Принеси десятка три!..

— Много-ли тебѣ за нихъ?

— По копѣчкѣ за штуку...

Фрукты, ягоды и разные лакомства укладываются въ корзинки, которыя цѣлыми сотнями устанавливаются на полкахъ магазина.

Къ тому-же и покупатель, купивъ два—три фунта продукта, требуетъ непременно, чтобы его покупку упаковали въ корзинку...

Придя домой, покупатель корзинку бросаетъ...

Немудрено поэтому, что громадныя склады сосновыхъ бревенъ расходуются на выдѣлку сосновой драни—для корзинокъ.

Наканувъ рождественныхъ праздниковъ охтянки промышляютъ «елками» на Гостинномъ дворѣ. Эти елки покупаются у чухонъ, преимущественно—маленькія елочки. Затѣмъ охтянка украшаетъ елки искусственными цвѣтами и цѣлыми десятками, на санкахъ, свозить въ Гостинный дворъ—на Невскій проспектъ. Какъ извѣстно, передъ праздниками Рождества Христова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, точно по мановенію волшебнаго жезла, вырастаетъ цѣлый сосновый лѣсъ. На ряду съ громадными елями стоятъ и маленькія разукрашенныя елки «съ розанами». Дѣти заранѣе ликуютъ, радуясь, что имъ будетъ «елка». На Невскомъ—масса покупателей. Тутъ-же на своихъ саночкахъ сидятъ и охтянки, обставленныя кругомъ маленькими елочками.

— Сударыня, купите маленькую елочку!..

— Ой, мамочка, какая елочка маленькая! останав-

ливааетъ свою нарядную мать какая-то дѣвочка, лѣтъ семи, съ русыми волосенками...

— Купи, мамочка!..

— Сударыня, вотъ елочка съ розаномъ... Не угодно-ли?.. Вонъ ту посмотрите...

— Елочки, елочки маленькія!..

— Елочки съ розанами!..

— Пожалуйте!..

— Вотъ елка-крошка!..

И охтянки торгуютъ бойко, выручая кой-какія деньжонки—къ празднику.

Монахини-сборщицы.

Среди шумныхъ улицъ столицы, среди петербургской сутолоки, невольно бросаются въ глаза всякому наблюдателю черницы-сборщицы.

Всѣ онѣ прибыли въ Петербургъ изъ разныхъ губерній. Обыкновенно игуменья монастыря, выхлопотавъ отъ епархіальнаго „владыки“ книжку для сбора пожертвованій, посылаетъ рясофорную монахиню странствовать съ книжкой по городамъ нашего обширнаго отечества.

Намѣтивъ какую-нибудь монахиню—опытную и крѣпкую духомъ, игуменья призываетъ ее къ себѣ въ келью.

— По внушенію Пресвятой Владычицы, нашей Заступницы усердной, я благословляю тебя на послушаніе—иди въ міръ за сборомъ пожертвованій!.. Монахиня безпрекословно повинуется приказанію.

— Матушка игуменья, помолись за меня, грѣшную предъ Заступницей усердною, чтобы Господь Богъ сподобилъ свято исполнить возлагаемое на меня послушаніе!..

И монахиня собирается въ путь-дорогу.

Правду сказать, много слоняется въ Петербургѣ монахинь-сборщицъ. Въ своеобразной монашеской одежѣ, въ остроконечныхъ шапочкахъ, отороченныхъ узенькой коймой мѣха—онѣ обращаютъ на себя вниманіе прохожаго своимъ смиреннымъ видомъ, своимъ строгимъ, подчасъ суровымъ выраженіемъ лица.

Бѣлый парчевой крестъ, нашитый на книжкѣ, напоминаетъ объ ихъ профессіи: съ книжечкою въ рукахъ, монахини ходятъ для сбора пожертвованій. По всему видно, что черницы—случайные посѣтители Петербурга—что ихъ нравственные интересы вдали отъ Петербурга—въ монастырѣ. Мятая столичная жизнь съ ея страстями ни мало не касается черницъ: ихъ ограждаетъ отъ нея монашенскій обѣтъ.

Черницы сборщицы для сбора пожертвованій ходятъ по-парно: по двѣ за разъ; одна изъ нихъ называется «старшею сестрою», а другая—младшею, эта послѣдняя должна во всемъ подчиняться «старшей сестрѣ». Старшая сестра—уже въ лѣтахъ и болѣе опытная, «младшая сестра»—молоденькая монахиня.

Многочисленные петербургскіе рынки, лавки и торговыя заведенія, а также притворы церквей—вотъ арена дѣятельности черницъ. Какъ извѣстно, въ Петербургѣ первые этажи домовъ отдаются, преимущественно, для разныхъ торговыхъ заведеній. Ходъ прямо съ улицы. Въ

зеркальныхъ окнахъ выставлены на показъ прохожимъ всевозможные товары.

Рано утромъ отворяются лавки: мясныя, зеленныя, мелочныя, булочныя, кондитерскія, фруктовыя и т. п.

Двѣ черницы: «мать Серафима» и «сестра Анфиса» вошли въ первую попавшуюся лавку и низко поклонились хозяину:

— Пожертвуйте на украшеніе храма во имя Скорбящей Утоли моя печали.

Лавочникъ досталъ изъ кассы нарочно намѣненныхъ на этотъ случай «грошиковъ».

— Примите, матери...

— Господь, спаси васъ и помилуй!..

Сотворивъ крестное знаменіе, благодарили нараспѣвъ монахини жертвователя.

Только-что «мать Серафима» съ «сестрою Анфисой» вышли изъ лавки, вошли новыя черницы.

— Смилуйтесь, на построеніе храма Св. Воскресенія Христова.

— Вотъ тебѣ, сестрица, копѣчка! Грошикъ сдачи!..

— Извольте, благодѣтели!..

Къ вечеру, по грошику, да по грошику, лавочникъ раздалъ нѣсколько рублей.

Когда стало смеркаться, вошли запоздавшія черницы.

— Пожертвуйте на обитель святую!..

Лавочникъ взѣлся.

— Эхъ, матери, матери, сидѣли-бы дома, въ монастырѣ, да молились-бы о насъ, грѣшныхъ.. Больно ужъ вы насъ одолѣваете...

— Батюшка, благодѣтель ты нашъ, вѣдь, мы не по своей волѣ собираемъ... насъ посылаютъ!..

— Примите!..

— Спасибо вамъ... Рука дающаго да не оскудѣтъ!.. Спасетъ васъ Владычица Пресвятая Богородица и помилуетъ...

Между тѣмъ, мать Серафима съ сестрою Анфисою обходили другія лавки. Почти во всѣхъ «подавали», только въ нѣкоторыхъ отказывали.

— У насъ по субботамъ подаютъ...

— Приходите по субботамъ!..

— Мать Серафима, пойдёмъ на Сѣнной рынокъ?

— А и то сестрица!..

— Давно не бывали!..

Какъ извѣстно, «сѣнной рынокъ» въ Петербургѣ представляетъ собою центральный рынокъ, гдѣ торгуютъ всякою снѣдью: здѣсь имѣются «мясные и курятные ряды», «зеленой рядъ», «рыбный рядъ» и т. п. Нищіе бродятъ здѣсь толпами и получаютъ подачку «натурой»: кто подастъ обрѣзки мяса, кто овощи и т. п.

Только черницы-сборщицы получаютъ деньгами.

Въ то время, какъ мясникъ отрубилъ для покупателя мясо, а зеленщикъ отпускалъ зелень, мать Серафима и сестра Анфиса стояли поодаль—въ ожиданіи подачи.

— Пожертвуйте на украшеніе храма во имя Скорбящей Утоли моя печали!..

— Получи, матушка!..

Обходъ рынка занялъ, по крайней мѣрѣ, часа два-три времени. Въ результатѣ оказалось множество мелкой размѣнной монеты, «копѣекъ», и «грошиковъ», которые

мѣдными колонками завернуты были въ черномъ платкѣ черницъ.

Черницы-сборщицы живутъ у какого-нибудь столичнаго богача «благодѣтеля», получая отъ него безвозмездно столъ и квартиру, такъ что весь денежный сборъ онѣ отправляютъ цѣликомъ въ монастырь.

У подобныхъ благодѣтелей монахини живутъ чело-вѣкъ по 30—50, изъ разныхъ губерній.

Промышляютъ черницы и въ притворѣ храма, напри-мѣръ, въ Исаакіевскомъ соборѣ, или въ соборѣ Казанской Божіей Матери. Во время богослуженія, при входѣ въ Исаакіевскій соборъ, стоятъ цѣлыя вереницы монахинь-сборщицъ. Онѣ выстроились въ два ряда, между кото-рыми и проходитъ всякій посѣтитель, идущій въ соборъ. Здѣсь можно замѣтить и мать Серафиму съ сестрою Анфисою.

— Пожертвуйте на украшеніе храма во имя Скор-бящей Утоли моя печали!..

— Подайте на украшеніе храма Всѣхъ Святыхъ!..

Какой-то прохожій досталъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами; вынулъ мелкую монету и положилъ мона-хинѣ на книжку, которую она держала въ рукахъ.

— Спаси васъ, Господи, и помилуй!..

— Примите на поминъ раба Божія Николая!..

— Да помянетъ его Господь Богъ во царствіи своемъ!..

— Смилуйтесь для святой обители Скорбящихъ всѣхъ радости!..

— Помяни матушка, отроковицу Софію!..

Едва сдерживая слезы, проговорила любвеобильная мать.

— Шесть недѣль минуло!.. Бѣдное дитя! Какъ оно долго страдало, прежде чѣмъ умереть!..

— Утѣшьтеся, милая, теперь ей хорошо!..

Получивъ пожертвованіе, черница горячо молилась.

Въ Рождественскіе праздники черницы ходятъ «Христа славить». Мать Серафима и сестра Анфиса, еще будучи въ монастырѣ, славились искусствомъ пѣнія, недавно онѣ подвизались на монастырскомъ клиросѣ; передъ праздниками онѣ составили небольшой хоръ изъ нѣсколькихъ монахинь, и всѣ вмѣстѣ ходили по разнымъ лавкамъ: мяснымъ, зеленымъ и т. п.

— Угодно вамъ Христа славить! войдя въ «мелочную лавку», спросила черница приказчика.

— Эй, Ванька, сбѣгай-ка на квартиру къ хозяину, скажи, что черницы пришли Христа славить!

— Что сказать?.. а?

— Экій дуракъ! И двухъ словъ не умѣетъ передать. Скажи, монашки, молъ, пришли Христа славить...

— Сейчас!..

Черезъ нѣсколько минутъ «мальчикъ» вернулся.

— Ну, что?

— Хозяинъ съ хозяйкой сейчасъ будутъ! Велѣли ожидать!..

Вскорѣ въ лавку вошелъ хозяинъ съ хозяйкой, со своими чадами и домочадцами.

Черницы, стоя у прилавки, гдѣ придѣланы были вѣсы для взвѣшиванія продуктовъ, тоненькими голосами запѣли: «Дѣво днесь». Потомъ «Рождество твое, Христе

Боже нашъ, возсія міру Свѣтъ разума». Хозяинъ съ семьей, приказчики и «мальчики»—все слушали пѣніе черницъ съ большимъ вниманіемъ. Стройное пѣніе монашекъ мало гармонировало съ окружающей обстановкой: ежедневно тутъ раздается бойкая рѣчь кухарокъ, приходящихъ для закупки провизіи, постукиваніе на счетахъ, и т. п., и вотъ теперь—пѣніе монашекъ.

Прохожіе, идя по улицѣ мимо лавки, недоумѣвали, откуда раздается такое пѣніе. Нѣкоторые изъ нихъ глязѣли въ окно, на подоконникѣ котораго лежатъ овощи, фрукты и т. п., а на косякахъ висѣли «телячьи лопатки», поросенокъ внизъ головой и т. п. И только заглянувъ подальше, внутрь лавки, они убѣждались, что поютъ черницы.

— Хорошо! сказалъ хозяинъ.

— Можно сказать, ангельское пѣніе! восхищалась жена его.

Лавочникъ расчувствовался и подальъ черницамъ «бу-машку».

— Дай вамъ, Господи, добраго здоровья!

— Пошли вамъ, Господь, всего хорошаго!

Благодарили монахини, кланяясь хозяину въ поясъ.

— Откуда вы?

— Изъ ярославской губерніи!..

— А-а! Землячки, значить!..

— Вознесенскій монастырь знаете?

— Какъ-же? Знаю!..

— Не угодно-ли вамъ пожертвовать на вѣчное поминовеніе?

— На вѣчное?..

— Покуда монастырь существуетъ, каждый день будутъ поминать!.. Въ обители производится неумолкаемое чтеніе псалтиря...

— Много-ли стоитъ?

— Пятьдесятъ рублей!..

— Очень дорого!

— Сами посудите, во вѣки-вѣковъ будутъ поминать!..

Пока міръ не преїдетъ!..

— Все-таки дорого!.. Четвертнаго билета довольно!..

— На годъ стоитъ дешевле...

— Сколько?

— Три рубля...

— Ну-ка, запиши раба Божія Феодора—на годъ, чтобы поминали ежедневно!.. Вотъ тебѣ три рубли...

Монахини развернули книжки-поминальники и записали имя.

— Стой, еще припиши рабу Божию Марію... Покойница не мало грѣшила... Пусть помолятся за нее!..

Записавши имена и получивши деньги, черницы вышли изъ лавки.

Сборщикъ.

Пожертвуйте, православные христіане, на построеніе св. храма!..

Съ обнаженной головою, ходя по улицамъ, выкрикиваетъ старикъ-крестьянинъ. Одѣтъ онъ въ длиннополое деревенскомъ кафтанѣ; въ одной рукѣ—страннической

посохъ, въ другой—книжка съ бѣлымъ крестомъ для записыванія пожертвованій. Спереди привѣшена кружка для денегъ.

Загорѣлое лицо сборщика и дорожная пыль, обильно освѣщая на его одежду и сапоги, сразу обнаруживаютъ, что онъ большую часть времени проводить на улицѣ, подъ открытымъ небомъ. Тихая, медленная походка и обильная сѣдина на головѣ сборщика—невольнo внушаютъ къ нему уваженіе всякаго прохожаго.

Вотъ сборщикъ завернулъ во дворъ пятиэтажнаго зданія, остановился посреди двора и, озирая окна верхнихъ этажей, выкрикиваетъ монотонно, на распѣвъ:

— Пожертвуйте, православные христіане, на построеніе св. храма!..

Далеко прозвучали простые слова.

Сборщикъ глядитъ вверхъ. Передъ нимъ высятся каменные громадныя дома, окрашеннаго въ желтую охру. На этихъ домахъ правильными рядами прорѣзаны небольшія окна, которыя издали похожи на темныя пятна.

Вонъ кто-то подошелъ къ окну, желая узнать, кто тамъ кричитъ.

— Пожертвуйте, православные христіане, на построеніе св. храма!..

Эти слова прозвучали не безслѣдно въ воздухѣ, онѣ запали въ душу добраго человѣка.

— Слышь, собираетъ на построеніе св. храма!

— На церковь собираютъ!

— Надо подать!..

— Съ міру по ниткѣ—голому рабаха!...

И на мостовую летять сверху мѣдные пятаки. Сборщикъ подбираеть монеты и опускаеть къ себѣ въ кружку.

— Спаси васъ, Господи, и помилуй, говоритъ онъ, творя крестное знаменіе.

— Какой почтенный старикъ!..

— Сѣдой, какъ луны!..

— Этакая жара, а онъ ходитъ себѣ безъ шапки.

— Все лѣто безъ шапки бродить!..

Между тѣмъ, сборщикъ, окликнувъ еще раза два три, вышелъ со двора на улицу и завернулъ въ слѣдующій сосѣдній дворъ.

— Пожертвуйте, православные христіане, на построеніе св. храма!..

Такъ изо-дня въ день слоняется сборщикъ по шумнымъ улицамъ столицы. Побываетъ и на паперти храма, проберетъ и куда-нибудь на рынокъ—вездѣ призывая къ пожертвованію на построеніе св. храма, который будетъ сооруженъ гдѣ-то тамъ, далеко въ деревнѣ.

Сборщикъ—случайный посѣтитель Петербурга. Здѣсь онъ бываетъ временно, для сбора пожертвованій. Черницы собирають для монастыря, сборщикъ—для деревни.

Съ утра до вечера безпрестанно раздаеться призывъ къ пожертвованію.

— Эй, сборщикъ, получи копѣчку!..

Останавливаетъ сборщика на рынкѣ какой-то сѣрый мужичонко, досталъ изъ бокового кармана кошелекъ и вынулъ оттуда мѣдную монету.

— Копѣчку сдачи! сказалъ онъ, перекрестившись. Спаси васъ, Господи, и помилуй!..

Пожертвуйте, православные христіане, на построение св. храма!..

— Старикъ, поди сюда!.. крикнулъ какой-то торговецъ овощами.

— На, возьми!..

— Пошли вамъ, Господь Богъ, всего хорошаго!..

— Откуда ты?

— Изъ олонецкой губерніи, благодѣтель!.. Изъ повѣнецкаго уѣзда, села Предтеченскаго!..

— Повѣнецъ—всему свѣту конецъ!..

— Такъ... такъ!..

— Что-жь село-то, чай, бѣдное?

— Да, небогатое, родимый, небогатое!.. Охотой на дикаго звѣря промышляемъ!.. До сосѣдней-то церкви, вишь, далече, вотъ и задумали свою построить!..

— А какъ далече?..

— Да, почитай, что двой сутокъ ѣзды взадъ и впередъ!.. Кругомъ—сплошной лѣсъ!.. Лѣтомъ-то онъ-бы еще ничего, ну, а зимой волки да зимнія вьюги одолѣваютъ!.. Достапа нѣтъ къ храму-то Божьему...

— Вотъ какія мѣста есть на Святой Руси!..

Разказы старика-сборщика собрали около него нѣсколько человѣкъ любопытствующихъ.

— Эй, старикъ, получи копѣечку!.. сказала какая-то баба.

— Спасибо, милая!..

— Тебя по выбору послали съ кружкой-то?

— По выбору... всякому, вѣдь, тоже довѣрить нельзя!.. Всѣмъ „міромъ“ выбрали!..

И старикъ разказаль, какъ онъ сталъ сборщикомъ.

Это было на деревенской сходкѣ, когда только-что получили извѣстіе, что просьба крестьянъ уважена начальствомъ—дозволено строить имъ свою церковь. Отведена была земля, собрали кой-какія деньжонки, а недостающую сумму рѣшено пополнить кружечнымъ сборомъ. Крестьяне долго судили да рядили, кого выбрать сборщикомъ. Наконецъ, выборъ палъ на мужика Василия. Мужикъ онъ—степенный, непыющій, двухъ сыновей поставилъ на ноги и притомъ зажиточный.

— Дядя Василій, мы къ тебѣ съ просьбою всёмъ миромъ!..

— Чѣмъ могу служить православнымъ?

— Ступай, походи съ кружкой по Святой Руси!.. Для себя ты поработалъ не мало, потрудись теперь на Божье дѣло!..

Мужикъ снялъ шапку и прослезился.

— Коли миромъ меня выбрали, стало быть, такъ и быть...

— Порадѣй общему дѣлу!..

— На св. церковь потрудись!

— Давно начали строить церковь-то? Спросилъ кто-то.

— Ужь, отстроена, родимые, теперь на колоколь собираю!.. Кабы Господь привелъ увидѣть!..

— Старикъ, получай!..

— Возьми копѣечку!..

Обойдя весь рынокъ, сборщикъ насобиравъ копѣечекъ да грошиковъ...

Много минуло лѣтъ, какъ сборщикъ покинулъ свою

деревню и странствуетъ по городамъ нашего обширнаго отечества: былъ въ Москвѣ, ходилъ по Волгѣ и т. д.

Каждый мѣсяць весь кружечный сборъ посылаетъ въ деревню, ни одной копѣйки не оставляетъ себѣ.

Сборщикъ привыкъ къ своей скитальческой жизни. Чѣмъ дольше онъ ходитъ съ кружкой, тѣмъ все болѣе и болѣе свыкается съ завѣтною мыслию—довести дѣло до конца.

Односельчане благодарили сборщика за его труды, упрашивали его вернуться домой: довольно потрудился на общее дѣло. Но неутомимый старикъ и слышать не хочетъ.

— Не успокою свои старыя кости, пока въ нашей глуши не засіяетъ крестъ на Храмѣ Божиємъ!..

Петербургскіе разносчики.

Особенность большихъ городовъ, каковы, напримѣръ, Петербургъ и Москва,—заключается, между прочимъ, въ изобиліи всякаго рода разносчиковъ. Изъ ярославской, тверской, костромской и т. д. губерній пріѣзжаетъ въ столицу множество крестьянъ—попытать счастья торговлею въ разность. Ёдутъ, преимущественно, на лѣто, а на зиму—домой.

Въ Петербургѣ открыть разносную торговлю очень легко: стоитъ только отъ городской думы обзавестись «жестянкой», да имѣть «основнаго капитала» рублей пять—вотъ вамъ и торговецъ: разносчикъ.

Петербургскіе разносчики торгуютъ «съ лотка» «на крикъ»—въ разность. Начиная съ утра, и цѣлый день разносчики слоняются по улицамъ и дворамъ и «выкрикиваютъ» о своемъ товарѣ громко, на распѣвъ, что называется во всю Ивановскую,—чтобы всѣ слышали, какой у нихъ товаръ. Каждый разносчикъ выработалъ свою особую «манеру кричать», такъ-что вы и «по крику» не смѣшаете, на примѣръ, «мороженщика» со «сбитеньщикомъ» и т. п.

Съ зеленой баклагой на головѣ, войдя во дворъ какого-нибудь пяти-этажнаго зданія, мороженикъ «выкрикиваетъ» высокимъ фальцетомъ, громко, торжественно, такъ что его крикъ долетаетъ во всѣ квартиры пятого этажа.

— Моррроженое хорррошее!..

Напротивъ, сбитенщикъ, промышленяющій гдѣ-нибудь на рынкѣ, около простого народа, проговорить довольно глухо:

— Сбитень горячій! Прикажете налить?

Благодаря разносчикамъ, иная хозяйка, не выходя изъ своей квартиры, можетъ закупить всѣ сѣстные продукты, необходимые для обѣденнаго стола.

Лишь только одинъ разносчикъ, выкрикнувъ о своемъ товарѣ, уйдетъ со двора, на смѣну ему является другой и, въ свою очередь, тоже принимается выкрикивать—уже о своемъ товарѣ. Вотъ, на примѣръ, о какихъ товарахъ день-деньской «выкрикиваютъ» петербургскіе разносчики.

— Садовая земляника! Вишенье садовое!

— Клюква ягода! Клюква! выкрикиваетъ торговка съ клюквой.

— Сыръ голландскій! Сыръ мещерскій!.. монотонно кричитъ разносчикъ съ лоткомъ на головѣ.

— Огурчики зелены! Редиска молодая!..

Этотъ скликъ назойливо раздаётся, преимущественно раннею весною, и столичный обыватель наглядно удостоверяется, что на огородахъ начинаютъ поспѣвать овощи.

Присматриваясь внимательно, можно замѣтить и разносчиковъ съ товарами, прибывшими съ какой нибудь далекой окраины Россіи—въ Петербургъ.

— Арбузы, арбузы астраханскіе! на всю улицу выкрикиваетъ разносчикъ, везя впереди себя двухколесную телѣжку, гдѣ въ соломѣ лежатъ арбузы. При этомъ арбузы продаются съ ручательствомъ, т. е. «на вырѣзъ», или-же покупатель вѣрить разносчику на слово.

Арбузами торгуютъ глубокою осенью, когда фруктовый сезонъ въ столицѣ въ полномъ разгарѣ.

— Яблоковъ не угодно-ли! Купите хорошія!

— Виноградъ крымскій!..

— Сливы, сливы!.. Груши хороши! Груши!.. поставивъ свои лотки съ разными фруктами прямо на панели, зазываютъ разносчики мимо проходящую публику.

— Почему яблоки-то?

— Пожалуйте, какихъ вамъ угодно! Вотъ—«антоновскія», вотъ—«анисовка».

— Кисля!

— Немного съ кваскомъ!.. Сколько вамъ, десяточекъ или два?

Разносчикъ вытащала изъ-за пазухи бумажный пакетъ и сталъ накладывать яблоки.

— Да ты накладывай хорошихъ! Вотъ этихъ!

— На выборъ — нельзя-съ!.. Себѣ дороже станетъ!..

Каждый разносчикъ успѣваетъ въ недѣлю распродать отъ 7 до 10 мѣръ яблокъ: громадное количество фруктовъ, привозимыхъ изъ южной Россіи для лакомства Петербурга, нопадаетъ къ обывателямъ столицы не иначе, какъ черезъ руки разносчиковъ. Не мудрено, что осенью: когда бываетъ большой привозъ фруктоваго товара, петербургскіе разносчики торчатъ на улицахъ повсюду: старушенки, мальчишки — и тѣ торгуютъ яблоками.

— Сельди голландскія! Селедки голландскія! выкрикиваетъ на распѣвъ торговка-селедочница.

Обыкновенно, селедочница продаетъ въ день «на крикъ» около 100 селедокъ, выручая съ каждой селедки по 1 копѣйкѣ прибыли. Селедочницы живутъ на Сѣнномъ рынкѣ, гдѣ онѣ нанимаютъ сообща квартиру, разделенную на «углы». По вечерамъ всѣ петербургскія селедочницы приходятъ на Сѣнный рынокъ, въ Таировъ переулокъ, для закуски сельдей: тутъ помѣщаются оптовые склады голландскихъ и норвежскихъ сельдей.

— Сиги копчены! Сиги копчены!

Блестя своею золотистою чешуею, разложенные въ нѣсколько слоевъ, красуются ладожскіе сиги на лоткѣ разносчика.

— Лососина хорошая! Лососины не надо-ли?..

— Какая у тебя лососина-то? Невская или ладожская?

— Невская!.. Пожалуйте!..

— Астраханскія селедки! Астраханскія селедки!..

Въ противоположность голландской селедкѣ, селедка

астраханская не сходить со стола бѣднѣйшаго населенія столицы.

Смотря по времени года, разносчики торгуютъ то фруктами, то рыбою, то дичью.

Разносчики покупаютъ товаръ изъ первыхъ рукъ и продаютъ его въ три-дорога. Товара берутъ на одинъ день, чтобы онъ не залежался и не испортился. Ежедневно «основной капиталъ» оборачивается вдвое. Каждый разносчикъ, кромѣ расхода на свое содержаніе, выручаетъ за лѣто отъ 50—100 рублей «чистыхъ», которые и отсылаетъ въ деревню на родину.

Цѣлый день разносчикъ не открытомъ воздухѣ; отъ ходьбы устаютъ, главнымъ образомъ, ноги; иной разносчикъ носить на головѣ отъ 3—4 пудовъ товара. По вечерамъ, или рано утромъ производится закупка товара. Благодаря тому, что разносчикъ приходитъ въ соприкосновеніе съ разнообразною публикою, изъ него вырабатывается человекъ бывалый, который за словомъ въ карманъ не лѣзетъ. Съ покупателями разносчикъ всегда «торгуется», запрашивая вдвое, при этомъ, что называется, «заговариваетъ зубы» и «отводитъ глаза», если товаръ съ изъяномъ. «Спросъ въ карманъ не лѣзетъ!» — говорятъ разносчики и за свой товаръ заламываютъ такую цѣну, что ставятъ втупикъ неопытнаго покупателя. На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ!

Большинство петербургскихъ разносчиковъ торгуетъ разными съѣдобными продуктами. Благодаря имъ, продукты продовольствія изъ оптовыхъ складовъ, раздро-

бляясь по мелочамъ, принимаютъ дальнѣйшее движеніе — въ руки обывателей.

Петербургскихъ разносчиковъ можно подраздѣлить на два разряда: одни торгуютъ «отъ себя», а другіе — «отъ хозяина». Какой-нибудь ярославецъ «себѣ на умѣ», бывшій прежде разносчикомъ, всякими правдами и неправдами сколачиваетъ, наконецъ, деньгу: нанимаетъ небольшую квартиру, подражаетъ своихъ «земляковъ» къ себѣ на лѣто и выпускаетъ ихъ съ товаромъ «въ разность». Ежедневно, по вечерамъ, ему приносится выручка съ запроданнаго товара.

Такимъ образомъ организуется артель разносчиковъ съ хозяиномъ во главѣ. Сбитеньщики, на примѣръ, составляютъ артели человѣкъ въ 25 и болѣе, преимущественно мальчиковъ. Можно представить себѣ, какую они приносятъ ежедневно хозяину «выручку». Мало-помалу накапливается солидный капиталъ, и бывшій разносчикъ открываетъ «мясную», «зеленную» или просто какое-нибудь «заведеніе».

«Мальчики», живя у хозяина, вникаютъ въ торговое дѣло: присматриваются, гдѣ можно купить товаръ, по какой цѣнѣ и т. п. Затѣмъ «мальчикъ» становится самостоятельнымъ разносчикомъ и торгуетъ уже «отъ себя».

Чѣмъ только ни торгуютъ петербургскіе разносчики?

— А вотъ спички шведскія! Поддержите коммерцію! держа пачку спичекъ въ рукѣ, назойливо выкрикиваетъ мальчуганъ гдѣ нибудь на Невскомъ проспектѣ. На лоткѣ у него нѣсколько пачекъ спичекъ.

— Бумаги, конвертовъ! Пожалуйте!..

— Шары, шарочки! Воздушные шары!.. Красные,

синіе, зеленые... Купите!.. кричитъ здоровенный паренъ съ громадною связкою воздушныхъ шаровъ, кои носятся по вѣтру надъ его головою. Ему-бы пахать въ деревнѣ землю, а онъ въ столицѣ промышляетъ разносною торговлею воздушными шарами. Паренъ идетъ туда, гдѣ замѣчаетъ дѣтвору, на примѣръ, въ сады, скверы и т. п.

— Ахъ, мамочка, купи мнѣ шаръ!

— И мнѣ... и мнѣ!..

— Сита, рѣшета, игрушки дѣтскія!..

Иногда во дворѣ вдругъ раздаются звуки пастушеской свирѣли. Выглядываете въ окно и видите косматаго венгерца, ловко наигрывающаго на деревянной дудкѣ. Венгерець такъ искусно наигрываетъ на дудкѣ, что у дѣтей является желаніе самимъ приобрѣсти этотъ волшебный инструментъ.

— Поди сюда!

Съ дудками и ворохомъ корзины венгерець приходитъ, куда его звали.

— Почему дудки?

— По гривеннику за штуку!

— Пятачокъ!

— Нѣтъ! И венгерець, словно сирена, продолжаетъ опять насвистывать на своей дудкѣ.

— Ой, мамочка, купи, купи!..

— Канарейки пѣвчія! Пѣвчія канарейки!.. выкрикиваетъ мужикъ; въ рукахъ у него нѣсколько садковъ, развѣшенныхъ на палкѣ. Въ каждомъ садкѣ по двѣ канарейки: самецъ и самка.

— Почему канарейки-то?..

— Не дорого! Пять рублей за пару!

- Откуда ты?..
- Изъ Калуги... у насъ тамъ ихъ разводять...
- Много канареекъ привезъ?
- Штукъ около сотни...
- Жестяная посуда! Ведра, лоханки, лейки, мышеловки! уныло выкрикиваетъ жестяникъ, пробираясь гдѣ-нибудь въ окрестности города.
- Эй, жестяникъ! Кувшины есть?
- Есть!.. Вамъ — для молока?
- Да!
- Отъ себя ходишь, или отъ хозяина?
- Отъ хозяина... Пятнадцать человѣкъ насъ ходить!..
- Много онъ вамъ платить?
- Три рубли въ недѣлю!..
- Не дорого!
- Вы, говорить, и такъ наживетесь... отъ посуды-то. А гдѣ тутъ наживешься? Вѣдь, вотъ кувшинъ-то себѣ стоить рубль, а вы даете полтину!.. А хозяину выручку подай! Гдѣ хочешь бери, а подай!..

Въ особенности много разносчиковъ промышляютъ около «Гостиннаго двора». Здѣсь цѣлый день царить страшная сутолока: для закупки разныхъ «галантерейныхъ товаровъ» въ Гостинный дворъ стекаются прекрасныя покупательницы со всего Петербурга. Цѣлыми вереницами, съ кошельками въ рукахъ, онѣ слоняются изъ одного магазина въ другой. Гостиннодворскіе приказчики не успѣваютъ отворять и затворять за ними двери. Выйдя изъ роскошнаго магазина съ зеркальными стеклами, покупательница тотчасъ-же, на панели, натывается на разносчика, у коего весь товаръ — на немъ самомъ.

— Хорошія губки... пожалуйста!.. Губки, губки, губки!..

Дама оглянулась.

— Сударыня — губки хорошія, купите...

Весь увѣшанный губками, съ иностраннымъ акцентомъ, зазываетъ къ себѣ покупательницу разносчикъ-грекъ, пріѣхавшій на берега Невы — торговать дарами своего южнаго моря.

— Ахъ, губки!..

— Извольте — мягкія, нѣжныя губки!..

Всевозможные разносчики сплошными вереницами торчатъ кругомъ «Гостиннаго двора».

— Туфли, туфли, туфли, туфельки!.. похлопывая по воздуху туфлями, выкрикиваетъ торговецъ туфлями.

— Пирожки горячіе! Пирожки горячіе! Съ пылу горячіе! громко оповѣщаетъ всѣхъ прохожихъ пирожникъ, съ корзинкою въ рукахъ, приютившійся гдѣ-нибудь въ нишѣ Гостиннаго двора.

— Какіе пирожки-то?

— Съ мясомъ, съ вареньемъ, съ грибами!

— Почему штука?

— Пятачекъ!

— Какъ торговля идетъ?

— Ничего... слава Богу!..

— Отъ кого торгуешь?

— Отъ хозяина — на выносъ...

— На выносъ! Это что значитъ?

— Съ cadaго проданнаго пирожка копейка — себѣ, а остальное — хозяину...

— Много продаешь?

— У насъ цѣлая артель пирожниковъ, четыре пекаря и хозяинъ...

— На сколько-же въ день торгуете?

— Рублей на сто производимъ... ничего, слава Богу!..

— Купите пѣтушка!.. Курочку, пѣтушка!.. обращается къ прохожимъ бородатый мужикъ; на доскѣ у него разставленъ цѣлый курятный дворъ.

— Что просишь за курицу-то?

— Двугривенный!

— Живая—дешевле стоитъ!

— Моя лучше! Мою кормить не надо...

И любвеобильная мать покупаетъ нѣсколько „курочекъ“ и „пѣтушковъ“ для своихъ ребятъ, которые въ первый разъ въ жизни узнаютъ о существованіи подобныхъ диковинныхъ животныхъ.

— Мамочка, а у настоящей курицы ноги тоже проволочные?

— Нѣтъ... вотъ на дачу поѣдемъ, увидишь...

— А развѣ въ городѣ ихъ нѣтъ?

— Въ Петербургѣ-то... Ха, ха, ха!.. Куры, моя милая, водятся въ деревняхъ, у крестьянъ...

Дасадно иногда бываетъ видѣть, какъ иной бородатый верзило, избѣгая тяжелаго труда, торгуетъ какими-нибудь игрушками, финтифлюшками и т. п.—въ родѣ, на примѣръ, вышеупомянутыхъ „курочекъ“ и „пѣтушковъ“. Передъ праздниками Рождества и Св. Пасхи,—„на елѣ“ и „на вербѣ“,—множество лѣнтяевъ, дармождовъ и „золоторотцевъ“ торгуютъ, на примѣръ, такъ называемую „американскую курицею“, издающею дикіе зву-

ки, и „американскимъ жителемъ“,—въ видѣ чертика. прыгающимъ въ стеклянкѣ, наполненной водою.

— Американскій житель! Купите американскаго жителя!..

— А вотъ—«ладожскій приказчикъ»! Хозяина надуль, такъ теперь въ банкѣ сидитъ.

Дешово продается! Купите!..

Промышляютъ разносою торговлею и дѣти, нищетою выгнанныя на улицу.

— Дяденька, купите календарикъ!..

— Баринъ, купите календарикъ!.. Съ голодухи, ей Богу, съ голодухи! Купите, баринъ... упрашиваетъ васъ оборванецъ—мальчуганъ.

— Много ли тебѣ?

— Не дорого, баринъ... три копѣчки!..

— Давай!..

— Извольте!..

Получивъ деньги, мальчишка, съ пачкою календарей, пристаётъ къ слѣдующему прохожему.

— Дяденька, купите календарикъ!

— Баринъ, купите календарикъ!..

Т р я п и ч н и к и.

I.

Крючошникъ.

Въ Петербургѣ тысячи мелкихъ тружениковъ заняты собираніемъ костей и тряпокъ. Благодаря тряпичникамъ, разные кухонные отбросы отъ великаго города снова

поступаютъ въ обращеніе — на фабрику, гдѣ изъ нихъ продуктируютъ разныя полезныя стоимости.

Если въ каждой отдѣльной семьѣ неизбежно бываютъ отбросы костей и обносковъ тряпья, то что сказать про нашу сѣверную столицу съ ея миллионнымъ населеніемъ?

Не мудрено поэтому, что въ столицѣ тряпичное дѣло разрослось до большихъ размѣровъ, и оно будетъ увеличиваться еще болѣе по мѣрѣ роста столичнаго населенія.

Многочисленные труженики, которые кормятся, благодаря тряпичному и костяному промыслу, подраздѣляются на нѣсколько типовъ. Такъ напримѣръ, извѣстны: «крючошники», тряпичники, хозяева—маклаки, „тряпичные тузы“ и т. п.

Всѣ эти типы рѣзко отличаются одинъ отъ другаго, какъ по внѣшнему быту, такъ и по своему экономическому положенію.

Обозрѣніе наше мы начнемъ съ самаго младшаго члена тряпичной корпораціи, именно — съ крючошника.

Вѣроятно, нѣкоторымъ читателямъ неизвѣстно и самое слово *крючошникъ*.

Этимъ именемъ въ Петербургѣ называютъ тряпичниковъ, которые ходятъ по мусорнымъ ямамъ, отыскивая въ нихъ разные отбросы.

Не слѣдуетъ смѣшивать крючошниковъ съ крючниками, которые на Калашниковской пристани таскаютъ кули съ мукой.

Покойный профессоръ лѣснаго института, Лачиновъ, написалъ, между прочимъ, химическій анализъ мусорныхъ ямъ. Эта его работа специалистами считается одною изъ самыхъ капитальныхъ.

— Фи! Какая мерзость! Скажетъ „пріятная дама во всѣхъ отношеніяхъ“, не нашелъ профессоръ предмета, болѣе достойнаго изслѣдованія...

Смѣю увѣрить прекрасную читательницу, что петербургская мусорная яма представляетъ большой интересъ не только для ученаго химика или гигиениста, но и для бытописателя-этнографа.

Какъ извѣстно, мусорная яма имѣется въ каждомъ домѣ, будь то хоть пышныя палаты богача, или убогая лачуга бѣдняка.

Обыкновенно, мусорная яма помѣщается гдѣ-нибудь на задворкахъ, но тѣмъ не менѣе отъ нея идетъ ароматъ на весь дворъ. Со двора этотъ ароматъ подымается въ воздухъ—для удовольствія петербургскихъ обывателей.

Проходя мимо нея, каждый благородный человѣкъ, конечно, поспѣшитъ зажать себѣ носъ. Накопляясь съ годами, ароматъ отъ мусорныхъ петербургскихъ ямъ грозилъ бы совѣтъ задушить обывателя, если бы не западные вѣтры съ моря, которые нѣсколько освѣжаютъ городскую атмосферу.

Мусорная яма создается дворниками, при дѣятельномъ участіи жильцовъ. Ежедневно по утрамъ дворникъ обходитъ по „черной лѣстницѣ“ квартиры и собираетъ разные куханные отбросы, которые и относитъ въ мусорную яму.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ домахъ насчитывается сотни квартиръ, то можно себѣ представить, какую массу мусора наноситъ дворникъ въ мусорныя ямы.

Кромѣ ученыхъ специалистовъ, гигиенистовъ и быто-

писателей, единственный человекъ, который интересуется мусорной ямой, это—крючощникъ.

Крючощники живутъ гдѣ-нибудь на окраинахъ города, въ „углахъ“, платя за „уголь“ какихъ-нибудь полтора рубли въ мѣсяцъ. У крючощника имѣется маленькій сарайчикъ для склада добычи. Въ этомъ сарайчикѣ у него виситъ его рабочій костюмъ—грязное, рваное рубище.

Отправляясь на работу, крючощникъ одѣвается въ рубище. Съ просторнымъ мѣшкомъ за спиною и желѣзнымъ крюкомъ, насаженнымъ на древко, онъ идетъ въ первый попавшійся дворъ и пробирается къ мусорной ямѣ.

Пока обыватели столицы еще спятъ, крючощникъ уже орудуетъ въ мусорныхъ ямахъ.

Положивъ мѣшокъ на землю, крючощникъ принимается разрывать мусорную яму при помощи своего желѣзнаго крючка, отыскивая въ ней добычу.

Въ это время къ мусорной ямѣ то и дѣло подходятъ дворники, выбрасывая разный мусоръ.

— Богъ помощь, старина!

— Благодарствуй... А ты меня чуть не облилъ девеча...

— Да ты такъ притаился тутъ, что тебя и не замѣтишь.

— Ничего, ничего... Назвавшись груздемъ полѣзай въ кузовъ...

— Вотъ тебѣ добыча! Сказаль дворникъ, выбрасывая мелкіе отрѣзки тряпья.

— Откуда это?

— Изъ бѣлошвейной мастерской! Крупные-то обрѣзки въ человѣколюбивое общество отсылають, а мелочь бросаютъ!

— Пошли имъ Господь всего хорошаго!

— А что, старикъ, правда ли, что вы иногда серебряныя ложки находите?

— Серебряныя! Хе, хе, хе... Гдѣ ихъ найти-то.

— Случается, что кухарка съ салфетки стряхнетъ ложку въ мусоръ...

— Другія находятъ, а я нѣтъ... За то разъ я нашель такую находку, что рѣдкость

— Бакую же

— Отгадай-ка!

— Бумажникъ съ деньгами?

— Нѣтъ! Лучше!

— Что бы это такое?

— Не угадаешь

— Ну скажи!

— Ребенка нашель, малютку!

— Въ мусорной ямѣ!

— Да! Новорожденнаго младенца!

— Бросиль кто-то, какъ щенка...

— Экіе люди на свѣтѣ Божиємъ есть...

— Ну, что же ты?

— Пошелъ заявить въ полицейскій участокъ!

— Ну-съ, дальше что?

— Что? Извѣстное дѣло! Подкидыша взяли, составили протоколъ и отослали въ Воспитательный домъ!

Брючощникъ, нагрузивъ мѣшокъ и сгибаясь въ три погибели подъ тяжестію добычи, пошелъ въ слѣдующій дворъ.

На пути онъ встрѣтилъ другаго крючочника.

— Здорово, товарищъ!

— Рыбакъ рыбака видитъ издалека!

— Что, все обобралъ?

— Ступай, еще хватить и на тебя!

Что добываетъ крючочникъ изъ мусорныхъ ямъ?

Все, что попадается: кости, тряпки, рваную бумагу, битое стекло, жестяныя коробки, старое желѣзо, пробки, шпильки, булавки и т. п.

Такимъ образомъ, видно, что крючочникъ получаетъ свой товаръ даромъ, не платя за него ни гроша. Посѣщаютъ крючочники и загородную свалку городского мусора, копаясь въ немъ, точно гіена.

Ежедневно, рано утромъ, можно видѣть, какъ по улицамъ Петербурга, точно трудолюбивые муравьи, пробираются къ себѣ домой крючочники, съ громоздкою ношею за плечами. Роясь въ грязи, крючочникъ и самъ бываетъ грязенъ.

Лицо и руки у него въ грязи. Отъ рваной одежды, у которой «возлѣ каждой дыры по заплатѣ», — разить зловоніемъ. Чтобы своимъ прикосновеніемъ невзначай не испачкать какого-нибудь мимо проходящаго столичнаго франта или франтиху, крючочникъ никогда не рѣшится идти по панели, онъ идетъ посрединѣ улицы.

Вернувшись домой, крючочникъ усѣлся на тумбѣ, возлѣ сарая и принялся сортировать свое добро, при этомъ на весь дворъ заливался звонкою пѣснею, видимо довольный своимъ дневнымъ заработкомъ.

По субботамъ крючочникъ сбываетъ свой товаръ ма-
клякамъ, которые даютъ ему дальнѣйшее направленіе:

кости продаютъ на костеобжигательные заводы, холщевыя тряпки и рваную бумагу — на писчебумажныя фабрики, шерстяныя тряпки — на ткацкія фабрики, желѣзо тоже находить свой сбытъ.

Любопытно, что пробки изъ мусорныхъ ямъ снова поступаютъ въ обращеніе: именно тщательно промываются и продаются въ портерныя лавки — для закупки бутылокъ.

Ежедневный заработокъ крючочника, среднимъ числомъ, достигаетъ 50 копѣекъ, что составляетъ 15 рублей въ мѣсяцъ, каковыя деньги добываются изъ мусорныхъ ямъ.

Въ теченіе года всѣ петербургскіе крючочники выуживаютъ изъ мусорныхъ ямъ на 2,000,000 рублей разныхъ отбросовъ и прочей дряни. Вотъ какія богатства заключаются на днѣ помойныхъ ямъ! Иногда крючочникъ ходитъ вмѣстѣ со своей женой, при чемъ жена обхаживаетъ рынки, собирая рваную бумагу, а самъ крючочникъ промышляетъ по мусорнымъ ямамъ.

II.

Тряпичникъ (Костяникъ).

Кромѣ крючочниковъ, которые шныряютъ по задворкамъ, по мусорнымъ ямамъ, въ Петербургѣ есть многія тысячи тряпичниковъ, которые ходятъ по дворамъ «на крикъ» и покупаютъ костяной и тряпичный товаръ за деньги. Петербургскій тряпичникъ — самый обыденный, уличный и дворовый типъ нашей столицы.

Съ просторнымъ мѣшкомъ въ рукахъ тряпичникъ входитъ во дворъ перваго попавшаго зданія.

— Костей, тряпокъ!

— Бутылокъ, банокъ!

Моноotonно выкрикиваетъ тряпичникъ, озирая окна пятиэтажнаго зданія.

Разъ двадцать окликнуль онъ все однимъ и тѣмъ же голосомъ, но отвѣта не было.

— Ну-ка, кликну въ послѣдній разъ:

— Костей, тряпокъ!

— Бутылокъ, банокъ!

— Эй, тряпичникъ!

— А-а! Зовутъ!

— Поди сюда!...

Тряпичникъ глядитъ вверхъ, стараясь разглядѣть, гдѣ это его окликнули.

Наконецъ, въ шестомъ этажѣ, подѣ самой крышей, увидѣлъ отворенное окно, откуда высовывалось полное и красное лицо кухарки.

— Эй, костяникъ, поди сюда, аль не слышишь?

И тряпичникъ, потряхивая мѣшкомъ, торопливо побрелъ на черную лѣстницу.

Въ ожиданіи тряпичника, въ шестомъ этажѣ, въ квартирѣ № 000 и двери отворены настежъ.

— Здравствуй!

— Давно тебя ждали! Вотъ не купишь-ли?

На полу стояла цѣлая батарея пустыхъ бутылокъ, корзинка съ костями, въ мочальномъ кулѣ — разное тряпье.

Тряпичникъ окинулъ товаръ опытнымъ взглядомъ.

— Много ли за все?

— Да что съ тебя? Рубликъ не дашь?

— Рублика много, а гривеничекъ возьми!

Кухарка и тряпичникъ начинаютъ горячо торговаться и наконецъ кости, тряпки и бутылки куплены были за безцѣнокъ.

Нагрузивъ все это въ мѣшокъ, тряпичникъ побрелъ въ слѣдующій домъ.

Цѣлый день тряпичникъ слоняется по дворамъ; къ вечеру, съ тяжелою ношею онъ возвращается домой.

Тряпичники живутъ артелями, у хозяина, какого-нибудь маклака, или тряпичнаго туза.

Экономическая зависимость отъ хозяина заключается въ томъ, что тряпичникъ, отправляясь на промысль, беретъ отъ него деньги на покупку товара.

Затѣмъ весь накопленный товаръ, кости, тряпки и проч. дрянь, сбывается хозяину — по рыночной цѣнѣ.

Самъ же тряпичникъ покупаетъ отъ обывателя кости и тряпки почти за безцѣнокъ.

Разница между покупною цѣною и рыночною составляетъ чистый барышъ тряпичника. Обыватель въ большинствѣ случаевъ не знаетъ рыночныхъ цѣнъ на кости и тряпки.

Его нисколько не интересуеть, что дадутъ за эти отбросы на фабрикѣ или заводѣ?

Это на руку тряпичнику.

Обыкновенно по субботамъ тряпичники сдаютъ добытый за недѣлю товаръ — хозяину.

Кости и тряпки сбываютъ на вѣсъ, а бутылки счетомъ.

Какъ великъ размѣръ дѣятельности тряпичниковъ?

Сколько они собираютъ костей, тряпокъ, бутылокъ, банокъ?

Прежде всего замѣтимъ, что вообще тряпичники весьма неохотно дѣлятся свѣдѣніями о своей профессіи. Свой промыселъ они хотятъ сохранить втайнѣ отъ взоровъ любопытнаго.

По словамъ одного тряпичника, въ теченіи недѣли каждый изъ нихъ набираетъ:

тряпья	10 пудовъ.
костей.	8 »
бутылокъ.	отъ 200 до 300 штукъ.

Рыночная цѣна тряпья въ Петербургѣ отъ 1 до 2 руб. за 1 пудъ, смотря по качеству, кости — 40 коп. за 1 пудъ и бутылокъ — 3 — 5 копѣекъ за штуку.

Такимъ образомъ, видно, что въ теченіи недѣли тряпичникъ набираетъ отъ петербургскихъ обывателей костей, тряпокъ и прочихъ отбросовъ—рублей на двадцать пять.

Конечно, львиная часть барышей попадаетъ въ руки хозяина. За вычетомъ стоимости содержанія за столъ, квартиру, у тряпичника остается 10—15 рублей чистыхъ ежемѣсячно, которыя онъ и отсылаетъ на родину, въ деревню.

Лѣтомъ тряпичники ходятъ по городу съ просторными мѣшками. Зимой каждый изъ нихъ везетъ за собою небольшія санки — для склада товара. Войдя во дворъ, тряпичникъ на время оставляетъ санки у воротъ, на панели. Въ особенности много тряпичниковъ бываетъ зимою. Окончивъ свои полевые работы, многіе крестьяне приходятъ на зиму въ Петербургъ на костяной и тря-

личный промысел. Приходятъ и изъ далекихъ мѣстъ, напимѣръ, изъ Костромской губерніи.

Въ Петербургѣ насчитывается 51 крупныхъ тряпичниковъ, «хозяйчиковъ», проживающихъ въ 26 пунктахъ города.

Эти «хозяйчики» однѣхъ только костей перекупаютъ отъ тряпичниковъ отъ 2,000 пудовъ до 100,000 пудовъ въ годъ. Одинъ изъ крупныхъ хозяйчиковъ живетъ на Петербургской сторонѣ, на Посадской улицѣ. Зимой у него живетъ до 150 тряпичниковъ. Съ утра они разбредутся по городу, идутъ и черезъ Неву, а къ вечеру возвращаются съ добычею. На Посадской улицѣ то и дѣло видишь тряпичниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ везутъ поклажу на двухколесной телѣжкѣ, а то и на ломовикахъ. Здѣсь же, на Посадской улицѣ есть и трактиръ, исключительно посѣщаемый тряпичниками. Подъ вечеръ, когда тряпичники возвращаются съ работы, онъ бываетъ биткомъ набитъ ими. Во дворѣ у «хозяйчика» устроены огромные каменные амбары для склада тряпья, костей, желѣза, битаго стекла, бутылокъ и проч.

Упомянутый хозяйчикъ однѣхъ только костей покупаетъ и продаетъ до 100,000 пудовъ въ 1 годъ, а тряпья, желѣза, битаго стекла и проч. неизвѣстно сколько. Главными источниками, откуда идутъ кости, можно назвать слѣдующія: 1) черныя лѣстницы, помойныя ямы и городскія свалки; 2) казармы, больницы, учебныя заведенія; 3) рестораны, кухмистерскія и разныя столовыя; 4) колбасныя и гусачныя заведенія; 5) мясныя лавки и 6) частныя кухни.

Кромѣ каменныхъ амбаровъ, каждый тряпичникъ

имѣть маленькій деревянный сарайчикъ, сколоченный изъ досокъ и нерѣдко покосившійся на сторону.

Сарайчикъ это — кладовая тряпичника.

Здѣсь собраны болѣе или менѣе цѣнные предметы, начиная отъ старыхъ сапогъ и кончая какими-нибудь поношенными брюками цвѣта «наваринскаго дыма съ искрой». Даже крыша сарайчика и та занята: нагромождены въ безпорядкѣ ломанья желѣзныя кровати о трехъ ножкахъ, умывальники и т. п.

По субботамъ, вечеромъ, вы непременно встрѣтите тряпичника, по окончаніи дневныхъ работъ, у него въ сарайчикѣ. Онъ готовится на «развалъ» на Толкучій рынокъ. Изъ груды старыхъ сапогъ выбираетъ ту, въ которой поменьше заплатъ.

Кромѣ «хозяйчиковъ», которымъ тряпичникъ продаетъ кости, тряпки, бутылки и банки, онъ имѣетъ дѣло еще и съ петербургскою бѣднотою: на «развалѣ» онъ продаетъ бѣднякамъ разное поношенное старье.

Старые сапоги скупаются отъ тряпичниковъ оптомъ и отсылаются въ село Кимры Тверской губерніи — тамошнимъ сапожникамъ.

Каждый «хозяйчикъ» содержитъ у себя нѣсколько бѣдныхъ женщинъ, «сортировщицъ», которыя сортируютъ тряпье по качеству. Холщевую льняную тряпку отдѣляютъ отъ шерстяной — первая идетъ на писчебумажную фабрику, а вторая — на ткацкую фабрику. Лѣтомъ сортировщицы работаютъ во дворѣ: весь дворъ бываетъ заваленъ тряпьемъ, которое въ тоже время и просушиваютъ на солнцѣ, въ ясную погоду. Сортировку тряпья я видалъ, на примѣръ, на Гутуевскомъ островѣ,

на самомъ взморьѣ. Здѣсь тряпичникъ разсортировываетъ тряпье для отправки за границу.

Чтобы судить о размѣрѣхъ костяного дѣла въ Петербургѣ, замѣтимъ, что на томъ же Гутуевскомъ островѣ имѣются костеобжигательные заводы. Одинъ изъ нихъ, самый большой, обжигаетъ костей 1 милліонъ пудовъ въ 1 годъ. Во дворѣ завода навалены такія кучи костей, которыя, по своимъ размѣрамъ, превосходятъ всякое воображеніе...

Взобравшись на одну изъ этихъ кучъ, можно обозрѣть окрестности столицы: сперва видны финскія болота, а дальше, на взморьѣ, — рыбацкія тони, и наконецъ на самомъ горизонтѣ — синева неба сливается съ синевою воды. У подошвы горы, точно гномы, копошатся рабочіе, которые лопатами накладываютъ кости на носилки и уносятъ ихъ въ помѣщеніе костеобжигательнаго завода.

Тряпья добывается въ Петербургѣ еще болѣе, чѣмъ костей: тряпье идетъ на писчебумажныя фабрики.

Грязныя старыя бутылки промываются и снова сбываются на водочные заводы.

Такимъ образомъ, стеклянныя бутылки совершаютъ слѣдующій кругъ: изъ пивовареннаго или водочнаго завода онѣ идутъ въ портерныя и прочія подобныя заведенія, изъ портерныхъ ихъ вмѣстѣ съ водкой или пивомъ покупаетъ обыватель; изъ рукъ обывателя онѣ попадаютъ въ руки тряпичника, а отъ этого послѣдняго — снова на водочные и пивоваренные заводы.

Все это дѣлается при посредствѣ услужливаго тряпичника.

Н и щ и е.

Нищенство въ Петербургѣ годъ отъ году усиливается и становится явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Кромѣ дряхлыхъ стариковъ, нищенствомъ промышляютъ дѣти и даже женщины съ грудными младенцами.

На любой улицѣ Петербурга вы непременно встрѣтите нищихъ. Но особенно много ихъ бываетъ зимою, преимущественно наканунѣ рождественскихъ праздниковъ. Знакомая сцена: во время праздничной сутолоки среди шумныхъ улицъ столицы, на панели, торчитъ печальная фигура нищаго, свидѣтельствуя своимъ умоляющимъ взглядомъ, что ему не хватило мѣста на жизненномъ пиру. Или вы идете вечеромъ, и видите, что на панели сидитъ какое-то человѣческое существо въ равной одежонкѣ. Шапка съ головы снята и лежитъ на панели. Въ шапкѣ нѣсколько монетъ. Для привлеченія вниманія прохожихъ, это существо то и дѣло крестится, какъ только кто-либо проходитъ мимо его. Но взгляните на эту жалкую фигуру — и вы тотчасъ же увидите на ея физиономіи слѣды пьянства, бессонныхъ ночей и тому подобные признаки разгульной жизни.

Какъ только вы поравнялись съ нищимъ, сидящимъ на панели, онъ начинаетъ усиленно творить крестное знаменіе.

— Что ты молишься, вѣдь я не Богъ!

— Подайте убогому, несчастному!..

При этомъ одна нога у него скорчена и согнута такъ, что вы готовы повѣрить, что онъ, дѣйствительно, калѣка. Но стоитъ только сказать — вонъ «городовой»

идеть, мнимый калѣка моментально вскакиваетъ съ панели, схватываетъ свою шапку съ монетами и убѣгаетъ прочь. Не смотря на явное шарлатанство, многіе легко-вѣрные люди охотно вѣрятъ мнимому калѣкѣ и подаютъ, особенно женщины.

Чтобы разжалобить прохожихъ и расположить ихъ къ себѣ, профессиональный нищій зимою усядется прямо на снѣгъ, воротъ рубахи нарочно раскроетъ и сниметъ шапку съ головы, положивъ ее на панель.

Промышляютъ нищенствомъ и женщины: тѣ ходятъ съ грудными дѣтьми, которыхъ онѣ взяли у кого-нибудь на прокатъ. Если ребенка «по сходной цѣнѣ» не окажется, то вмѣсто него за пазуху можно положить и полѣно. Истинный филантропъ никогда не будетъ наводить справку.

Особенно нищіе любятъ промышлять по кладбищамъ; напримѣръ, на Смоленскомъ кладбищѣ, Волковомъ и т. д.

Нищіе, избравшіе своею резиденціей кладбище, имѣютъ, такъ сказать, особый нюхъ. Они за нѣсколько дней впередъ уже знаютъ, что будутъ богатыя похороны, и собираются толпами, точно шакалы.

Въ изорванныхъ одеждахъ, нерѣдко съ разными физическими недостатками, нищіе и нищенки стоятъ пѣлыми вереницами, выстроившись сплошными шпалерами по сторонамъ кладбищенскихъ дорожекъ.

Всѣ они молчаливо ожидаютъ подачки на поминъ рабы или раба Божьяго...

— Смилуйтесь убогому на пропитаніе!..

— Подайте Христа-ради!

Подъ вліяніемъ эмлегического настроенія, прохожіе,

пришедшіе: отдать «послѣдній долгъ», или вспомануть «здѣ лежащихъ», щедро одѣляютъ нищую братію. Подавая милостыню, называютъ и имя усопшаго.

— За раба Божьяго Ивана!

— За рабу Божию Елизавету!

— Помяни, старичокъ, раба Божія Николая! кричитъ кто-то.

Принявъ монету, нищій творитъ крестное знаменіе, и возведя глаза къ небу, набожно произноситъ: «Упокой, Господи, душу раба Твоего... во царствіи Твоемъ!»

— Сотвори ему, Господи, крѣпкое лежаніе...

— Пошли ему, Господи, крѣпкое лежаніе!..

Нищая братія пользуется всевозможными видами благотворительности. Съ утра начинается обходъ «грошовыхъ благотворителей»: такъ они называютъ лавочниковъ разныхъ торговыхъ заведеній, которые, обыкновенно, подаютъ «по грошику», и грошикъ съ копѣйки непремѣнно требуютъ сдачи.

Нѣкоторые лавочники подаютъ нищимъ только разъ въ недѣлю, по субботамъ.

— У насъ по субботамъ подаютъ, не прогнѣвайся...

Если въ каждой лавкѣ подадутъ «по грошику», то нищій насобираетъ не мало, потому-что лавокъ въ столицѣ многое множество.

Въ булочныхъ и мелочныхъ лавкахъ нищимъ подаютъ натурою и никогда не отказываютъ. На рынкахъ тоже подаютъ натурою: кому луковицу, кому картофелину и т. п. Отправляясь на рынокъ, нищіе берутъ съ собою просторные мѣшки.

Въ праздничные дни многія торговыя заведенія за-

пираются, по утрамъ, и тогда нищіе промышляютъ около перквей, на папертяхъ церковныхъ.

Вытянувъ руки для пріема подаяній, они стоятъ у церковныхъ дверей.

Нищенство въ Петербургѣ представляетъ профессиональный промыселъ, которымъ занимаются тунеядцы, отвыкшіе отъ работъ.

Стоитъ только присмотрѣться къ разнымъ представителямъ петербургскаго нищенства, чтобы замѣтить, что этимъ промысломъ занимаются, преимущественно, все одни и тѣ же лица. Разница только та, что въ одну недѣлю вы встрѣтите знакомаго субъекта на одной улицѣ, а на другую недѣлю, смотришь, онъ уже торчитъ на другой улицѣ.

Впрочемъ, нѣкоторые нищіе отличаются замѣчательнымъ постоянствомъ — къ одному и тому же мѣсту.

Вотъ вамъ, на примѣръ — благообразная, слашавая старушка. Одѣта весьма прилично. Ее вы встрѣтите на одной изъ самыхъ лучшихъ улицъ Петербурга. Она постоянно стоитъ около какого-нибудь параднаго подъѣзда роскошнаго многоэтажнаго дома и терпѣливо поджидаетъ свою жертву. Какъ только къ парадному подъѣзду подкатитъ карета и изъ нея выйдетъ кто-нибудь, нищенка-старушка моментально бросается къ каретѣ.

— Не будете ли такъ добры, подать отъ щедротъ вашихъ бѣдной старушкѣ, на пропитаніе!..

Точно также кто выходитъ изъ подъѣзда, старуха опять тутъ, какъ тутъ. «Господа» подаютъ ей серебряными монетами. Нищенскій промыселъ около парадныхъ

подъѣздовъ богатыхъ домовъ на столь выгоденъ, что у старухи водятся деньжонки.

Полицейскіе городовые обязаны заирать нищихъ и отправлять ихъ въ участокъ — для дальнѣйшаго слѣдованія въ «Комитетъ для призрѣнія и разбора нищихъ».

Въ теченіе года въ «Комитетъ» поступаетъ съ улицъ Петербурга до 12 тысячъ нищихъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Въ канцеляріи «Комитета нищихъ» каждому вновь прибывшему нищему составляютъ такъ называемый «разборный листокъ», въ которомъ имѣются слѣдующія рубрики: имя и фамилія, званіе, возрастъ, особыя примѣты, состояніе здоровья, вѣроисповѣданіе, причины, побудившія къ прошенію милостыни, ремесло, мѣсто нищенства.

Еженедѣльно, по четвергамъ, происходитъ засѣданіе администраціи комитета, которая производитъ сортировку, разборъ нищихъ. Дряхлыхъ и больныхъ отправляютъ въ богадѣльни и больницы, здоровыхъ — на фабрики и заводы, праздношатающихся и бродягъ — къ мировымъ судьямъ, которые обыкновенно, за бродяжничество приговариваютъ ихъ въ тюрьму. Отбывъ наказаніе, праздношатающіеся и замѣченные въ прошеніи милостыни отсылаются — по этапу на родину.

Но вернувшись оттуда, они снова принимаются за нищенство.

Петербургскіе гробокопатели.

Гробоущикъ.

Въ большомъ городѣ каждый день можно встрѣтить похоронную процессію.

Въ Петербургѣ, съ его миллионнымъ населеніемъ, работы гробоущикамъ бываетъ не мало, и они никогда не могутъ жаловаться на застой въ своихъ дѣлахъ.

На одной изъ шумныхъ улицъ, въ роскошномъ магазинѣ, за зеркальными окнами выставлено на показъ нѣсколько гробовъ съ богатою отдѣлкою изъ серебряной парчи. Надъ магазиномъ красуется вывѣска съ надписью: «Гробоущикъ Ивановъ, существуетъ съ 1800 года. Принимаются заказы на траурныя церемоніи, а также на гробы— русскіе, нѣмецкіе, англійскіе, французскіе, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ, доступныя для всякаго».

Въ простѣнкахъ, между окнами, нарисованъ роскошный катафалкъ, похоронныя дроги съ фигурами ангеловъ по угламъ и т. п. атрибуты смерти. Тутъ-же добавлено: «заказы исполняются аккуратно и добросовѣстно».

Въ магазинѣ прежде всего бросается въ глаза обиліе гробовъ: вдоль стѣнъ, отъ самаго пола и до потолка наставлены гробы: простые и окрашенные, деревянные и металлическіе, большіе и маленькіе. Кромѣ того,

шкафы съ гробовыми нарядами—треугольным и шляпами, черными фраками, обшитыми бѣлыми позументами. На стѣнахъ развѣшено множество гербовъ, собственникамъ коихъ гробовщикъ Ивановъ дѣлалъ гробы. Эти гербы онъ сохраняетъ ради рекламы: я, молъ, имѣлъ честь дѣлать гробъ для такого-то.

Кромѣ магазина, гдѣ принимаются заказы, у гробовщика имѣется обширная мастерская—для выдѣлки гробовъ.

Посрединѣ магазина нѣсколько рабочихъ, съ молотками въ рукахъ, обивали новый гробъ серебряной парчей. На полу валялись стружки, гвозди и куски парчи. Постукивая молотками, рабочіе напѣвали пѣсни, изрѣдка прерываемыя разными замѣчаніями касательно гроба.

— Вотъ такъ гробъ!..

— Десять аршинъ на обивку пошло!..

— Рѣдкостный гробъ...

Между тѣмъ, хозяинъ магазина, гробовщикъ Ивановъ, сидя за конторкой и перелистывая большую записную книгу, подводилъ мѣсячный итогъ сдѣланнымъ гробамъ. Въ этой интересной книгѣ у него записаны адреса всѣхъ закащиковъ. Глядя на него, вы никакъ не подумаете, что онъ «существуетъ съ 1800 года»: это былъ еще молодой человѣкъ. Оказывается, что его отецъ сдѣлалъ въ 1800 году первый гробъ, и по наслѣдству передалъ свое ремесло своему сыну, онъ не разъ говорилъ ему, что мрачное ремесло гробовщика—очень прибыльно, что гробъ нуженъ всякому: «живой живетъ и безъ сапогъ, а мертвый безъ гроба не обойдется».

Сынъ расширилъ и приумножилъ производство гро-

бовъ до громаднѣхъ размѣровъ и сдѣлался однимъ изъ извѣстнѣйшихъ гробовщиковъ столицы, поставляя свои произведенія преимущественно для богатыхъ людей, а также въ пріюты, больницы и другія богоугодныя заведенія.

Впрочемъ, онъ не пренебрегалъ заказами и съ улицы и бралъ гробы «на комиссію» для сбыта—именно «металлическіе гробы», привозимые изъ заграницы. Въ подобныхъ «металлическихъ гробахъ» предпочитаютъ лежать Крезы и сильные міра сего, и цѣны на эти гробы стоятъ весьма почтенныя: въ деревнѣ на эти деньги мужикъ могъ-бы выстроить себѣ цѣлую избу и обзавестись необходимымъ домашнимъ скарбомъ. Простые смертные довольствуются сосновыми гробами.

Самые дешевые гробы десятками поставляются въ больницы и по тюрьмамъ, скрѣпленные деревянными гвоздями и крашеные охрой.

Гробовщикъ Ивановъ содержитъ похоронныя дроги на нѣсколько «выносовъ» и при нихъ соотвѣтствующее число людей и лошадей; кромѣ того, онъ можетъ выставить во всякое время цѣлую армію факельщиковъ, безъ коихъ не обходится ни одна похоронная процессія.

Въ то время, какъ онъ подводитъ свои счеты, въ передней слышится звонокъ.

— Звонокъ!..

— Кого Богъ несетъ!..

Въ переднюю, запыхавшись, входитъ дворникъ.

Пожалуйте-съ... Мѣрку снимать!

— Куда?

— Купецъ N «преставился»...

— А-а! Умеръ!.. Я давно думалъ о немъ. Недаромъ подъ окнами солома на улицѣ настлана... Чай, похороны будутъ на славу?

— Еще-бы! Свои собственныя лавки имѣть...

Гробовщикъ одѣлся и, захвативъ съ собою «мѣрку», отправился, въ сопровожденіи дворника, по указанному адресу.

— Какъ-бы кто-нибудь не предупредилъ!..

— Не сумнѣвайтесь, никто не знаетъ!.. А, ужъ вы, пожалуйста, и меня не забудьте!..

— Коли дѣло выгорить десять—процентиковъ...

— Благодарствуйте!..

Гробовщикъ пришелъ въ квартиру тяжело-больнаго купца: доктора давно уже приговорили его къ смерти; теперь онъ доживалъ послѣднія минуты.

Въ видахъ предосторожности, гробовщикъ вошелъ не съ параднаго хода, а съ черной лѣстницы—въ кухню.

— Здравствуйте!..

— Что вамъ угодно? спросила ихъ кухарка.

— Здѣсь есть покойникъ!..

— Что? а?

— Здѣсь есть покойникъ!..

— Покойникъ?..

Кухарка остолбенѣла.

— Что ты? Господь съ тобой!.. Никакого у насъ нѣтъ покойника!..

— Какъ нѣтъ? Купецъ N померъ!..

Бухарка сбѣгала за горничной, потомъ еще нѣсколько человѣкъ изъ домашней прислуги.

— Дѣйствительно, что баринъ плохъ, очень плохъ, можно сказать, нѣтъ никакой надежды, но еще, слава Богу, живъ.

— А ты, братъ, рано пришелъ!..

— Убирайся, убирайся...

— Поторопился очень!..

— Какъ-же? Миѣ дворникъ сказываль!

Тутъ только кухарка сообразила, что во всемъ этомъ недоразумѣннн она отчасти сама виновата, потому что нѣсколько времени тому назадъ сказала дворнику, что баринъ-то тово... капуть... А дворникъ тотчасъ-же побѣжалъ къ гробовщику. Чтобъ поправить дѣло, она крикнула въ догонку гробовщику:

— Приходи опосля, ужю приходи!.. Повременить надо...

— Хорошо, хорошо! Пошлите за мной!..

— Ланно, пошлемъ!

Чтобы не огорчать господъ, прислуга рѣшила о приходѣ гробовщика никому не говорить.

Между тѣмъ, тяжко больной дѣйствительно скончался. Послали за читальщикомъ, а тотъ пошелъ къ знакомому гробовщику сообщить, что предстоитъ выгодный заказъ на траурную церемонію. Въ то-же время дворникъ побѣжалъ къ своему гробовщику.

— Что-жъ ты, братецъ, напуталь?

— Виновать! Это все она напутала!..

— Кто она?

— Кухарка! За то теперь—не зѣвайте!..

Померъ... За читальщикомъ послали!..

Гробовщикъ шелъ теперь смѣло—прямо черезъ парадный ходъ.

— Какъ будете хоронить—съ церемоніей?

— Разумѣется! Какъ на счетъ цѣны?

— Видите-ли, у насъ бываютъ разныя церемоніи, и разныя цѣны: на сто, на двѣсти, на триста и даже на тысячу рублей!

— Одно слово, чтобъ похороны были на славу!

— Шествіе откроетъ «вожатый» съ булавою, потомъ полсотни факельщиковъ съ возженными факелами, во фракахъ съ позументами, три пары лошадей, цугомъ, возлѣ каждой лошади по конюху, они будутъ держать лошадей подъ узцы... Роскошный балдахинъ, дроги заложимъ тоже почище... Дорогу изъ квартиры посыплемъ ельникомъ.

— Много-ли за все?

— Да вотъ, изволите видѣть: за гробъ — пятьсотъ рублей и двѣсти рублей—остальные расходы... итого тысяча рублей за выносъ!..

— Что такъ дорого?

— Помилуйте, большая церемонія

— Нѣтъ! Такой цѣны не дамъ!

— Не скупитесь, послѣдній долгъ отдать покойному!

— Я лучше другаго гробовщика позову!..

— Воронъ ворону глазъ не выклюетъ!..

— Больше семисотъ рублей не дамъ...

— Не могу-съ... На большія церемоніи у насъ и цѣны большія!..

— Семьсотъ пятьдесятъ!..

— Извольте, для васъ только, за девятьсотъ рубликовъ похоронимъ!..

— Восемьсотъ!..

— Никакъ не можемъ! Съ удовольствіемъ-бы похоронилъ!..

Гробовщикъ и заказчикъ долго еще торговались, пока не сошлись на послѣдней цѣнѣ.

— Такъ смотрите, чтобъ похороны были торжественные!

— Не безпокойтесь, не ударимъ лицомъ въ грязь!..

Сіяя отъ удовольствія и соображая свои барыши, гробовщикъ направился къ себѣ домой. Но только что онъ вышелъ изъ воротъ, какъ повстрѣчалъ другаго гробовщика, который, будучи предупрежденъ, спѣшилъ теперь сюда-же. Соперники встрѣтились враждебно и окинули другъ друга злобнымъ взглядомъ.

— Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ!..

— Хе, хе, хе!.. Кто зѣваетъ, тотъ воду хлѣбаетъ!..

— Ты мнѣ всегда становишься поперекъ дороги!..

— А помнишь, генеральскія похороны отбилъ!..

— Когда это?

— А, то-то! Позабылъ!..

И оба гробовщика вступили другъ съ другомъ въ домашніе счеты... Но дѣлать нечего, одинъ изъ нихъ пришелъ домой — веселый и ликующій, а другой вернулся, не солоно хлебавши.

Артель могильщиковъ.

Петербургскія кладбища представляютъ собою своеобразный міръ, не лишенный интереса.

Ежедневно здѣсь раздается плачь и скрежетъ зубовой—на свѣжихъ могилахъ; съ утра до вечера, особенно въ хорошую погоду, сюда стекается масса посѣтителей—помянуть «здѣ лежащихъ».

Чуя наживу, спѣшить сюда и нищая братія: цѣлыми вереницами они торчатъ здѣсь и тамъ, по тропинкамъ, протягивая руку—въ ожиданіи подачки.

Среди этого царства смерти хорошо живется могильщикамъ.

Работы имъ всегда много; на каждомъ петербургскомъ кладбищѣ организовались цѣлыя артели могильщиковъ—со старостами во главѣ.

По срединѣ кладбища устроенъ деревянный навѣсъ съ надписью: «артель могильщиковъ».

Здѣсь цѣлый день дежурить одинъ изъ могильщиковъ, — для приѣма заказа. На стѣнѣ подъ навѣсомъ виситъ на гвоздяхъ множество занумерованныхъ ключей—богатыхъ склеповъ и мавзолеевъ. Въ случаѣ, если кто изъ богатыхъ людей пріѣдетъ на могилу покойника, онъ идетъ къ дежурному могильщику—взять ключъ отъ мавзолея. Послѣ нѣсколькихъ минутъ уединенія на могилѣ близкаго родственника, ключъ возвращается по принадлежности.

Могильщики живутъ тутъ-же на кладбищѣ, въ особомъ зданіи.

Въ свободное время могильщики собираются подъ навѣсомъ, и здѣсь, сидя на скамейкахъ, упершись въ свои лопаты, ожидаютъ, не подвернется-ли заказчикъ. Всѣ они одѣты однообразно и непремѣнно въ бѣлыхъ передникахъ.

Необходимыя принадлежности каждаго могильщика слѣдующія: шупъ, лопата, ведро и длинное полотенце.

Шупъ употребляется для разслѣдованія почвы. Это—стальная палка въ сажень длиною и въ палець толщиною, съ острымъ концомъ. Прежде чѣмъ рыть могилу, могильщикъ развѣдываетъ почву: не лежитъ-ли тамъ кто-нибудь. Если стальной шупъ идетъ въ землю свободно, по самую рукоятку, значить, мѣсто свободно, въ противномъ случаѣ, шупъ наткнется на гробовую доску, нейдетъ дальше — и рыть могилу тутъ ужъ нельзя, а то потревожишь чьи-нибудь кости.

Не смотря на эти предосторожности, могильщикамъ нерѣдко случается наткнуться на неожиданный сюрпризъ, и тогда они, зарывши могилу, берутъ немного вправо или влѣво,—по обстоятельствамъ; если-же трупъ очень истлѣлъ, могильщикъ надъ нимъ много не задумывается, и разсѣкаетъ «гордіевъ узелъ» своею лопатою.

Лопата могильщика имѣетъ особый видъ, и ее можно сразу отличить изъ тысячи другихъ лопать, употребляемыхъ землекопами въ обыденной жизни. Она четырехугольной формы, продолговатая, книзу суживается, словно глядитъ въ землю. Видно, что подобная лопата предназначена для рытья по одному направленію—въ глубь, въ землю; отъ частаго употребленія она блеститъ, какъ плугъ. На рукояткѣ старательно вырѣзаны инициалы могильщика.

Ведро съ веревкой служитъ для вычерпыванія изъ могилы воды, преимущественно весною.

Стоя на финскихъ болотахъ, Петербургъ имѣетъ болотистую почву, а про кладбища и говорить нечего. И

немудрено, поэтому, что могильщики должны бывать прибѣгать къ помощи ведра, чтобы хотя на короткое время осушить вырытую могилу. И, наконецъ, длинное полотенце употребляется для спуска бранныхъ останковъ покойника въ могилу.

Когда могильщики сидѣли подъ навѣсомъ, пришла какая-то женщина въ глубокомъ траурѣ.

Могильщики, съ лопатами въ рукахъ, смѣялись и острили надъ однимъ изъ своихъ товарищей, который имѣлъ веселый взглядъ на жизнь и не дуракъ выпить. Онъ только что вернулся изъ заведенія, надъ которымъ, обыкновенно, красуется вывѣска: «распивочно и на выносъ». И понятно, сіе важное обстоятельство не могло пройти незамѣченнымъ могильщиками.

Завидя приближающуюся женщину, староста сдѣлалъ имъ надлежащее внушеніе.

— Ну, вы тише, чего галдите, словно вороны передъ ненастьемъ!..

— Здѣсь могильщики?

— Точно такъ-съ! Вамъ что угодно, сударыня?

— Могилку вырыть...

— Съ удовольствіемъ! Въ какомъ ряду прикажете?

— Въ пятомъ... Много-ли стоитъ «мѣсто»?

— Не дорого—рубλικовъ шесть за «мѣсто».

— Надо «мѣсто» выбрать...

— Пожалуйте, покажу!..

Заказчица, въ сопровожденіи могильщика, пошла въ самый задъ кладбища. Они шли по мосткамъ, кое-гдѣ переходили черезъ канавы, вырытыя для стока воды.

Канавы переполнены стоячей водой, издающей неприятный запахъ.

— Скоро — пятый рядъ?

— На самомъ задѣ! Послѣдній рядъ, а тамъ ужъ утопленники и самоубійцы пойдутъ... т. е. ихъ могилы!..

Чѣмъ дальше они удалялись отъ кладбищенской церкви, тѣмъ монументы и кресты на могилахъ попадались все проще и проще.

Наконецъ, заказчица остановилась, обвела взглядомъ вокругъ всю мѣстность и облюбовала одно мѣстечко.

— Ну, вотъ хоть здѣсь... тяжело вздохнувши, сказала она.

— Хорошо-сь!.. И могильщикъ вонзилъ въ почву свой щупъ.

— Большую могилку или маленькую?

— Для ребенка — пяти лѣтъ...

— Понимаю-сь!.. Тутъ можно!..

Могильщикъ принялся за работу: обчертилъ на землѣ размѣры могилы и сталъ копать. Отъ каждаго нажатія ноги, заступъ глубоко врѣзывался въ землю, которую онъ бросалъ по сторонамъ намѣченной черты. Пока могильщикъ рылъ могилу, заказчица все время слѣдила за работой, желая посмотреть, какова почва въ могилѣ и нѣтъ-ли тамъ воды. Чѣмъ больше онъ рылъ, тѣмъ болѣе опускался въ землю, и вотъ наконецъ совсѣмъ скрылся въ могилѣ, изъ коей вылетали комья сырой земли.

— Сыро, кажется, вода просачивается?

— Ваше счастье: попали въ песчаный слой!

— Здѣсь ей будетъ уютно, тихо прошептала любвеобильная мать.

— Готово!..

— Сколько за работу?

— Со взрослыхъ — по рублю, а съ малютокъ — по полтинѣ!

— Крестъ приготовьте...

— Какую надпись сдѣлать?

— Самую простую...

— Пожалуйте въ контору, я сейчасъ монументщика позову!

Вся дѣятельность могильщиковъ подраздѣляется, такъ сказать, на три упряжки: по утрамъ зарываютъ покойниковъ въ могилы, по вечерамъ копаютъ могилы и, наконецъ, по ночамъ стерегутъ кладбище. Повидимому, простое дѣло опустить и зарыть въ могилу покойника, однако для этого требуется сразу четыре могильщика, и такъ какъ ежедневно бываетъ по нѣскольку «выносовъ», то всѣ могильщики — заняты. Только что кончили зарывать покойниковъ, къ вечеру — новая работа: копать могилы на завтрашній день, такъ что на каждого могильщика приходится по нѣскольку могилъ въ день.

На нѣкоторыхъ петербургскихъ кладбищахъ «третья копѣйка съ вырытой могилы» идетъ въ пользу могильщиковъ; такимъ образомъ, они «нарываютъ рублей по двадцати на каждую лопату» въ мѣсяць; напротивъ, въ другихъ кладбищахъ могильщикамъ положено определенное жалованье, а выручка за рытье могилъ идетъ на пользу церкви.

Кромѣ этихъ обязательныхъ работъ, у могильщиковъ

есть побочныя занятія — съ воли. Это именно уходъ за могилами, напримѣръ, посыпка пескомъ дорожекъ, охраненіе неугасимыхъ лампадокъ и т. п.

Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, и могильныя памятники нерѣдко поражаютъ зрителя своимъ богатствомъ, затѣйливой архитектурой и роскошью отдѣлки. На иной надгробный памятникъ потрачено цѣлое состояніе, на которое можно было-бы выстроить небольшую деревеньку. Именитые купцы надъ своими фамильными склепами воздвигаютъ церкви, при этомъ вносятъ неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго идутъ на «вѣчное поминовеніе».

Во многихъ богатыхъ склепахъ горятъ неугасимыя лампы. Поддержаніе огня и подливаніе масла берутъ на себя жены могильщиковъ. У иного стараго могильщика насчитывается нѣсколько десятковъ мавзолеевъ, въвѣренныхъ его заботливости.

— Эй, могильщикъ!

— Что вамъ угодно?

— За склепомъ наблюдать и огонь въ лампадкѣ поддерживать!

— Можно-съ... И могильщикъ снялъ съ головы свою шапку и сталъ въ почтительную позу.

— А какъ насчетъ маслаца?..

— Все будетъ, только приемотрь!..

— И денно, и ночью?

— Постоянно... во всякую погоду... во всякое время...

— За это у насъ полагается по рублику съ могилки!

— Въ мѣсяць?

— Точно такъ-съ!..

— Хорошо...

— А у васъ одна могилка или двѣ?

— Нѣтъ, три!

— Три-и!.. Съ нескрываемою радостью воскликнулъ могильщикъ.

— Да, три...

— Три рублика приходится за всѣхъ-то!

— Тридцать шесть рублей въ годъ — дорогонько!

— Что-жъ дѣлать! Хлопотъ много!..

— Смотри, чтобъ лампадка теплилась безъ перерыва, неугасимо!..

— Зачѣмъ грѣха на душу брать... Хоть въ глухую полночь извольте придти... въ дождь... въ снѣгъ...

Къ вечеру посѣтителѣ расходятся, часовъ въ восемь кладбище запирается и водворяется тишина. Ночью дежурный могильщикъ, съ дубиною въ рукахъ, расхаживаетъ тамъ и сямъ по кладбищу.

Дежурство начинается тотчасъ-же по уходѣ публики.

— Пожалуйста, выходите, сейчасъ ворота запрутъ, торопите могильщикъ запоздавашаго посѣтителя.

— Сейчасъ собакъ будемъ выпускать!

Скучно дежурить могильщикамъ, по ночамъ на кладбищѣ. Кругомъ—мертвое царство. Во мракѣ ночи мелькаютъ кой-гдѣ огоньки въ неугасаемыхъ лампадахъ надъ могилами покойниковъ...

Дюжины двѣ собакъ бѣгаютъ по кладбищу, помогая могильщикамъ стеречь мертвыхъ—отъ воровъ.

Торговка могильными вѣнками.

Разстанная улица ведетъ на Волково кладбище. Она совсѣмъ не похожа на другія улицы столицы. Куда ни взглянешь, здѣсь всюду видишь атрибуты смерти. То и дѣло попадаются монументальные магазины, кухмистерскія, куда собираются отдать «последній долгъ» усопшему; маленькія лавочки, гдѣ бабы-торговки бойко торгуютъ могильными вѣнками; въ окнахъ выставлены на показъ разные монументы: мраморныя гробницы, кресты, ангелы, гипсовыя фигуры плачущихъ женъ съ урнами въ рукахъ. Въ открытыхъ дворахъ виднѣется цѣлый лѣсъ деревянныхъ могильныхъ крестовъ, которыхъ хватило-бы по крайней мѣрѣ на два, на три поколѣнія какого-нибудь уѣзднаго города. Торговки могильными вѣнками сидятъ у дверей своихъ лавочекъ. На дверяхъ развѣшены разные вѣнки. Даже заборы — и тѣ увѣшены вѣнками. Иная бѣдная женщина не въ состояніи имѣть лавку и просто-на-просто арендуетъ въ какомъ-нибудь пустопорожномъ мѣстѣ заборъ, и на этомъ заборѣ ведетъ торговлю могильными вѣнками: придя на Разстанную улицу, она развѣшиваетъ свой товаръ на заборѣ, а сама стоитъ тутъ-же, на панели, въ ожиданіи покупателя.

Торговки, имѣющія свои лавки, ведутъ дѣло на широкую ногу: онѣ содержатъ рабочихъ, которые «собираютъ» и «вяжутъ» вѣнки, а нѣкоторыя имѣютъ даже оранжереи для цвѣтовъ — эти послѣдніе идутъ на украшеніе могиль.

Раннимъ утромъ торговка открываетъ свою лавочку.

Развѣшиваетъ на дверяхъ вѣнки, устанавливаетъ возлѣ забора дюжины двѣ крестовъ — для дѣтей, для взрослыхъ, дорогихъ, дешевыхъ, крашенныхъ, некрашенныхъ, сосновыхъ и «подъ дубъ». Все это она дѣлаетъ тихо, не торопясь, знаетъ, что куда положить, видно, что она сжилась съ своей профессіей. Много лѣтъ тому назадъ бывшая холерная эпидемія положила начало ея благосостоянію.

Въ бѣломъ передникѣ, въ пестромъ платочкѣ — она сидитъ у дверей своей лавки.

Изъ деревни Коломаги пріѣхалъ крестьянинъ и привезъ цѣлый возъ вѣнковъ, сдѣланныхъ изъ вѣтвей хвойнаго дерева, а также изъ болотнаго мха.

— Здравствуй...

— А, здорово!

— Ну, какъ дѣла?

— Ничего, слава Богу хороши.

— Вѣнковъ привезъ!..

— У меня всѣ вышли...

— Много ли тебѣ?

— Сотни двѣ, три! Пока довольно будетъ!

Мужикъ, стоя на телѣгѣ, сбрасывалъ оттуда вѣнки къ дверямъ лавки, а торговка бережно укладывала ихъ на мѣсто.

— Ровно триста!

— Прибавь на раструску что-нибудь.

— На раструску!.. Хе, хе, хе!.. Изволь...

И мужикъ кинулъ связку вѣнковъ.

— А болотныхъ не требуется?

— Ну-ка, покажи? Влѣдны очень!.. Рыжіе...

— Да ужъ зеленѣе этого не выкрасишь!

Каломьяжскіе крестьяне вяжутъ могильные вѣнки изъ болотнаго мха, а чтобы они не были рыжими или сѣдыми, ихъ окрашиваютъ въ яркую зелень.

— Ну, куда ни шло, вали сотнягу... Разберуть!

— Изволь, ровно четыреста штукъ!

— Извѣстное дѣло! По три копѣйки за хвойные, да по двѣ — за болотные!

— Дорогонько!.. Моху-то на болотѣ не занимать статью...

— Такъ-то такъ... Да вѣдь нарвать его надо, выкрасить... мохъ-то!..

— Велика работа!..

— А почему сама-то продаешь?

— Да ужъ это мое дѣло, почему я продаю!

Мужикъ поѣхалъ къ другой лавкѣ.

Отъ сосѣдняго гробовщика пришелъ мальчишка и принесъ десятка два-три стружковыхъ вѣнковъ. Отецъ его сколачиваетъ гробы и рубить кресты, а дѣти изъ стружекъ вяжутъ вѣнки, окрашенные въ блѣдно-розовый цвѣтъ.

Такимъ образомъ, ничто не пропадаетъ, даже стружки—и тѣ идутъ въ дѣло. Каждое лыко—въ строку.

— Тетенька, вѣнчочковъ не угодно-ли вамъ!

— Давай, давай! Ахъ, ты бутузъ этакой!..

Получивъ деньги, мальчишка весело выбѣжалъ изъ лавки, а торговка сѣла возлѣ дверей. Лавочка была биткомъ набита всевозможными вѣнками; были тутъ и вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ, изъ иммортели, изъ хвои и т. п. Одни вѣнки окрашены въ блѣдно-розовый цвѣтъ — это

для дѣвочекъ, другіе — въ голубой цвѣтъ: это для мальчиковъ. Многіе вѣнки — съ металлическими надписями, напримѣръ, «незамѣнимому отцу», «незабвенному другу», «милому брату», «милой сестрѣ», «дѣду», «дражайшей бабушкѣ», «отъ неутѣшной вдовы — мужу» и наконецъ «тещѣ—отъ зятя».

Съ утра по Разстанной улицѣ нѣтъ, нѣтъ, да и пройдетъ похоронная процессія. Въ иной счастливый денекъ ихъ перевалить десятка за два, за три.

Торговки могильными вѣнками имѣютъ особый нюхъ. При первомъ-же взглядѣ на процессію, онѣ отлично угадываютъ, будетъ-ли пожива. Иная процессія промелькнетъ тихо, скромно, позади ея ѣдетъ всего-то одна наемная карета, запряженная парюю россинатовъ. Торговка не двинется съ мѣста.

А вотъ торжественно тянется процессія съ церемоніею; хвостъ ея растянулся на цѣлую версту—и все «собственные экипажи».

Торговки, съ вѣнками въ рукахъ, выбѣгаютъ на самую средину улицы, и суютъ вѣнки прохожимъ подъ самый носъ, выкрикивая звонкимъ голосомъ:

- Вѣнковъ не угодно-ли вамъ!
- Купите, сударь, вѣночекъ — помянуть покойничка!
- Вѣночки, вѣночки дешево продаются!..
- Не пожалѣйте денегъ—для покойничка!
- Пожалуйте—у меня выборъ хорошій!
- Что стоитъ вонъ тотъ вѣнокъ?
- Который?
- Изъ живыхъ розъ!
- Недорого... красненькую!

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Купите, можно уступить... для васъ только...

— Ну, сколько-же?

— Двѣ зелененькихъ!..

— Нѣтъ, дорого!

— Вовсе не дорого. Вѣдь вѣнокъ изъ живыхъ розъ, а не какой-нибудь... Вотъ не хотите-ли изъ болотнаго моха, дешево отдамъ; всего за двугривенный.. тоже вѣнокъ!..

— Розы немного завяли!..

— Что-жъ что завяли? Для покойниковъ все равно!

— Для покойниковъ-то все равно, да для живыхъ не все одно!

— Ну, какъ хотите!

— Зелененькую, пожалуй, дамъ!

— Что вы, баринъ, на Сѣнной что-ли торгуетесь? Ежели хотите свое усердіе показать къ покойничку, такъ ужъ не скупитесь... не жалѣйте денегъ...

— Четыре рубля!..

— Не могу!.. Себѣ въ убытокъ:

— Въ это время подошли еще нѣсколько покупателей.

— Почему вѣнокъ?

— Этотъ? Полтинникъ!

— Вѣнокъ изъ иммортелей?

— Рубль!

— Эй, тетка, изъ чего этотъ вѣнокъ?

— Изъ стружекъ, сударь!

— Ну, хочешь синенькую! Последняя цѣна!..

— Съ удовольствіемъ-бы, не могу, себѣ въ убытокъ!..
Поглядите на розы — какія пышныя!..

Покупатель сталъ уходить изъ лавки.

— Баринъ, вернитесь!..

Но покупатель торопливо пробирався въ другую лавку.

Торговка опроретью выбѣжала изъ лавки и нечаянно зацѣпила платьемъ нѣсколько висѣвшихъ на двери вѣнковъ, которые упали на мостовую.

— Эй, баринъ, вернитесь, вернитесь, уступлю, кричала она вдогонку. Господинъ вернулся.

— Извольте... для васъ только!

Пришла какая-то барыня, одѣтая въ трауръ. На лицѣ ея проглядывала глубокая скорбь.

— Послушай, милая...

— Что вамъ угодно, сударыня?

— У васъ есть оранжерея?

— Точно такъ!

— Мнѣ-бы могилку убирать цвѣтами!..

— Съ удовольствіемъ!

— На дняхъ похоронила свою дочку!..

— Какими цвѣтами прикажете?

— Не все-ли равно — какими...

— Мы посадимъ настурцію, гвоздику...

— Покойница любила незабудку...

— Можно и такъ... на могилку посадимъ незабудку, а по бокамъ — гвоздику!

— Много-ли стоитъ?

— У насъ помѣсячно! За уборку могилы живыми цвѣтами—восемь рублей!..

— Только чтобы цвѣты постоянно были свѣжіе...

— Не сумѣвайте? У насъ садовникъ слѣдить за этимъ!..

— Чтобы дорожку вокругъ могилы посыпать пескомъ...

— Все, все будетъ въ исправности! Въ какомъ ряду могилка вашей дочери?..

— Въ первомъ ряду, возлѣ церкви..

— Эй, Иванъ! окликнула торговка изъ сосѣдней комнаты садовника,

— Ступай-ка съ барыней. Онѣ тебѣ покажутъ могилку... Живыми цвѣтами надо будетъ убирать!

Барыня, уплативъ деньги за полгода впередъ, въ сопровожденіи садовника отправилась на кладбище. Они шли по мосткамъ. Направо и налѣво, точно рожь на нивѣ, стояло безчисленное множество всевозможныхъ крестовъ — деревянныхъ, каменныхъ, чугунныхъ... Преобладали деревянные. Одни стояли прямо, очевидно новые, недавно поставленные; другіе наклонились набокъ, и наконецъ, третьи отъ излишней дряхлости лежали на землѣ: это забытыя могилы.

На вершинахъ деревь вороны устроили себѣ гнѣзда, надъ которыми они съ крикомъ летали многочисленными стаями.

Пройдя небольшой деревянный навѣсъ съ надписью «артель могильщиковъ», барыня и садовникъ повернули направо — къ церкви.

— Вотъ ея могилка...

— На песчаномъ бугрѣ, значитъ!

Красивый мраморный памятникъ обнесенъ былъ чугунной рѣшеткой, окрашенной въ зеленый цвѣтъ. На памятникѣ золотыми буквами, между прочимъ, высѣчена слѣдующая надпись: «Ты была хорошее дитя, и я тебя никогда не забуду».

— Послушай, любезный, когда уберешь могилку цвѣтами, такъ поливай ихъ...

— Извѣстное дѣло, поливать надо!

— Чтобы цвѣты не завяли...

— Не безпокойтесь... не одна ваша могила... Мы ихъ тутъ убираемъ многіе десятки. Каждый день поливаемъ!

— Вотъ тебѣ ключъ отъ рѣшетки...

— На чаекъ съ вашей милости нельзя-ли!

Проговорилъ садовникъ, снявъ шапку и почесывая затылокъ.

Сердобольная мать швырнула ему рублевую бумажку и пошла домой

— Такъ черезъ недѣлку я понавѣдаюсь...

— Слушаю-сь, останетесь довольны.

Артель факельщиковъ.

Изъ всѣхъ ремесль, изъ всѣхъ возможныхъ способовъ, употребляемыхъ для добыванія насущнаго хлѣба, самое жалкое, самое мрачное ремесло — ремесло факельщика.

Взгляните на этого человѣка, медленно шествующаго съ насаженнымъ на древкѣ фонаремъ въ рукахъ впереди

похоронной процессіи по широкимъ петербургскимъ улицамъ. Зимомъ и лѣтомъ, въ дождь и снѣгъ, онъ всегда одѣтъ въ одинъ и тотъ-же костюмъ, «по формѣ», установленной гробовщиками: въ треугольной шляпѣ, въ черномъ фракѣ, обшитомъ позументами, въ черныхъ брюкахъ съ бѣлыми лопасами, черезъ плечо — бѣлый шарфъ съ серебряными кистями; порыжелые отъ времени сапоги обнаруживаютъ, что они совершили на своемъ вѣку чуть-ли не кругосвѣтное путешествіе.

Таковъ факельщикъ во время траурной церемоніи, но снимите съ него гробовой нарядъ, и передъ вами предстанетъ самый заурядный петербургскій бѣднякъ, который, чтобы не умереть съ голоду, «пошелъ въ факельщики». Подъ этимъ чернымъ фракомъ съ позументами скрывается нерѣдко и овчинный полушубокъ мужика, не нашедшаго себѣ работы, и грязное рубище неисправимаго алкоголика, постоянного посѣтителя питейныхъ домовъ. Словомъ, въ факельщики идутъ всякіе, что называется, съ борка да съ сосенки. Коли не повезло въ жизни съ живыми, такъ изволь-ка пристроиться къ мертвымъ, тѣмъ болѣе, что отъ факельщика не требуется никакого ремесла, никакихъ практическихъ познаній. Вся его работа ограничивается ходьбою на «выносъ» покойника. Понятно, такую простую работу можетъ исполнять всякій: ходи себѣ каждый день по кладбищамъ. Иногда въ факельщики поступаютъ временно, до пріисканія болѣе подходящихъ занятій.

Большинство-же изъ нихъ сроднилось со своею мрачною профессіей, и вооружившись терпѣніемъ и философ-

скимъ мужествомъ, день-деньской провожаютъ покойниковъ на тотъ свѣтъ, получая за это по полтинѣ за «выносъ». Мало того, нѣкоторые счастливыцы успѣваютъ даже попасть на два «выноса» въ одинъ и тотъ-же день: утромъ — на православныя похороны, а вечеромъ — на лютеранскія.

Факельщики живутъ въ центрѣ города, преимущественно около Сѣннаго и Александровскаго рынковъ: здѣсь они организовались въ большія артели, человѣкъ по двадцати пяти въ каждой, съ хозяиномъ во главѣ. Особенно они излюбили нѣкій переулокъ, гдѣ ихъ ютится нѣсколько артелей въ одномъ домѣ—всего около 100 человѣкъ. Понятно, этотъ счастливый домъ, почти сплошь заселенный факельщиками, носитъ на себѣ особый мрачный отпечатокъ.

Факельщики платятъ своему хозяину за «уголь»; съ своей стороны хозяинъ обязанъ найти для нихъ работу. На жаргонѣ факельщиковъ, хозяинъ носитъ названіе «наборщика», потому что онъ набираетъ народъ для траурныхъ церемоній. Ежедневно по вечерамъ «наборщикъ» «бѣгаетъ» по гробовымъ мастерскимъ, спрашивая, сколько куда требуется факельщиковъ.

Какъ извѣстно, заказы на траурныя церемоніи дѣлаются въ гробовыхъ мастерскихъ, у гробовщиковъ: вотъ тутъ-то «наборщики» и узнаютъ, какъ великъ спросъ на факельщиковъ. Съ записною книжкою въ рукахъ, «наборщикъ» отмѣчаетъ адресъ покойника, количество требуемыхъ факельщиковъ и названіе кладбища. Наборщики называютъ еще «бѣгунами».

Трудъ факельщика оплачивается гробовщикомъ. Каж-

дый факельщикъ платитъ «бѣгуну» по пятаку за «выносъ», за то, что онъ нашель ему работу.

Наборщикъ набираетъ факельщиковъ для своихъ знакомыхъ гробовщиковъ. Иной наборщикъ поставляетъ народъ для нѣсколькихъ гробовыхъ мастерскихъ, расположенныхъ въ разныхъ концахъ города, и всё эти мастерскія онъ долженъ «обѣгать» вечеромъ, чтобы навести справки.

Такимъ образомъ, артель факельщиковъ, вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ-бѣгуномъ распредѣляютъ свой трудъ такъ: въ то время, когда факельщики бываютъ на «выносѣ», хозяинъ ихъ не сидитъ, сложа руки: онъ собираетъ свѣдѣнія на завтрашній день.

Цѣлый день факельщики—въ разбродѣ, но вечеромъ собираются домой.

Ни свѣтъ, ни заря, факельщики уже на ногахъ и приготавливаются на «выносъ»: одни очищаютъ отъ насѣвшей пыли фракъ и треуголку, другіе вѣтавляютъ свѣчи въ фонари. По двору то и дѣло шмыгаютъ, точно черные вороны, партіи факельщиковъ, человекъ по пяти, по десяти и т. д., смотря по похоронамъ. Они направляются въ разные концы города, по указанному адресу — къ гробовщикамъ.

А здѣсь уже давно заложены похоронныя дроги. Пара «россинантовъ», въ черныхъ попонахъ, съ длинными остроконечными наушниками, лѣнливо стояла на дворѣ гробовщика. Сзади дрогъ привязано еще двѣ пары, которыхъ пристегнуть цугомъ потомъ. Съ виду это лошади, какъ лошади, даже довольно граціозныя въ своемъ траурномъ нарядѣ. Но ради справедливости, слѣдуетъ

замѣтить, что лошади эти куплены на Конной площади у татарина-живодера за безцѣнокъ. Ихъ давно-бы не существовало на свѣтѣ, потому-что онѣ отжили свой вѣкъ, и татаринъ-живодеръ собирался «спустить съ нихъ шкуру», но на ихъ счастье подвернулся гробовщикъ. Онъ заявилъ татарину, что ему именно такихъ лошадей и надо, которыя «тихо ходять», и что его кліенты не любятъ быстрой ѣзды. Татаринъ-живодеръ вошелъ въ положеніе гробовщика, и уступилъ ему заморенныхъ клячъ — года на два, на три, пока ноги не протянуть.

Старый возница, въ черной шинели, въ черномъ помѣтомъ цилиндрѣ, приводилъ въ порядокъ похоронныя дроги съ роскошнымъ балдахинномъ.

— А вотъ и мы пришли...

— Что такъ долго? Пожалуй «на выносъ» опоздаемъ!

— Далече идти...

Факельщики сѣли на дроги, и лошади, громыхая, тронулись въ путь.

— Гдѣ выносъ-то?

— На Сергіевской... а оттуда въ Новодѣвичій монастырь — на кладбище.

Часовъ въ двѣнадцать, послѣ заупокойной литургіи, печальный кортежъ двинулся въ путь съ большою церемоніей.

Шествіе открывалъ факельщикъ съ булавою; затѣмъ шли двое факельщиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ «гербовыхъ», они несли гербъ на древкѣ. Далѣе слѣдовали попарно «фонарщики» съ зажженными свѣчами. На бархатныхъ подушкахъ несли нѣсколько орденовъ Нѣ-

сколько «вожатыхъ» вели подъ уздцы лошадей. И наконецъ, около гроба шли факельщики — лакеи: они поддерживали кисти гроба.

Позади гроба тянулась вереница собственныхъ экипажей.

Когда гробъ опустили въ могилу и зарыли землю, факельщики отыскали «распорядителя похоронъ». Окруживъ его плотною стѣною, они выпрашивали «на чай».

— Нельзя-ли на чаекъ съ вашей милости?

— Чтобъ было чѣмъ помянуть покойника!

Приставали факельщики, снявъ свои треуголки.

— Много-ли вамъ?

— Какъ вашей милости угодно будетъ!..

— Вотъ — по четвертаку на брата!

— Смѣю сказать, маловато маленько... потому богатя похороны...

— Вотъ вамъ — еще!

— Благодаримъ покорно, дай вамъ Господи доброе здоровье...

— А покойничку — вѣчная память и крѣпкое лежаніе...

Въ то время, какъ надъ свѣжей могилой произносились надгробныя рѣчи, факельщики торопливо возвращались съ кладбища домой.

— А что, братцы, не завернуть-ли?

— Не мѣшаетъ, для подкрѣпленія силъ!

И факельщики завернули въ первый-же попавшійся трактиръ. Подкрѣпившись довольно основательно и закинувъ фонари за плечи, они пришли домой — усталые и

голодные, и принялись за ѣду. Всѣ они были немного на веселѣ.

Наборщикъ обходилъ «гробовыя», наконецъ и онъ вернулся.

— Какъ великъ наборъ?

— Завтра двадцать человѣкъ... пятеро гуляютъ!..

— Нисколько не гуляютъ; у сосѣдней артели не хватаетъ семи человѣкъ, можно туда!

— Ну-съ, кого куда? Наборщикъ вынулъ свою записную книжку.

— На Пески четыре человѣка, домъ NN... Чиновника одного хоронять...

— На какое кладбище?

— На Митрофаніевское!..

— Ну, хоть мы проводимъ!..

— На Петербургскую сторону—десять человѣкъ, на купецкія похороны, домъ NN., хоронять на Смоленскомъ кладбищѣ...

— А гдѣ будутъ отпѣвать?

— У Николы Трунилы!..

— Теперь наша очередь туда идти...

Наборщикъ продолжалъ читать по своей записной книжкѣ.

— Двое въ Коломну, домъ NN, двое на Выборгскую сторону и двое по финляндской желѣзной дорогѣ, на Успенское кладбище...

Охотниковъ прокатиться съ «покойникомъ» по финляндской желѣзной дорогѣ долго не находилось, потому-что оттуда приходилось возвращаться поздно вечеромъ.

— Ну, что-жь? Никто не ѣдетъ?

— Ну, ладно, мы поѣдемь!..

Согласились какіе-то два старика.

— Молодцы, ребята!.. Я вамъ заранѣе выхлопоталъ «на чай» отъ гробовщика, потому — конецъ большой...

Обыкновенно, факельщики охотно идутъ на богатыя пышныя похороны, въ надеждѣ на наживу, и на обороть—нехотя на похороны бѣдныя, сѣренькія.

Окончивъ распредѣленіе факельщиковъ на «выносы», наборщикъ и себя не забылъ: сталъ собирать съ нихъ пяточки, за исключеніемъ тѣхъ пяти человекъ, кои остались не у дѣль.

Фабричные типы.

Ткачи.

I.

Село Александровское, въ окрестностяхъ Петербурга, по Шлиссельбургскому тракту, издавна славится заводскимъ и фабричнымъ производствомъ. Расположенное на берегу Невы, верстахъ въ десяти отъ столицы, это село имѣетъ своеобразную фizioномію: куда ни взглянешь, всюду видишь огромныя пятиэтажныя зданія съ закоп-тѣлыми трубами, высоко поднимающимися въ воздухѣ. Начиная отъ Калашниковской пристани, тянутся по Шлиссельбургскому тракту, версть на пятнадцать, жилия строенія, фабрики и заводы. Среди мѣстныхъ обывателей весь этотъ фабричный районъ подраздѣляется на слѣдующія села: сперва идетъ Стеклянное, почти рядомъ съ Калашниковской пристанью, затѣмъ — Смоленское, потомъ — Фарфоровое и, наконецъ — Александровское. Шлиссельбургскій трактъ идетъ параллельно Невѣ. По ту сторону Невы виднѣются безконечною вереницею кирпичные заводы.

Село Александровское фабрикуетъ весьма разнообразныя товары, начиная отъ предметовъ первой необходимости и кончая предметами роскоши. Здѣсь имѣются ткацкія фабрики, сталелитейныя заводы, химическія заводы, карточная фабрика, гдѣ печатаются игральныя карты для всей Россіи, Императорскій фарфоровый заводъ, ситценабивная фабрика, спичечная фабрика и т. д. Около фабрикъ и заводовъ ютятся маленькіе сѣренкіе деревянныя домики, гдѣ живутъ заводскіе и фабричныя рабочіе. Во всемъ этомъ фабричномъ районѣ насчитывается до 100,000 рабочихъ. Общій размѣръ производства села Александровскаго простирается на многіе десятки милліоновъ.

Въ длинныя зимніе вечера фабрики и заводы освѣщаются газомъ и электричествомъ. При вечернемъ искусственномъ освѣщеніи каждая фабрика блеститъ тысячами огней, изливая яркій свѣтъ въ окна. Многочисленныя трубы села Александровскаго изо дня въ день выбрасываютъ огромную массу дыма, который носится въ воздухѣ и садится на сосѣднія постройки. Все въ этомъ селѣ покрыто дымомъ и копотью: и фабрики, и домишки, гдѣ живутъ рабочіе, и наконецъ сами рабочіе.

Если наблюдать село Александровское въ будни, то вынесете одно впечатлѣніе; если въ праздничные дни—то другое впечатлѣніе. Въ будни—улицы села Александровскаго пустыютъ: рабочій людъ разбрелся по фабрикамъ и заводамъ. Только дѣти бѣгаютъ по улицамъ, около воротъ, безъ всякаго призора. Фабриканты и заводчики въ селѣ не живутъ: они живутъ въ городѣ.

Ежедневно по утрамъ они прѣзжаютъ въ село, навѣстить фабрику или заводъ. Нѣтъ, нѣтъ, да по улицѣ села и промчится коляска фабриканта, запряженная ретивымъ орловскимъ рысакомъ.

По воскреснымъ днямъ улицы села Александровскаго оживляются. Скинувъ съ себя сѣрыя блузы и одѣвшись во что Богъ послалъ, фабричные и заводскіе мастеровые выходятъ изъ своихъ квартиръ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Лѣтомъ улицы села буквально кишатъ фабричными. Рабочіе, мужчины и женщины, отъ нечего-дѣлать, сидятъ или толкуются около своихъ воротъ, грызя подсолнухи. Молодежь, нарядившись въ «спинжакъ», козловые сапоги со скрипомъ, при часахъ съ серебряной цѣпочкой и съ «гармонією» въ рукахъ, отправляется гулять — по набережной Невы. Берегъ рѣки высокъ, и съ него открывается великолѣпный видъ на Неву. Широкою лентою несетъ Нева быстрыя воды свои. Вдали, по ту сторону рѣки, виднѣется Охта, а еще далѣе — пестрѣютъ каменные громады города. Кое-гдѣ по берегу разставлены скамейки — къ услугамъ гуляющей публики. Гармоника — единственный и излюбленный музыкальный инструментъ среди рабочихъ; звуки ея не умолкаютъ цѣлый день. Мѣстные трактиры переполнены посѣтителями — поклонниками Бахуса и любителями послушать трактирный органъ, который «на весь кварталъ симфонію гремитъ». По вечерамъ въ общедоступномъ народномъ театрѣ даются разныя зрѣлища — для рабочихъ. Этотъ театръ построенъ и содержится на деньги, пожертвованныя мѣстными фабрикантами и заводчиками по подпискѣ.

Лѣтомъ здѣсь подвизаются разные акробаты и «канатные плясуны».

Часамъ къ восьми вечера улицы мало-по-малу пустѣютъ: не раздаются болѣе звуки гармоникки, не слышать пѣсенъ мастеровыхъ — рабочіе расходятся по домамъ. Они ложатся спать рано, чтобы завтра утромъ поспѣть на фабрику. Среди многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ въ селѣ Александровскомъ обращаетъ на себя вниманіе, по размѣрамъ своего производства, бумагопрядильная и ткацкая мануфактура. Нѣсколько колоссальныхъ каменныхъ корпусовъ, примыкая къ Невѣ, образуютъ собою цѣлый ткацкій городокъ. На воротахъ фабрики красуется государственный гербъ. Не считая прядильщиковъ, на фабрикѣ работаетъ до 3,000 человекъ.

Около ткацкого и прядильного станковъ сосредоточены многочисленные типы рабочихъ и работницъ, которые исполняютъ весьма разнообразныя работы, требующія особаго умѣнья и навыка. Такъ, напримѣръ, здѣсь работаютъ шипальщицы, трепальщицы, кардовщики (около кардъ-машины), люльщики (около люль-машины), шлихтовальщики (около шлиховальной машины), катушечницы, подавальщицы, продѣвальщицы и, наконецъ, ткачи.

Ткачи и прядильщики живутъ недалеко отъ фабрики. Ткачъ Иванъ — самый заурядный ткачъ. Его жена и дочь тоже работаютъ на фабрикѣ; жена — прядильщица, а дочь — подавальщица; она продѣваетъ нитку въ бердо. Иванъ нанимаетъ квартиру въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, недалеко отъ фабрики.

Крыша этого домика давно уже покрылась зеленымъ мохомъ, а досчатая обшивка домика до того проржавѣла, что издали казалась не то рыжею, не то красною. Зимую въ этихъ домикахъ было холодно.

Какъ и всѣ ткачи, Иванъ имѣлъ на своемъ лицѣ фабричный отпечатокъ: это именно желтоватый, точно воскъ, цвѣтъ лица.

Грудь у него впалая, руки слабыя, тонкія. Кромѣ того, онъ былъ «крѣпокъ на ухо». Глухоту онъ получилъ на фабрикѣ, много лѣтъ работая около ткацкаго станка. Въ первое время по поступленіи на фабрику, звуки ткацкаго станка вызвали у него болѣзненное звуковое впечатлѣніе. Иванъ, по примѣру прочихъ ткачей, затыкалъ свои уши ватой... Но потомъ онъ привыкъ къ этому шуму и обходился безъ ваты...

Пять часовъ утра. На улицѣ темно. На фабрикахъ и заводахъ гудятъ призывные свистки. По первому свистку рабочіе встаютъ, по второму приготавливаются на работу, а по третьему всѣ должны быть на мѣстахъ. Каждый рабочій превосходно различаетъ свистокъ своей фабрики отъ сосѣднихъ. Вонъ раздается на всю окрестность густой, могучій свистокъ, точно левъ рычитъ: это на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ призываютъ литейщиковъ—пушку отливать. Въ другомъ концѣ села, точно сирена, звучитъ въ воздухѣ свистокъ на карточной фабрикѣ: это карточницъ, дѣвушекъ и женщинъ призываютъ на карточную фабрику — разбирать и сортировать игральныя карты по колодамъ. Множество фабричныхъ и заводскихъ свистковъ громко, почти одно-

временно звучать на всю окрестность. Тысячи рабочихъ, точно пчелы въ улей, слѣшаютъ на фабрики и заводы.

Идутъ на фабрику и ткачи. Иванъ всталъ рано. Вся семья, мужъ, жена и дочь, идутъ на фабрику, пробираясь по деревяннымъ мосткамъ, насланнымъ по обѣимъ сторонамъ улицы. Фабрика была уже освѣщена, изнутри ея льется на улицу обильный свѣтъ. Миновавъ «проходную контору», рабочіе входятъ на фабрику: ткачи — въ ткацкое отдѣленіе, щипальщицы, трепальщицы, прядильщицы — въ прядильное отдѣленіе и т. д.

Въ проходной конторѣ, на большихъ черныхъ доскахъ, на стѣнѣ, развѣшены жестянки съ обозначеніемъ № рабочаго. Иванъ, войдя на фабрику, снялъ съ крючка свою «жестянку» — въ знакъ того, что онъ былъ на работѣ; то же самое сдѣлали жена и его дочь. Иванъ вошелъ въ ткацкое отдѣленіе фабрики и всталъ около ткацкаго станка. Онъ работаетъ сразу на четырехъ станкахъ, т. е. присматриваетъ за ними. Станки разставлены попарно, одинъ противъ другого. Ткацкое отдѣленіе — самое обширное на фабрикѣ. Въ немъ многочисленными рядами разставлено болѣе тысячи ткацкихъ станковъ. Ткацкое отдѣленіе помѣщается въ особомъ одноэтажномъ зданіи: многоэтажное зданіе не выдержало бы такого количества ткацкихъ станковъ. Во время работы, отъ сотрясенія пола и стѣнъ, стала бы часто рваться нитка основы. Вотъ почему ткацкое отдѣленіе устроено внизу. Обширное зало, по величинѣ, вѣроятно, первое во всемъ Петербургѣ, сплошь занято ткацкими станками. Между рядами станковъ оставлены небольшіе промежутки для прохода ткачей. Вдали — перспектива

ткацкихъ станковъ сливается въ общій сѣрый тонъ. Тонкія чугунныя колонны, окрашенныя въ бѣлый цвѣтъ, легко и прочно подпираютъ стеклянный потолокъ, замѣняющій въ то же время и крышу для ткацкаго отдѣленія. Днемъ — свѣту много въ ткацкомъ отдѣленіи, да свѣтъ и необходимъ для ткачей, иначе, они не замѣтили бы порванную нитку въ основѣ ткани. Въ этомъ отношеніи, владѣлецъ фабрики, устраивая свѣтлое зало, заботился не столько объ удобствѣ для ткачей, сколько — о качествѣ миткала, сатина, domestика и прочихъ хлопчатобумажныхъ тканей.

Вверху, возлѣ самого потолка, стоятъ въ покое цилиндры, колеса и проч. двигатели, отъ которыхъ множество ремней проведены книзу, къ ткацкимъ станкамъ. Каждый ткацкій станокъ имѣетъ свой подвижной ремень. Цѣлый лѣсъ ремней стоитъ въ воздухѣ, протянувшись отъ пола и до самаго потолка. Еще не было шести часовъ, когда рабочіе собирались въ ткацкое отдѣленіе. Ткачъ Иванъ подошелъ къ своимъ станкамъ, скинулъ полушубокъ и остался въ рабочей блузѣ. На голову онъ надѣлъ ремешокъ, который, обхватывая волосы, не давалъ имъ падать книзу и заслонять глаза.

Вынувъ изъ ящика щетку, Иванъ сталъ ею очищать свои четыре ткацкіе станка отъ насѣвшей на нихъ мельчайшей хлопчатобумажной пыли. Отеревъ всѣ четыре станка тряпкой, онъ всю пыль сметалъ въ проходъ. А отсюда «полометчицы» выметали ее прочь. На обязанности ткачей лежитъ, между прочимъ, очищать станки отъ пыли. Чистка станковъ происходитъ два раза въ недѣлю, для чего ткачи приходятъ на фабрику нѣсколь-

ко ранѣе назначеннаго для работы времени. Мало-помалу ткачи собирались. Вотъ раздался призывной третій фабричный свистокъ. Кто опоздалъ, тѣ спѣшили занять свои мѣста. Рабочіе, мужчины и женщины, ткачи и ткачихи, стояли возлѣ своихъ станковъ; большинство были мужчины. Ткачи пестрѣли тамъ и сямъ между рядами станковъ, точно жнецы на нивѣ. Всѣ они приготовились въ ожиданіи работы. Была тишина. Не двигался еще лѣсъ ремней, неподвижно стояли ткацкіе станки.

Ткачи, недавно еще проснувшись отъ сна и торопливо собравшись на фабрику, не были расположены къ болтовнѣ. Раздался звонокъ. Ткачи встрепенулись. Кто стоялъ въ проходѣ, тотъ подошелъ къ своему станку. Иванъ окончилъ чистку и тоже сталъ возлѣ станка. Предупредительный звонокъ подается для того, чтобы ткачи и прочіе рабочіе были осторожнѣе: не попали бы подъ безконечный ремень, который послѣ звонка приходитъ въ движеніе. Каждый рабочій знаетъ, что послѣ звонка въ машинномъ отдѣленіи машинистъ пускаетъ паровой двигатель въ дѣйствіе. Это значить, что фабрику пустили въ ходъ. Въ ткацкомъ отдѣленіи вздрогнули ремни и закружились въ воздухѣ, сперва медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, пока, наконецъ, не приняли нормальную скорость. Цѣлый лѣсъ ремней вышелъ изъ своего покойнаго положенія. Нѣсколько мгновеній ремни двигались, не приводя станки въ движеніе. Каждый ремень вертѣлъ пока «холостой штивъ» станка.

Иванъ дернулъ за ручку станка и передвинулъ ремень съ «холостого штива» на двигательный штивъ, и ткацкій

станокъ заработалъ: задвигались вверхъ и внизъ ремизы, забѣгаль взадъ и впередъ челнокъ и застучало бердо... Послѣ перваго станка, Иванъ пустилъ въ ходъ второй, потомъ третій и четвертый. Сосѣдъ Ивана тоже пустилъ свои двѣ пары станковъ. То тутъ, то тамъ вы видите, какъ ткачи пускаютъ ткацкіе станки... Поднялся неопи- санный шумъ и грохотъ, которые все болѣе и болѣе на- растая, разразились наконецъ настоящимъ ураганомъ.

Все это произошло быстро и скоро; черезъ нѣсколько секундъ послѣ звонка ткацкое отдѣленіе было въ пол- номъ ходу. Ремни кружились, по временамъ вздрагивая въ воздухѣ. Какой-то прохожій, идя мимо фабрики и услыша шумъ, полюбопытствовалъ спросить у приврат- ника:

— Какая это фабрика?

— Хлопчатую бумагу гонять!.. отвѣтилъ тотъ.

Болѣе тысячи ткацкихъ станковъ издавали оглуши- тельный трескъ и стукъ; все это сливалось въ порази- тельный шумъ, точно вы стоите возлѣ водопада. Если вы посмотрите на безконечные ряды ткацкихъ станковъ, то увидите однообразное движеніе ремизовъ — то вверхъ, то внизъ: издали это движеніе напоминаетъ морскія волны. Движенія челноковъ не видать: ремизы мѣшаютъ разглядѣть его; но присмотритесь къ работѣ близстоя- щаго ткацкаго станка. Видите, съ какою поразительною быстротою бѣгаетъ челнокъ по «основѣ»? Въ каждую минуту онъ успѣваетъ пробѣжать взадъ и впередъ нѣ- сколько сотъ разъ. Какъ извѣстно, англійскій станокъ Дикенсона ткеть самъ. Ткачъ слѣдитъ только, не пор- валась-ли гдѣ нитка въ «основѣ». Иванъ присматри-

ваетъ за двумя парами станковъ. То подойдетъ къ одному станку и, нагнувшись всѣмъ туловищемъ, пристально поглядитъ на основу, то пойдетъ къ другому станку. Какъ только замѣтитъ, что порвалась хоть одна нитка, тотчасъ же останавливаетъ работу станка и надвываетъ порванную нитку. Для надвязки нитокъ у всѣхъ ткачей заранѣе приготовлены такъ называемые «концы». Иногда случается, что основа плохо идетъ: рвутся сразу нѣсколько нитокъ; тогда работа на станкѣ приостанавливается на полчаса и болѣе. Иванъ кропотливо скрѣпляетъ нитку за ниткой, не пропуская ни одной. Онъ знаетъ, что если пропустить хоть одну нитку въ «основѣ», то на миткаль или сатинѣ получится неизбѣжный «пробѣлъ» во всю длину порванной нитки.

Когда разсвѣтало, огонь на фабрикѣ былъ потушенъ. Основа на станкахъ Ивана шла ровно и тихо, не рвалась, такъ-что къ полудню у него было соткано по значительной части «куска» на каждомъ станкѣ.

— Богъ дастъ, къ вечеру съ каждого станка выйдеть по куску миткаля! — думаетъ онъ.

Ткачи получаютъ за свою работу сдѣльно: извѣстную плату съ каждого сотканнаго «куска» матеріи. Иванъ выработывалъ на четырехъ станкахъ когда три куска въ день, когда три съ половиною, а при особой удачѣ—и по куску съ каждого станка. На основаніи многолѣтняго опыта, онъ убѣдился, что «основа» рвется чаще, если стоитъ холодъ или сырая погода.

Ни одной минуты Иванъ не посидитъ на мѣстѣ, а все время ходитъ между станками, старался во-время

замѣтить, не порвалась-ли гдѣ нитка. Работа простая, но трубуется отъ ткача безпрестаннаго вниманія.

За недосмотръ, за каждый «пробѣлъ» на ткани полагается установленный штрафъ.

Отъ быстрого движенія многочисленныхъ станковъ и приводныхъ колесъ и цилиндровъ развивалось много теплоты, которая сообщалась окружающему воздуху.

Въ ткацкомъ отдѣленіи стояла невыносимая жара.

Прядильное отдѣленіе занимаетъ особое зданіе въ нѣсколько этажей: 60,000 веретенъ заняты выдѣлкой пряжи. Прядильный отдѣлъ производитъ сильное впечатлѣніе своимъ грандіознымъ видомъ. Каждое металлическое веретено вертится около своей оси съ страшною быстротою, 8,000 оборотовъ въ минуту, издавая при этомъ своеобразное ритмическое постукиваніе.

Смотря на веретено, вамъ кажется, что оно стоитъ неподвижно, а между тѣмъ оно вертится. Происходитъ оптической обманъ зрѣнія. Единичное постукиваніе каждаго веретена сливается въ общій поразительный шумъ, такъ-что нѣтъ возможности разговаривать.

Надо кричать на ухо сосѣду, чтобы онъ могъ что-нибудь слышать.

Бумагопрядильныя машины разставлены правильными рядами, приблизительно на 1—2 аршина другъ отъ дружки: промежутки оставлены для прохода прядильщицъ.

Жена Ивана, тетка Дарья, въ сарафанѣ и ситцевомъ платочкѣ на головѣ, присматриваетъ за пряжей.

Мельчайшая хлопчато-бумажная пыль облѣпила ее со всѣхъ сторонъ.

Каждая бумагопрядильная машина приводит въ движеніе нѣсколько сотенъ и даже тысячъ веретенъ. Десятки тысячъ веретенъ, стоя отвѣсно и выстроившись параллельными линіями, напоминаютъ собою цѣлую армію... на поприщѣ индустріи. Бѣлая нитка, намотанная на веретено, дѣлаетъ его похожимъ на чайку, кружащуюся въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ.

— Чикъ, чикъ, чикъ... рѣзкій и пронзительный металлическій звукъ отбиваютъ веретена въ одномъ этажѣ.

— Чикъ, чикъ, чикъ... безконечное число разъ повторяютъ этотъ же звукъ веретена во второмъ этажѣ.

И наконецъ десятки тысячъ веретенъ всѣхъ пяти этажей, съ страшною силою кружась въ воздухѣ, вихремъ, производятъ подавляющій хаосъ звуковъ.

— Чикъ, чикъ, чикъ, чикъ...

Среди этого хаоса звуковъ не слышать человѣческаго голоса. Прядильщицы выглядятъ ничтожными возлѣ прядильныхъ машинъ. Онѣ точно манекены рассказываютъ, присматривая за веретенами.

Тетка Дарья присматриваетъ за своею линією: ей отвели тысячу веретенъ.

Она поминутно обходитъ свою линію, поглядывая, не порвалась-ли гдѣ нитка у веретена. Какъ только замѣтить, что какое-нибудь веретено не прядетъ, что у него порвалась нитка, она тотчасъ остановитъ машину, надвяжетъ порванную нитку и снова пуститъ машину.

Ровно въ полдень, въ двѣнадцать часовъ, фабричный свистокъ оповѣстилъ, что насталъ перерывъ, время обѣда, т.-е. одинъ часъ отдыха.

Рабочіе спѣшили по домамъ—на обѣдъ.

Кому далеко идти, тѣ принесли «закусить» съ собою на фабрику.

Ткачъ Иванъ со своею женою и дочерью сходили домой пообѣдать.

Въ часъ пополудни всѣ рабочіе были уже на своихъ мѣстахъ. И фабрика снова была пущена въ ходъ. Медленно тянулось время до вечера. Ткачи, прядильщицы и прочіе рабочіе устали стоять на ногахъ возлѣ своихъ станковъ и веретенъ. Въ 8 часовъ вечера раздался свистокъ «шабашить».

Рабочіе тотчасъ же бросили свои работы и торопливо стали расходиться. Они не хотѣли подарить фабриканту ни одной минуты. Мужчины выходили въ одни ворота, а женщины — въ другія.

При выходѣ изъ фабрики, въ воротахъ, всѣ рабочіе подвергаются обыску привратника. Женщинъ обыскиваетъ жена сторожа. Въ теченіе рабочаго дня въ ткацкомъ отдѣленіи было соткано свыше 1000 кусковъ сатина и миткаля—по 60 аршинъ въ каждомъ.

Кончивъ работу, рабочіе выстроились во дворѣ фабрики и другъ за дружкой, «гуськомъ», подходили къ воротамъ.

— Ну, обыскивай поскорѣе! — подойдя къ сторожу, сказалъ ткачъ Иванъ, показывая свои руки — въ знакъ того, что у него ничего нѣтъ, что онъ ничего не взялъ съ фабрики.

Сторожъ молчаливо пощупалъ у Ивана боковые карманы, машинально обвелъ руками по бокамъ туловища и пропустилъ его мимо себя — на улицу.

— Ступай съ Богомъ!..

— Давно бы такъ! Что мы? Воры, что-ли?

— Фабрикантъ приказываетъ обыскивать всѣхъ!..

— Бойтся, чтобы фабрику не растаскали!..

— Для страха, чтобы соблазна не было!..

Большинство рабочихъ подвергаются обыску безъ всякаго возраженія.

Рѣдкій изъ нихъ выскажетъ неудовольствіе, и то потому, что процедура обыска отымаетъ у рабочихъ время и замедляетъ возвращеніе домой.

На всѣхъ фабрикахъ и заводахъ работы кончаются почти одновременно, такъ что въ 8 часу вечера улицы села Александровскаго наполняются заводскими и фабричными рабочими: безконечными вереницами они идутъ по обѣимъ сторонамъ улицъ, по деревяннымъ мосткамъ, спѣша къ себѣ домой. Многіе изъ нихъ перепачканы въ копоти и сажѣ: лицо, руки и одежда — все приняло сплошной черной цвѣтъ и только бѣлки глазъ да зубы рѣзко вырисовываются своею бѣлизною на темномъ фонѣ.

Простоявъ цѣлый день за машинами, ткачи и прядильщики были рады, что они пришли, наконецъ, домой.

Въ десять часовъ всѣ ткачи уже спали.

Въ квартирѣ Ивана стояла тишина. Здѣсь тоже спали.

Колосальные корпуса ткацкой фабрики стояли одиноко во тьмѣ ночной.

Выпустивъ всѣхъ рабочихъ, сторожъ заперъ калитку на ключъ и затѣмъ вмѣстѣ съ управляющимъ фабрики, Карломъ Ивановичемъ, обошли всѣ зданія фабрики. Посмотрѣли каждый этажъ отдѣльно, заглянули въ кладовую, гдѣ лежитъ готовый товаръ — миткаль,

сатинъ, даместики и т. п. хлопчатобумажныя ткани; потомъ прошли въ помѣщеніе для склада хлопка. Все оказалось благополучно.

Управляющій ушелъ къ себѣ домой.

Стороожъ, надѣвши теплую шубу, усѣлся у воротъ фабрики, возлѣ калитки.

Ночь была ненастная. Дулъ сильный вѣтеръ. Шель снѣгъ.

II.

На каланчѣ...

Пожарный часовой, зажегши фонарь, подымался на верхъ каланчи, пробираясь по узкой лѣстницѣ...

Теперь его очередь, и надо смѣнить товарища.

— Добро пожаловать!.. Давно тебя поджидаю, со-
всѣмъ прозябъ...

— Вѣтеръ сильный... Вьюга...

— Да, снѣгъ-то какой мокрый...

— Глаза слипаетъ!

— На, надѣвай шубу...

Часовой надѣлъ мѣховую шубу своего товарища и остался въ ней на каланчѣ — дежурить. Шуба — общая для всѣхъ дежурныхъ на каланчѣ. Эта шуба въ зимнее время всегда находится на каланчѣ, и она всѣмъ — по плечу.

— До свиданья!

— Прощай!..

Высоко въ воздухѣ возвышается надъ городомъ каланча. Вѣтеръ съ особенною силою бушевалъ вокругъ нея. Снѣгъ обильно падалъ и на площадку каланчи, и на часоваго.

Часовой въ просторной шубѣ, въ большихъ теплыхъ калошахъ (тоже общихъ) и мѣдной пожарной каскѣ медленно расхаживалъ вокругъ каланчи, поглядывая на разстилавшійся внизу городъ.

Во мглѣ ночной слабо вырисовывались силуеты города: тамъ торчатъ высокія трубы фабрикъ, тамъ видѣются главы церквей. А вонь — Нева, одѣтая бѣлою пеленою. Цѣлая армія огней, вытянувшись многочисленными линиями, обозначаетъ направленіе улицъ.

Вѣтеръ все болѣе и болѣе крѣпчалъ.

Пожарный часовой укрывался за стѣной съ подвѣренной стороны каланчи.

Но стоять на одномъ мѣстѣ нельзя, а то, чего добраго, пожаръ прозѣваешь, упустишь изъ вида. И часовой снова принимался ходить вокругъ вышки.

Вьюга бушевала, издавая надрывающіе душу звуки. Начинаясь съ низкихъ тоновъ, звукъ поднимался все выше и выше и, наконецъ, переходилъ въ оглушительный визгъ; затѣмъ мало-по-малу пропадалъ гдѣ-то, далеко, далеко.

Жутко было часовому.

Настала полночь, и городъ погрузился въ безмятежный сонъ.

На каланчѣ всю ночь стоитъ часовой, охраняя обывателей отъ бѣды.

Вдругъ часовой остановился, какъ вкопанный, и посмотрѣлъ вдаль.

— Что это такое? никакъ пожаръ? подумалъ онъ.

— Въ такую-то мятель! Боже сохрани!

— Нѣтъ, ошибся...

И онъ снова сталъ ходить вокругъ вышки, все поглядывая, однако, въ ту сторону.

— Пожаръ!.. мелькнуло у него въ головѣ.

Часовой на минуту остановился, подавать-ли тревогу, или обождать... А что, какъ напрасно?..

Снѣжная мятель попрежнему кружилась въ воздухѣ, мутнымъ пологомъ закрывая собою горизонтъ.

— Эге, вотъ и зарево появилось...

Сомнѣнья нѣтъ, пожаръ!..

Одно мгновенье, — и часовой съ лихорадочною поспѣшностью дернулъ за ручку сигнальнаго звонка.

Тревога... Прошло нѣсколько секундъ, какъ вся пожарная команда была на-ногахъ. Пожарные спали не раздѣваясь. Услыша тревогу, они выскочили. Одни бѣжали въ конюшни и выводили лошадей; другіе выводили сани съ бочками — на улицу; третьи запрягали лошадей.

— Ну, готовы? — вопросительно окликнулъ команду брандъ-мейстеръ.

— Готовы, ваше благородіе!

— Гдѣ пожаръ?

— По Шлиссельбургскому тракту! Ткацкая фабрика горитъ!..

— Команда, по мѣстамъ!..

Вмигъ пожарные сѣли на «обозъ».

— Маршъ, маршъ!.. — зычнымъ голосомъ крикнулъ брандъ-мейстеръ.

И пожарная команда, гремя колокольцами, понеслась во весь духъ.

Впереди всѣхъ, верхомъ на лошади, мчался «скачокъ». Въ рукахъ у него—возженный факель.

— Берегись! Берегись!.. кричитъ «скачокъ».

Ночные извозчики очищали дорогу, сторонясь къ панелямъ.

Когда пожарная команда уѣхала, часовой на каланчѣ выкинулъ сигнальный фонарь.

Между тѣмъ, на ткацкой фабрикѣ происходило слѣдующее:

Сторожъ первый замѣтилъ зловѣщій огонь на фабрикѣ: пожаръ начался въ прядильномъ отдѣленіи, въ нижнемъ этажѣ. Сторожъ опрометью бросился сообщить объ этомъ управляющему.

Управляющій велѣлъ позвать машиниста и приказалъ ему подать свистокъ. Оказалось, что пары не были выпущены изъ парового котла.

Вдругъ, ночью, радался прерывающійся, плачевный фабричный свистокъ.

Многіе ткачи, жившіе неподалеку отъ фабрики, проснулись и недоумѣвали, что это значить. Свистокъ— не въ урочный часъ...

Иванъ тоже проснулся. Его смутилъ характеръ свистка—печальный, завывающій, словно собака воевъ, завидя волка...

Иванъ выглянулъ въ окно.

— Батюшки! Пожары!.. Фабрика горить! Иванъ живо одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Онъ бѣжалъ къ фабрикѣ.

Множество ткачей, захвативъ ведра, бѣжали туда же.

Фабричный свистокъ печально гудѣлъ на всю окрестность, взывая о помощи.

Первую помощь подали ткачи.

Вытащили изъ амбара запасную пожарную машину и работали ею. Кромѣ того, ведрами таскали воду изъ мѣстнаго водопровода и заливали огонь.

— Что это пожарные такъ долго не ѣдутъ? — говорили въ толпѣ.

— Въ такую погоду, поди-ка, и огня-то съ каланчи не видать...

Огонь быстро распространился по всѣмъ этажамъ фабрики, преникъ даже въ ткацкое отдѣленіе. Мельчайшая хлопчато-бумажная пыль, осѣвшая на машинахъ, по стѣнамъ, на полу и даже на потолокъ фабрики способствовала быстрому распространенію огня.

Когда пожарная команда пріѣхала, фабрика уже пылала огромнымъ пожарищемъ.

Фабрика горѣла, точно огромная раскаленная печь, «геена огненная». Надъ городомъ, по всему небосклону, стояло огненное красное зарево.

На всѣхъ каланчахъ взвился зловѣщій красный фонарь. Это значить, что пожаръ очень силенъ, и что вытребованы «команды» всѣхъ «частей».

По улицамъ, гремя колокольцами, бѣшено мчались пожарныя команды.

Привезли большую огнегасительную пожарную паровую машину, которая выбрасываетъ изъ себя струю воды, которая можетъ сшибить съ ногъ человѣка.

Ворота фабрики растворены настежь.

Весь дворъ занятъ былъ пожарными бочками.

Выдвинули вперед складную лѣстницу, которая мало-по-малу, нарастая все выше и выше, уперлась наконецъ подъ самую крышу фабрики.

Держа въ рукѣ пожарную кичку, «трубники», точно кошки, лѣзли на самый верхъ фабрики, въ окна, на крышу. Войдя въ огонь, они направляютъ передъ собою струю воды.

Снизу со двора хлещетъ водяной столбъ изъ паровой машины. Но все напрасно. Только что залиютъ въ одномъ мѣстѣ, какъ, нѣсколько минутъ спустя, тутъ снова появляется огонь.

Съ топоромъ и ломомъ въ рукахъ, пожарные ломаютъ крышу. Чтобы сами они не загорѣлись, ихъ приходится то и дѣло окачивать струею воды...

Пожарные проникли во все этажи.

Огонь прорывался изъ оконъ фабрики. На яркомъ пламени огня виднѣлись темныя фигуры пожарныхъ. И только мѣдныя каски ихъ сверкали отраженнымъ свѣтомъ пожара.

— Съ крыши долой!.. крикнулъ брандъ-мейстеръ.

Минуты двѣ-три спустя раздался страшный трескъ и стукъ: въ пятомъ этажѣ рухнула крыша и потолокъ. Надъ фабрикой взвились ослѣпительные клубы искръ.

Кругомъ фабрики, на улицахъ, стояла толпа любопытныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ влѣзли на заборъ и даже на крыши сосѣднихъ деревянныхъ пристроекъ.

Пожаръ, по своимъ размѣрамъ, представлялъ рѣдкое зрѣлище.

На улицѣ было свѣтло, какъ днемъ.

Пожарные тщетно боролись съ огненною стихіею, и рѣшено было оставить фабрику на произволь судьбы, а всё усилія направить для охраненія сосѣднихъ зданій, которымъ угрожаетъ опасность.

Оконныя стекла сосѣднихъ зданій нагрѣвались такъ сильно, что лопались отъ сильной жары.

Крыши сосѣднихъ зданій покрыты были войлокомъ и рогожами, ихъ поминутно поливали водою.

Вѣтеръ, подхватывая горящій хлопокъ, уносилъ его на нѣсколько саженой.

Среди любопытствующей публики стояли и фабричныя рабочіе — ткачи и прядильщики. Съ грустію смотрѣли они на горѣвшую фабрику.

Въ толпѣ слышенъ разговоръ.

— Застрахована фабрика?

— Застрахована—въ нѣсколькихъ страховыхъ обществахъ...

— Хозяину-то что! А вотъ рабочимъ тяжело будетъ!..

— Много ихъ тутъ работало?

— Однихъ ткачей—до трехъ тысячъ человѣкъ!.. Всѣ какъ есть фабрикой кормились, вмѣстѣ съ ихъ семьями!..

— Иная вся семья на фабрикѣ работала: мужъ, жена и дѣти...

— Нонче трудно и на фабрикѣ-то мѣсто найти!..
Запасные-то ждуть по нѣскольку мѣсяцевъ!..

Въ это время обгорѣвшія балки не выдержали тяжести половъ, на которыхъ стояли бумагопрядильныя машины; балки погнулись: полы верхнихъ этажей грохнулись внизъ увлекая за собою бумагопрядильныя машины.

Ткацкое отдѣленіе представляло собою море огня: хлопчатобумажныя ткани на станкахъ, сатинъ и митраль, давали ему обильную пищу.

Фабрика догорала, словно свѣча.

Къ утру все зданіе сгорѣло до тла, и только торчали стѣны закоптѣлыя и кое-гдѣ проломанныя.

Пожарные, проработавши всю ночь, разъѣхались по домамъ, засвѣтло.

На другой день всѣ ткачи и прядильщики были на ногахъ.

Рабочіе кучками толпились на улицѣ. Многіе изъ нихъ подходили къ воротамъ фабрики, но ворота были заперты наглухо.

На третій день ткачъ Иванъ прочиталъ слѣдующее объявленіе, вывѣшенное на воротахъ фабрики: «Всякія работы на фабрикѣ прекращаются впредь до возобновленія зданія. Рабочіе приглашаются получить окончательный расчетъ».

Вѣсть эта съ быстротою молніи разнеслась между рабочими. Ткачи и прядильщики пріуныли.

Въ «мелочныхъ лавкахъ» перестали отпускать въ кредитъ...

Пестрою толпою собрались рабочіе у воротъ фабрики. Между ними было много женщинъ.

Съ грустью посматривалъ Иванъ на пепелище. Его жена, тетка Дарья, даже заплакала. Плакали и многія другія женщины. Слышны были всхлипыванія.

Выстроившись длинною вереницею, «гусемъ», рабочіе поочереды подходили къ кассѣ и получали причитающійся заработокъ.

Выдача денег производилась въ двухъ конторахъ, подъ наблюдениемъ мастеровъ и директора фабрики.

Всѣмъ присутствовавшимъ было объявлено, что они получаютъ расчетъ полностью, по день пожара, и что мануфактура впредь работать не будетъ, до полн ой перестройки и возобновленія сгорѣвшихъ зданій.

Поднялся невообразимый шумъ и крикъ.

— Куда намъ дѣться?

— Куда хотите!..

Директоръ фабрики заявилъ, что, снисходя къ бѣдственному положенію рабочихъ, лишившихся заработка, онъ рѣшилъ—тѣмъ изъ рабочихъ, которые пожелали-бы вернуться въ деревню, выдать денежное пособіе на проѣздъ.

Рабочіе, снявъ шапки, благодарили директора.

— Въ деревню!.. кричали нѣкоторые изъ нихъ.

Но немногіе вернулись. Большинство осталось въ Питерѣ. Имъ предстояла трудная задача, «найти себѣ мѣсто».

Иванъ вспомнилъ деревню, вспомнилъ свою избушку, покосившуюся на сторону.

Много лѣтъ тому назадъ, уѣзжая въ Питеръ, онъ заколотилъ наглухо и ставни, и двери избы...

Благодаря даровому проѣзду, Иванъ со своей семьей вернулся въ деревню.

Сосѣдніе мужики не узнали его. Ихъ болѣе всего поражала въ немъ страшная худоба и желтый цвѣтъ лица...

— Да ты никакъ, Иванъ, оглохъ?

— Эхъ, братцы, стоять около ткацкаго станка не то, что работать за сохой... Совсѣмъ изведеть человѣка...

Литейщики.

Пушку отливаютъ.

Я только что осмотрѣлъ Обуховскій сталелитейный заводъ и собирался, было, уходить, какъ ко мнѣ подошелъ мастеръ-литейщикъ и сказалъ:

— Вы еще не все видѣли!

— Что такое я пропустилъ?

— Приходите завтра, въ два часа: пушку отлить будемъ!..

— Это развѣ интересно?

— Вотъ увидите... Только не опоздайте...

Приготовленіе къ отливкѣ требуетъ много времени, часовъ пять, шесть, а самая отливка происходитъ быстро, минутъ двадцать...

На другой день, къ 2 часамъ пополудни, я былъ уже на заводѣ.

— Пожалуйста въ литейное отдѣленіе!

Когда я шелъ сюда, меня обгоняли цѣлыя вереницы рабочихъ, которые послѣ обѣденнаго перерыва спѣшили на работу.

— Что-жь, это все любопытные? Идутъ смотрѣть?

— Нѣтъ, это литейщики!

— Развѣ много требуется рабочихъ для отливки пушки?

— Около 200 человекъ будутъ стоять возлѣ печей, 150 человекъ литейщиковъ, 24 пробкоснимателя, 8 человекъ около жолобовъ и 1 мастеръ...

— Большую пушку будутъ отливать?

— Около 2,000 пудовъ!..

Я вошелъ въ литейное отдѣленіе.

Это—огромное зданіе, построенное изъ желѣза. Полъ высланъ плитнякомъ. Вдали виднѣлась пестрая толпа рабочихъ. Стоялъ шумъ, крикъ — все это сливалось въ общій гулъ. Я пошелъ дальше. Посрединѣ, на полу, было отверстіе.

Заглянувъ въ это отверстіе, вы замѣтите, что внизу, подъ поломъ, стоитъ чугунная форма, для отливки пушки.

Форма имѣетъ въ длину около 2 сажень, а въ діаметрѣ 4 фута. Она стоитъ отвѣсно на землѣ. По сторонамъ отверстія стоятъ два чугунныхъ жолоба, концы которыхъ спускаются какъ разъ надъ «формою». Каждый жолобъ имѣетъ 4 воронки или «ковша»,—всего 8 ковшей.

Въ ковшахъ и жолобахъ тлѣли уголья.

— Это для чего?

— Жолоба нагрѣваемъ, чтобы не лопнули во время отливки, когда сталь потечетъ по нимъ!.. Отвѣтилъ мнѣ мастеръ.

Направо и налево, поодаль, виднѣется цѣлая перспектива трубъ; эти трубы поднимаются прямо изъ земли, доходятъ до крыши зданія и высоко возвышаются въ воздухѣ. Самыхъ печей не видно: печи, или какъ ихъ называютъ, «горны» скрыты подъ землею. Всего насчитывается 48 трубъ. Каждая труба соотвѣтствуетъ

4 печамъ или «горнамъ», такъ что въ этотъ день работало 192 печи или «горна».

Съ двухъ противоположныхъ сторонъ зданія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивалась перспектива трубъ, двери, или вѣрнѣе, ворота были отворены настежь, и съ улицы то и дѣло въѣзжали внутрь зданія ломовики, нагруженные коксомъ. Нѣсколько человѣкъ, накренивъ телѣгу на бокъ, высыпали коксъ въ кучи—возлѣ трубъ.

Около каждой трубы стояло по нѣскольку человѣкъ рабочихъ: 3 «вынимальщика» и 1 «шупальщикъ».

Съ четырехъ сторонъ возлѣ каждой трубы, на полу, были отверстія, прикрытыя заслонками изъ огнеупорной глины.

По временамъ, то тутъ, то сямъ, рабочіе сдвигали заслонки, открывали отверстія—и изъ подъ земли, въ отверстія, прорывался кверху ослѣпительный снопъ свѣта. Рабочіе лопатами бросали туда коксъ, и свѣтъ немного ослабѣвалъ. Но за то жаръ развивался съ новою силою.

Подойдя къ трубамъ, вы слышите своеобразный шумъ, происходящій отъ сильной тяги воздуха: сто девяносто «горновъ», всѣ въ совокупности, развивали такую сильную тягу, что вамъ кажется, и полъ, и самое зданіе приходитъ въ сотрясеніе.

Отъ закрытыхъ заслонокъ пышетъ жаромъ.

— Не угодно-ли спуститься внизъ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается?

Я спустился внизъ, въ тоннель: направо и налѣво стоятъ печи или «горны». Заслонки были открыты для тяги воздуха. Въ каждой печи сдѣланы горизонтальныя

желѣзныя рѣшотки, на которыхъ стояли 4 тигля: эти послѣдніе засыпаны коксомъ, и сверху, и съ боковъ. Обгорѣвшій коксъ проскакивалъ чрезъ отверстія рѣшетки и падалъ внизъ, въ видѣ искръ.

Такихъ тоннелей — два.

Съ улицы вольный воздухъ шелъ въ тоннель, а отсюда проникалъ въ «горны», раздувая горящій на рѣшеткахъ коксъ съ удивительною силою.

Въ тоннель не долетали шумъ и крикъ рабочихъ, и потому тяга воздуха была еще слышнѣе, чѣмъ на верху. Среди подземной тишины, она казалась настоящимъ ураганомъ.

Только при сильномъ притокѣ воздуха сталь въ тигляхъ можетъ расплавиться.

Тигль есть не что иное, какъ цилиндрической формы горшокъ изъ огнеупорной глины. Въ каждый тигль кладутъ 2 пуда 6 фунтовъ мелкихъ кусковъ пудлинговой стали. Затѣмъ тигль плотно закрываютъ крышкой, которая имѣетъ два отверстія, закрытыя пробками. Одно отверстіе на верху, а другое — сбоку.

Въ каждый горнъ ставится по 4 тигля. Такимъ образомъ, во всѣхъ горнахъ поставлено было 768 тиглей.

Огонь въ горнахъ разведенъ часа четыре тому назадъ—во всѣхъ одновременно, чтобы сталь плавилась при одинаковыхъ условіяхъ, и чтобы въ извѣстное время она была готова во всѣхъ тигляхъ сразу.

Я снова вошелъ на верхъ, въ литейное отдѣленіе.

Чѣмъ дольше тянулось время, мастера-щупальщики чаще и чаще заглядывали въ тигли.

Отодвинувъ заслонку, щупальщики, со щипцами въ

одной рукѣ и шомполомъ въ другой, подходили къ горну, вытаскивали щипцами пробку и просовывали въ тигль свой шомполь. Вынувъ шомполь изъ тигля, они затыкали пробку.

При помощи шомпола мастеръ узнаеть расплавилась-ли сталь?

— Готово! Кипить!—проговорилъ мастеръ.

— Какъ вы узнаете, — расплавилась-ли сталь?

— Очень просто — шомполомъ ощупываемъ!

При этомъ мастеръ подошелъ къ горну, сдвинулъ прочь заслонку. Ослѣпительный свѣтъ, вырвавшись изъ горна, освѣтилъ его фигуру. Онъ былъ въ холщевой рубахѣ, воротъ рубахи растегнуть.

— Вотъ изволите видѣть: вонъ тигли стоятъ!..

Я заглянулъ было туда, но яркій, бѣлый свѣтъ, нестерпимый для глазъ, вызывалъ въ нихъ болѣзненное ощущеніе, и потому я поспѣшилъ скорѣе отвернуться.

— Я ничего не вижу!..

Между тѣмъ, мастеръ длинными щипцами вытащилъ изъ тигля пробку и просунулъ туда шомполь, который онъ потомъ вынулъ и пробку закрылъ. Конецъ шомпола накалился до бѣла, и съ него капала на полъ расплавленная сталь.

— Сталь готова: видите каплетъ на полъ.

Это вѣрный признакъ!..

Мастеръ положилъ раскаленный конецъ шомпола въ чанъ съ водою, чтобы онъ остылъ.

— Какъ вы отыскиваете пробку въ тиглѣ, когда ничего не видать?

— Привычка!..

— Отчего вы не носите синіе консервы? Вѣдь глазамъ больно...

— А съ очками-то еще хуже! Нагрѣваются очень. Знаете, иной разъ крестъ на шеѣ и тотъ такъ накаляется, что возьмешь его, да и закинешь на спину!..

Всѣ мастера-щупальщики мало-по-малу убѣдились, наконецъ, что сталь готова.

Теперь наступаетъ очередь «вынимальщикамъ» и «литейщикамъ».

Вынимальщиками на заводѣ называютъ тѣхъ рабочихъ, которые вынимаютъ изъ горновъ тигли и передаютъ ихъ литейщикамъ, а литейщики несутъ тигль съ расплавленной сталью къ жолобамъ и выливаютъ тамъ въ ковши.

Вынимальщики работаютъ по-трое, а литейщики — по-двое. Тигль вынимаютъ изъ горна такъ. Вынимальщикъ опускаетъ клещи въ горнъ и захватываетъ тамъ тигль. Одному ему нести 2 — 3 пудовый тигль тяжело, да и опасно, пожалуй тигль выпадетъ изъ клещей — и тогда бѣда: тигль разобьется, и сталь потечетъ по полу..

Поэтому ему помогаютъ двое товарищей. Держа въ рукахъ, за оба конца, длинный желѣзный пруть съ крючкомъ по срединѣ, они подхватываютъ крючкомъ клещи — и всѣ трое осторожно несутъ пылающій тигль къ мѣсту назначенія, на «дорожку», гдѣ и ставятъ на песокъ.

Тутъ одинъ рабочій крѣпко-на-крѣпко держитъ клещами тигль, а двое несутъ 2—3 пудовую тяжесть.

На пути — пробочникъ клещами вытаскиваетъ изъ тигля пробку и бросаетъ въ общую кучу.

Поставивъ тигль на песокъ, вынимальщики снова возвращаются къ горну за слѣдующимъ тиглемъ и т. д.

Въ это время двое литейщиковъ подходятъ, или вѣрнѣе, подбѣгаютъ, къ «дорожкѣ», гдѣ въ кучѣ песка стоитъ тигль, подхватываютъ его при помощи приспособленныхъ «ключей», и несутъ къ жолобу.

Приближалось время отливки. Рабочіе приготовлялись.

Литейщики и вынимальщики, для предохраненія отъ обжоговъ и искръ, надѣвали толстые войлочные передники бѣлаго цвѣта, на руки надѣвали большія кожаныя рукавицы. Около «дорожекъ» правильными рядами раскладывали «ключи» — для носки тиглей. Всего насчитывалось 12 «дорожекъ», около каждой изъ нихъ — куча песку.

Сталь «сварилась» во всѣхъ тигляхъ. Вотъ уже и жолоба очистили отъ горячихъ угольевъ, приготовивъ ихъ къ работѣ.

Весь рабочій персоналъ занялъ свою позицію.

Съ шомполами въ рукахъ стояли около трубъ щупальщики, возлѣ нихъ — вынимальщики съ клещами и желѣзными прутами; на дорожкахъ — пробочники со щипцами и, наконецъ — цѣлые ряды литейщиковъ выстроились по дорожкамъ.

Посмотрѣть на отливку пушки пришли кое-кто изъ начальства завода.

Вдругъ раздался продолжительный свистокъ. Это мастеръ подаль рабочимъ сигналъ — приготовляться. Шумъ и говоръ утихъ.

До четырехъ сотъ рабочихъ стояли, какъ одинъ че-

ловѣкъ. По всему видно было, что масса рабочихъ — хорошо дисциплинирована. Каждый сознавалъ, что происходитъ важное дѣло, что малѣйшій беспорядокъ, тормозя дѣло, могъ испортить отливку.

Настала минута томительнаго ожиданія.

Громко и торжественно раздался второй свистокъ... Тутъ произошло нѣчто неопишуемое. Поднялась страшная суতোлка. Съ крикомъ и шумомъ рабочіе бросились за работу. Въ мастерской стоялъ гулъ сотенъ голосовъ. Въ одно мгновеніе всѣ горны были открыты: 192 горна изрыгали изъ себя ослѣпительный свѣтъ и жаръ. Вонь изъ каждаго горна вынули раскаленные до-бѣла тигли, вынимальщики бѣгутъ съ тиглями и суютъ ихъ до половины въ песокъ. Въ это время пробочники съ удивительною ловкостью срываютъ на ходу пробки. Литейщики ловко подхватываютъ тигль и, подбѣжавъ къ жолобу, опрокидываютъ его вверхъ дномъ. Раскаленная сталь выливается изъ тигля, точно изъ чайника. И вотъ по жолобу течетъ расплавленная масса, точно ртуть, блестя и сверкая тысячами огней. Струя стали грузно падаетъ въ «форму», разбрасывая ослѣпительныя искры во всѣ стороны, до самой крыши. Въ воздухѣ стоитъ невыносимая жара. У всѣхъ рабочихъ по лицу льется потъ градомъ.

Когда рабочіе бѣгутъ съ тиглями, то эти послѣдніе тоже бросаютъ отъ себя искры.

Пустые тигли бросаютъ прочь—въ особое отверстіе на полу, въ подземельѣ, гдѣ они и остываютъ.

Во все время отливки рабочіе буквально бѣгали, но

не мѣшали другъ другу, не сталкивались на пути: каждый шель по своей «дорожкѣ».

Картина была своеобразная, величественная...

На огромномъ пространствѣ вы видите раскаленные движущіеся тигли, точно метеоры: всѣ они изъ горновъ направляются къ одному общему центру—къ жолобамъ. Изъ жолобовъ двумя широкими непрерывными струями льется расплавленная сталь въ теченіи 20 минутъ, чтобы отлить чудовище, называемое пушкой.

Прошло минутъ около 20, послѣдніе тигли вынуты изъ горновъ и опрокинуты надъ жолобами.

Кончилась отливка. Рабочіе расходятся.

Вы подходите къ «формѣ», чтобы посмотрѣть, что такое получилось. Форма была до краевъ наполнена расплавленной массой, поверхъ которой плавалъ сѣроватый шлакъ. Рабочіе сняли этотъ шлакъ желѣзными лопатами.

Черезъ недѣлю расплавленная масса остынетъ совсѣмъ, и тогда получится «болванокъ» для пушки.

Теперь остается только этотъ «болванокъ» возвести, такъ сказать, «въ перль созданія».

Кузнецы.

Пушку куютъ.

Интересно прослѣдить, какъ изъ отлитаго «болванка» дѣлаютъ пушку?

Болванокъ, какъ и самое слово показываетъ, представляетъ собою неуклюжую сплошную стальную массу, безъ

отверстія въ срединѣ—въ видѣ обрубка отъ гигантскаго дерева.

Когда «болванокъ» остынетъ, онъ поступаетъ въ кузницу—дляковки.

Заводская кузница поражаетъ наблюдателя своими грандіозными размѣрами.

Здѣсь работаютъ кузнецы и молотобойцы.

Молотобоецъ—необходимый помощникъ кузнеца, это его, такъ сказать, правая рука.

Если отъ кузнеца требуется умѣнье, навыкъ, то молотобоецъ долженъ обладать только однимъ качествомъ—физической силой.

Работа молотобойца—самая простая.

Мастеръ, вынувъ изъ горна раскаленный до—бѣла кусокъ желѣза, кладетъ его на наковальню, около которой съ молоткомъ въ рукѣ, стоитъ молотобоецъ; держа обѣими руками ручку молота, и описавъ въ воздухѣ большой кругъ, молотобоецъ, со всего размаху, бьетъ молотомъ по куску желѣза—на наковальнѣ. Тяжесть молота различна: отъ 1 и до 2 пудовъ, поэтому въ молотобойцы идутъ, по преимуществу, люди сильные. Держа желѣзными клещами кусокъ желѣза, мастеръ показываетъ молотобойцу, гдѣ надо бить. Было-бы не удобно каждый разъ говорить: бей тутъ, бей тамъ и т. д.—для упрощенія дѣла, мастеръ постукиваетъ маленькимъ молоточкомъ: гдѣ онъ стукнулъ, по тому мѣсту молотобоецъ бьетъ большимъ молотомъ со всего плеча. Послѣ каждаго удара маленькаго молотка, раздается сильный ударъ молотобойца.

При входѣ въ кузницу, до вашихъ ушей доносятся

многочисленные рѣзкіе непріятные звуки, происходящіе отъ удара молотовъ объ наковальни.

Передъ глазами—дѣлая перспектива нѣсколькихъ сотъ молотобойцевъ—возлѣ своихъ наковалень. Около горновъ, точно гномы, копошатся кузнецы, вытаскивая оттуда клещами раскаленные части желѣза. Въ воздухѣ то и дѣло, точно молніи, мелькають кривыя линіи, описываемыя при ударѣ молотовъ объ наковальни, гдѣ лежитъ раскаленное желѣзо.

Безпрестанные стукы молотобойцевъ похожи на трескучую дробь. Кромѣ того, слышится шипѣніе раздувательныхъ кузнечныхъ «мѣховъ», и наконецъ все это завершается пронзительнымъ свистомъ паровыхъ машинъ. Голосовъ рабочихъ совсѣмъ не слышать: ихъ вытѣсняетъ молотъ и наковальня.

Впечатлѣніе столь сильно, что вамъ кажется, что вы попали въ царство Вулкана. Нѣкоторый полумракъ, господствующій въ кузницѣ, служить темнымъ фономъ для огневой картины.

Если вы подойдете поближе къ рабочимъ,—кузнецамъ и молотобойцамъ,—то увидите на нихъ черныя блузы, черныя кожаные передники, лица у нихъ тоже черныя—отъ копоти и дыма... и только глаза сохранили свой естественный цвѣтъ, и въ нихъ просвѣчиваетъ сознание солидарности общаго дѣла.

Но что это такое тамъ блеститъ, точно солнце во время заката—яркое, багровое?

Посреди заводской кузницы виситъ на цѣпяхъ громадный раскаленный «болванокъ» вѣсомъ въ 2000 пудовъ, величиною съ добраго быка. Его только-что вынули изъ

колоссальной печи. Огромная заслонка печи была еще отворена, и там пылало цѣлое море огня.

Недалеко отъ «болванка», сзади, видѣлась широкая желѣзная арка, въ видѣ полукруга, поднимающаяся до крыши. Посрединѣ этой арки, въ зенитѣ, висѣлъ «паровой молотъ» вѣсомъ въ 50 тоннъ, т.-е. 3000 пудовъ.

— Сегодня ковать пушку будете? спрашиваю я одного рабочаго.

— Да, «болванокъ» обдѣлывать будемъ!... проговорилъ какой-то молотобоецъ съ длинной клюкой въ рукахъ.

Между тѣмъ, подошли десятка два другихъ молотобойцевъ—съ длинными желѣзными прутьями и клюками.

— Кто-же станетъ обдѣлывать—вы?

— Нѣшто этотъ «болванокъ» нашимъ молотомъ проймешь?

— Къ нему и подойти-то нельзя!...

— Вишь, какъ пылаетъ!...

— Словно солнце!...

Раскаленный до бѣла «болванокъ» издавалъ ослѣпительный свѣтъ. Молотобойцамъ предстояла трудная задача—при помощи блоковъ и цѣпей придвинуть «болванокъ» къ паровому молоту и положить его на наковальню.

Гигантскій паровой молотъ ждалъ работы, разинувъ свою громадную пасть.

Молотобойцы своими длинными прутьями и клюками, опершись въ «болванокъ», еле-еле стали сдвигать его въ воздухъ, подводя мало-по-малу къ молоту, подобно тому, какъ это дѣлаютъ рабочіе, отчаливая отъ берега на баржѣ.

Двухъ-тысячепудовую массу, хотя и на блокахъ,

сдвинуть съ мѣста не такъ легко, тѣмъ болѣе, что рабочіе должны были работать издали, ворочая «болванокъ» длинными 4—5 сажеными прутами.

Раскаленное чудовище, вися на цѣпяхъ, медленно поворачивалось въ воздухѣ и, словно нехотя, приближалось къ молоту.

— Дружнѣе, ребята!.. Приналягъ еще разикъ, еще разъ...

Снова поднялись крики.

Кое-какъ «болванокъ» удалось положить на наковальню. Наступила минута ожиданія. Молотобойцы стояли вокругъ молота, опершись кто на пруть, кто на клюку. Всѣ смотрѣли вверхъ на паровой молотъ: скоро-ли онъ начнетъ дѣйствовать. Главный мастеръ, «механики мудрецъ», убѣдившись, что болванокъ положенъ на наковальню какъ слѣдуетъ, махнулъ по воздуху платкомъ, подавая этимъ самымъ сигналъ машинисту: произошло нѣчто необыкновенное...

Раздался страшный оглушительный ударъ... почва подъ ногами затряслась и окна задребезжали...

Чудовище сжало свою пасть, крѣпко стиснувъ въ желѣзныхъ челюстяхъ попавшуюся добычу... изъ «балванка» посыпались во всѣ стороны искры и онъ чуть-чуть «осѣлъ».

— Экая силища!..

— Знаете, сотрясеніе почвы доходить до рѣки Невы!

— Грунтъ подъ наковальней на 70 сажень въ глубь земли заложенъ, пока не дошли до гранитнаго пласта.

— Этотъ кряжъ показывается изъ земли верстъ за 100 отъ Петербурга!.. И что-жъ вы думаете, когда молотъ

дѣйствуетъ, сотрясеніе передается туда, гдѣ этотъ пласть выходитъ наружу!..

Молотъ сталь ударять чаще, точно дикій звѣрь, съ яростью грызущій свою добычу.

— Что выйдетъ изъ этого болванка?

— Онъ замѣтно «осядетъ», вытянется въ длину и получится цилиндръ! Вонъ видите, тамъ лежать? Это—будущія пушки!..

— На сколько «осядетъ» болванокъ послѣковки?

— Раза въ 1½—2 будетъ тоньше противъ прежней толщины—послѣ отливки!..

— Долго не стынетъ эта раскаленная масса?

— Еще завтра дотронуться нельзя будетъ!

Молотъ на нѣкоторое время пріостановился: разинувъ пасть, онъ остался въ такомъ положеніи неподвижно.

Молотобойцы стали поворачивать «болванокъ» на другой бокъ...

Снова поднялся крикъ, шумъ и гамъ.

Мало-по-малу «болванокъ» круглился, вытянулся и получился довольно стройный цилиндръ—сплошной: надо въ немъ еще просверлить дыру, жерло.

Послѣковки, цилиндръ поступаетъ въ токарное и сверлильное отдѣленіе, гдѣ сталь точать и сверлять, точно дерево.

Особой конструкціи машина сама, безъ помощи человека, просверливаетъ въ цилиндрѣ дыру. Стальной рѣзецъ насаживается на «ложку». Болванокъ медленно вертится около своей оси. Съ одного конца на него напираетъ рѣзецъ, который стоитъ неподвижно. Вращающійся около своей оси «болванокъ» мало-по-малу просверливается.

Серебристыя, горячія отъ тренія, стружки падаютъ внизъ, на полъ.

Процессъ сверленія происходитъ медленно.

Чтобы просверлить жерло 1 пушки, надо для этого употребить отъ 3 до 7 дней.

Во время сверленія, на концѣ цилиндра, отъ сильнаго тренія, развивается теплота: во избѣжаніе этого, снаружи на пушку, въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится сверленіе, постоянно льется струя холодной воды.

Когда жерло пушки просверлено, то въ немъ дѣлаютъ продольные «нарѣзы», которые въ видѣ кривыхъ параллельныхъ линій совершаютъ отъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ оборота.

Чтобы придать пушкѣ необыкновенную крѣпость, ее скрѣпляютъ кольцами. На 12 дюймовую пушку, напримѣръ, нагоняютъ 114 колець, въ 4 слоя. Эти кольца служатъ, въ нѣкоторомъ родѣ, обручами.

Каждое кольцо, прежде чѣмъ надѣтъ на пушку, отправляютъ въ сталепробное отдѣленіе, гдѣ надъ нимъ производятъ механической и химической анализъ. И только послѣ испытанія допускаютъ его въ дѣло.

Механическимъ анализомъ опредѣляютъ предѣлъ прочнаго сопротивленія стали.

Берутъ брусокъ стали, напримѣръ, въ $\frac{1}{4}$ аршина длиною и въ палець толщиною, и подвергаютъ этотъ брусокъ растяженію съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Отъ этого брусокъ, конечно, удлиняется.

Растяженіе, при помощи пресси, производится съ такою страшною силою, что стальной брусокъ удлиняется отъ $\frac{1}{11}$ до $\frac{1}{3}$ противъ своей первоначальной длины, послѣ чего онъ уже лопається. При этомъ, при помощи

ноніуса, опредѣляютъ и равномерность растяженія стали. Для колець подбираютъ сталь прочнаго и одинаковаго сопротивленія.

Большая 12 дюймовая пушка требуетъ 6—7 мѣсяцевъ работы.

Отшлифованная, точно зеркало, стоитъ готовая пушка на заводѣ, внушая къ себѣ невольное уваженіе. На ней надпись: «вѣситъ 3,350 пудовъ и 13 фунтовъ, безъ замка, а съ замкомъ 3,433 пуда и 13 фунтовъ».

Такая пушка обходится около 100,000 р. Надъ нею трудились въ теченіе полугода тысячи рабочихъ...

На столичныхъ окраинахъ.

Гутуевскій островъ.

Этотъ островъ лежитъ при устьѣ Невы, на лѣвой рукѣ, какъ-разъ vis-à-vis съ Чекушами. Лѣтъ двадцать тому назадъ, Гутуевскій островъ былъ почти пустырь, поросшимъ сорною травою. Но вотъ въ 1885 году открытъ былъ морской каналъ изъ Кронштадта въ Петербургъ, въ устьѣ Невы, и Гутуевскій островъ сталъ быстро застраиваться. С.-Петербургскій морской каналъ представляетъ собою грандіознѣйшее гидротехническое сооруженіе въ Европѣ, стоимостью въ 10.000,000 рублей. Онъ имѣетъ въ длину 26 верстъ, въ ширину отъ 30 до 50 сажень. При входѣ канала въ Неву, у Гутуевского острова, устроена «гавань» для остановки иностранныхъ судовъ. Эта «гавань», или «ковшъ», какъ называютъ ее мѣстные жители, можетъ вмѣстить въ себѣ самыя большіе океанскіе пароходы.

Съ открытіемъ морского канала, исполнилась завѣтная мечта Петра Великаго — сдѣлать Петербургъ морскимъ портомъ, доступнымъ для океанскихъ кораблей иностранныхъ державъ; въ настоящее время морскія суда могутъ доставлять грузы прямо въ петербургскій портъ, не прибѣгая къ помощи перегрузныхъ судовъ.

Къ Морскому порту отъ николаевской желѣзнодорожной линіи проведена соединительная путиловская вѣтвь, благодаря которой иностранные товары, назначенные во внутрь Россіи, перегружаются на Гутуевскомъ островѣ изъ пароходовъ—въ вагоны, для дальнѣйшаго слѣдованія въ глубину Россіи.

Точно также русскіе товары, пришедшіе по николаевской желѣзной дорогѣ, черезъ путиловскую вѣтвь, къ Морскому порту, выгружаются изъ вагоновъ—въ пароходы. Въ интересахъ хлѣбной торговли, въ 1889 году, въ Морскомъ портѣ, на самомъ взморьѣ, сооружень колоссальныхъ размѣровъ элеваторъ или «зерно-подъемъ» гг. Борейши и Максимовича. Неуклюжее колоссальное зданіе, сѣраго цвѣта, невольно бросается въ глаза—на плоскихъ берегахъ Финскаго залива. Лишь только открылся Морской портъ,—значеніе Калашниковской пристани, какъ главнаго хлѣбнаго рынка въ Петербургѣ, стало падать: хлѣбные грузы все болѣе и болѣе тяготѣютъ къ новому порту. Съ перенесеніемъ экспорта хлѣба въ Морской портъ, за Калашниковской пристанью останется, вѣроятно, значеніе простого склада запаснаго хлѣба, необходимаго для продовольствія столичныхъ обывателей.

На Гутуевскомъ островѣ, во время навигаціи, царить страшная сутолока. Въ «ковшѣ» разгружаются и нагружаются иностранные пароходы всѣхъ націй—англійскіе, нѣмецкіе, французскіе, американскіе и т. д., такъ-что дѣятельность на Гутуевскомъ островѣ имѣетъ международный характеръ.

По путиловской вѣтви то и дѣло пріѣзжаютъ къ бе-

регу, къ пристани, цѣлыя вереницы вагоновъ. Около огромныхъ пакгаузовъ, желѣзныхъ, окрашенныхъ въ черный цвѣтъ, — копошатся рабочіе. Тамъ и сямъ торчатъ въ воздухѣ, изогнувшись въ видѣ исполинскаго рога, подвижныя краны — для поднятія тяжестей. Какъ ни велики пакгаузы, они не въ состояніи вмѣстить всѣхъ грузовъ, какіе скопляются на пристани, и потому огромное большинство товаровъ лежитъ прямо на землѣ, подь открытымъ небомъ, подвергаясь всѣмъ невздамъ петербургскаго климата. То тутъ, то тамъ лежатъ на берегу цѣлыя горы бочекъ, боченковъ, тюковъ, кипъ, мѣшковъ и т. п. — въ ожиданіи перевозки. Многіе товары для предохраненія отъ дождя прикрыты брезентами.

Новый портъ есть прежде всего колоссальная станція — не только для Петербурга, но и для всей Россіи. Недостатокъ крытыхъ помѣщеній для храненія товаровъ, хотя-бы, напримѣръ, простыхъ деревянныхъ навѣсовъ, бросается въ глаза всякому наблюдателю. Коммерсанты на это сильно жалуются. Въ новомъ портѣ вы увидите, напримѣръ, такую картину, особенно осенью. Лежитъ на землѣ нѣсколько сотъ бочекъ слоями другъ на другѣ, а по сторонамъ этой груды — лужи воды. Понятно, нижнія бочки портятся, мокнуть. Выгрузка и нагрузка товаровъ съ пароходовъ въ пакгаузы, и съ пакгаузовъ въ пароходы, требуетъ примѣненія мускульнаго труда человѣка. Большой спросъ вызываетъ и большое предложеніе.

Морской портъ привлекаетъ къ себѣ многочисленныхъ рабочихъ: здѣсь организовались артели рабочихъ — для переноски тяжестей. Когда по «Межевой линіи», на Гутуевскомъ островѣ, вы идете къ пристани, то направо

замѣтите цѣлый рядъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ; на каждомъ домикѣ имѣется вывѣска съ надписью: на примѣръ, «Дрягильская артель», «Спасская артель», «Владимірская артель», «Московская артель», «Ярославская артель» и т. п.

Всѣ эти домики устроены артелями рабочихъ. Каждый домикъ есть не что иное, какъ контора артели, гдѣ принимаются заказы на работу, а также производится счетъ. Въ Морскомъ портѣ насчитывается двадцать три артели. Въ каждой артели отъ тридцати до шестисотъ рабочихъ. Обыкновенно, артель изъ своей среды выбираетъ: 1) старосту артели, который принимаетъ отъ коммерсантовъ заказы, и 2) писаря, который ведетъ дѣловую переписку и счетъ по книгамъ.

Всякій артельщикъ, при своемъ вступленіи въ артель, вноситъ капиталъ отъ 500 до 2,000 рублей, смотря по размѣрамъ оборотовъ артели. Этотъ капиталъ служитъ обезпеченіемъ добросовѣстности артельщика.

Не всякій можетъ внести сразу подобную сумму, и потому артельщикъ нерѣдко вноситъ только часть обязательнаго взноса, а остальную часть «заживаетъ», т.-е., изъ причитающагося жалованья производится вычетъ въ счетъ взноса. Чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о дѣятельности артельщиковъ, слѣдуетъ присмотрѣться къ ихъ работѣ. Для выгрузки товаровъ съ парохода, требуется отъ 50 до 100 человѣкъ рабочихъ, смотря по величинѣ парохода. Если на пристани, положимъ, стоитъ десять пароходовъ, вотъ уже надо отъ 500 до 1,000 рабочихъ. Вся эта рабочая сила доставляется артельщиками. Болѣе чистую работу артельщики испол-

няютъ сами, а для носки тяжестей подряжаютъ на цѣлое лѣто рабочихъ, а при случаѣ нанимаютъ еще и поденьщиковъ, если дѣлъ много. Сами артельщики исполняютъ, напримѣръ, слѣдующія обязанности: «выгрузного», «караульнаго», «вѣсовщика», «пріемщика» и т. п.

Выгрузной отбираетъ отъ хозяина свѣдѣнія о товарѣ, который надо выгрузить на берегъ — для этого онъ беретъ отъ хозяина или «пробу» товара, или «марку» товара. Если товаръ вѣсовой, то «вѣсовщикъ» вѣситъ товаръ. Когда товаръ выгружаютъ на берегъ, то охранять становятся «караульщики», которые бываютъ дневные и ночные. Наемные носильщики исполняютъ самую тяжелую работу — выгрузку товара съ парохода въ пакгаузъ или просто на берегъ. Способъ выгрузки — различный, смотря по товару, напримѣръ, бочки катаютъ по землѣ, мѣшки возятъ въ тачкѣ или носятъ на спинѣ, поддѣпивъ крючкомъ. Во время навигаціи, когда работы много, поденьщики собираются на биржу, подъ деревянный навѣсъ, специально устроенный на берегу для найма рабочихъ. Ежедневно по утрамъ сюда приходятъ артельщики для найма поденьщиковъ.

Поденная плата весьма различна, смотря по работѣ. Осенью платили по 60—70 коп. въ одинъ день, съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера. Въ полдень дается одинъ часъ для обѣда. Во время работы каждый поденьщикъ успѣваетъ выгрузить около 1,000 пудовъ въ одинъ день!.. По словамъ самихъ поденьщиковъ, артельщики зорко слѣдятъ, чтобы поденьщики не стояли зря, опустивъ руки. Нанимая поденьщиковъ, артельщики выдаютъ каждому рабочему жестянку съ обозначеніемъ имени артели.

Если на жестянкѣ, напримѣръ, значится «Ярославская артель», то вечеромъ поденьщикъ и идетъ въ контору поименованной артели за расчетомъ. Во время разгара навигаціи, въ Морскомъ портѣ работаетъ отъ 2,000 до 3,000 рабочихъ. Вообще — сюда идетъ дюжій крѣпкій народъ, съ сильно развитою мускулатурою. Какой-нибудь щедедушный мужиченко и самъ не пойдетъ въ поденьщики, чтобы не насмѣшить своихъ товарищей. Для вербовки рабочихъ, артельщики еще зимою ѣздятъ въ деревни, подряжать крестьянъ — на работы, въ Морской портъ.

По окончаніи навигаціи, артели производятъ расчетъ съ купеческими фирмами. Въ это время и бываетъ такъ называемый «дуванъ»: артель дѣлитъ между собою то количество денегъ, которое еще осталось за вычетомъ розданнаго жалованья. Почти рядомъ съ Морскимъ портомъ, на Гутуевскомъ-же островѣ, находится «Сельдяной буянъ», куда привозятся на корабляхъ заграничныя сельди — изъ Шотландіи, Голландіи и Норвегіи. Когда вы вступите на Сельдяной буянъ, то ощущаете особую сельдяную атмосферу. Огромные амбары, ледникъ по американской системѣ, деревянные навѣсы, тянущіеся вдоль берега, и пристань, у которой разгружается какой-нибудь пароходъ — вотъ и вся незатѣйливая картина Сельдянаго буяна; но она оживляется рабочими, которые съ утра до вечера катаютъ по гладкому засаленному полу бочки съ сельдями. Въ горячее время этимъ дѣломъ бываетъ занято отъ 100 до 150 человекъ.

Мостовая вымощена досками, чтобы удобнѣе было катать бочки съ парохода прямо въ кладовыя. Вооружив-

шись шестомъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, рабочіе очень легко перекатываютъ бочки. Въ теченіе навигаціи на Сельдяной буанъ привозятъ отъ 50,000 до 70,000 бочекъ и полубочекъ. Въ каждой бочкѣ умѣщается отъ 500 до 1000 штукъ и болѣе сельдей, смотря по величинѣ ихъ. На Сельдяномъ буанѣ въ розницу не торгуютъ, а нѣсколько оптовыхъ торговцевъ скупаютъ весь товаръ; самый крупный изъ нихъ производитъ около 10,000 бочекъ въ годъ. Шотландскія селетки совсѣмъ вытѣснили съ петербургскаго рынка сельди голландскіе: этихъ послѣднихъ привозятъ очень мало. Какъ извѣстно, въ Петербургѣ сельди продаются въ разность, бабами-торговками, которые ходятъ по дворамъ «на крикъ».

Торговки до сихъ поръ еще выкрикиваютъ: «селетки голландскія!», хотя ни у одной изъ нихъ не найдете голландскихъ сельдей, а все — шотландскія. Торговки знаютъ это, но боятся перемѣнить это названіе товара!

Какъ-разъ посрединѣ между Морскимъ портомъ и Сельдянымъ буаномъ, на берегу Невы, стоитъ «брандвахта», гдѣ каждое вновь пришедшее судно предъявляетъ свой паспортъ. Персоналъ служащихъ на брандвахтѣ состоитъ изъ командира, нѣсколькихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, въ вѣдѣніи брандвахты находится до десятка небольшихъ пароходовъ, которые безпрестанно шныряютъ въ устьяхъ Невы, встрѣчая прибывшія судна. Самая брандвахта представляетъ собою высокоподнимающуюся вышку съ развѣвающимся на ней таможеннымъ флагомъ. Съ этой вышки зорко слѣдятъ за всякимъ вновь пришедшимъ судномъ. Отсюда открывается

великолѣпный видъ на взморье. Вдали видны рыбацкія тони. Вооружившись подозрною трубою, таможенный Аргузь, въ образѣ часоваго, не пропуститъ въ Петербургъ никакой подозрительной лодчонки. Какъ только судно покажется на горизонтѣ, вахтенный даетъ знать дежурному офицеру, который на пароходѣ ѣдетъ встрѣчать прибывшаго гостя. У судна спрашиваютъ билетъ, и затѣмъ его провожаютъ въ таможенную, для сбора государственной пошлины съ привознаго товара. Въ теченіе года черезъ бдительное око брандвахты проходитъ около 2000 всевозможныхъ иностранныхъ судовъ: болѣе всѣхъ—англійскихъ, около 600, потомъ—нѣмецкихъ, около 400, норвежскихъ—около 200 и т. д. Какъ только Гутуевскій островъ сталъ застраиваться и заселяться, приступили къ сооруженію храма; въ настоящее время близится къ окончанію большая церковь во имя Благовѣщенія; она стоитъ противъ Сельдянаго буяна. Подобно Чекушамъ, Гутуевскій островъ представляетъ собою приморскую окраину столицы. Онъ далеко выдвигается въ море.

Гутуевскій островъ далеко еще не застроенъ; онъ переживаетъ переходное время. Основаніе Морскаго порта вызвало этотъ островъ къ новой жизни. Улицы еще только намѣчены, но не застроены домами. Надо полагать, что Гутуевскій островъ имѣетъ хорошую будущность.

Гавань и Чекуши.

Гавань и Чекуши — двѣ самыя западныя окраины столицы; онѣ лежатъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Нева впадаетъ въ Финскій заливъ, именно, на правомъ берегу Невы.

Съ легкой руки покойнаго писателя Генслера, съ именемъ «Гавани» связывается представленіе о «гаваньскомъ чиновникѣ». Но увы! Все идетъ впередъ! И типъ «гаваньскаго чиновника» давно уже вымеръ: его выжилъ фабричный и заводскій рабочій. Тамъ, гдѣ нѣкогда «гаваньскій чиновникъ» предавался безмятежной идилліи, теперь живутъ артели рабочихъ съ кожевенныхъ заводовъ, Балтійскаго завода и др. Отъ «гаваньскаго чиновника» въ этой окраинѣ осталось одно только воспоминаніе. Появись теперь на улицахъ Галерной гавани какой-нибудь заѣзжій чиновникъ, всѣ обыватели, чего добраго, станутъ глазѣть на него, какъ на какого-нибудь допотопнаго ихтіозавра. Куда-же дѣлся «гаваньскій чиновникъ»? Онъ переселился поближе къ «присутственнымъ мѣстамъ», къ центру города. Вновь народившіеся чиновники, благополучно протянувъ канцелярскую лямку и, выслуживъ пенсію, устремляютъ свои помыслы не на «Гавань», а на «Петербургскую сторону». Если «Гавань» перестала служить приманкою, обѣтованной землею, для мелкаго чиновничества, — зато сюда нахлынули другіе элементы столичнаго населенія, напримѣръ, фабриканты, купцы и проч. Селятся въ Гавани и лакеи, разжившіеся отъ своего барина: они

покупають здѣсь себѣ небольшіе домики. Пустопорожнія мѣста годъ отъ года застраиваются: земля подымается въ цѣнѣ. Но всетаки квартиры въ «Гавани» раза въ три дешевле, чѣмъ въ центрѣ города. Вслѣдствіе такой дешевизны, въ Гавани охотно селятся такъ называемыя «гаваньскія салопницы», живущія на пенсіи; сенатскіе писцы и т. п. Впрочемъ, «сенаторовъ», здѣсь такъ мало, что они совсѣмъ затерялись среди остальнаго населенія. Когда по Большому проспекту выйдешь въ «Гавань», то прямо упретесь въ берегъ моря, гдѣ стоятъ рыбацкія тони.

Весною при устьѣ Невы, въ Галерной Гавани, возникаетъ своеобразная жизнь. На отлогихъ берегахъ лежатъ, накренившись на бокъ, старыя барки, отслужившія свой вѣкъ, и поступающія теперь на дровяной дворъ. Рабочіе ломаютъ ихъ и тутъ-же пилятъ дрова. На взморьѣ то и дѣло шмыгаютъ утлыя лодченки, хозяева которыхъ, вооружившись багромъ, ловятъ дрова, бревна, доски и т. п. «дары Невы». Въ числѣ этихъ «даровъ» встрѣчаются иногда и неожиданныя сюрпризы, въ родѣ, напримѣръ, разложившагося трупа какого-нибудь несчастнаго самоубійцы, бросившагося въ Неву съ Николаевского или Александровскаго моста... При этой okazji, въ полицейскихъ вѣдомостяхъ напишутъ, что на взморьѣ, близъ Галерной Гавани, найденъ разложившійся трупъ неизвѣстнаго человѣка... Кое-гдѣ надъ водою возвышаются небольшіе шалаши, сдѣланные изъ ели: изъ этихъ шалашей гаваньскіе охотники стрѣляютъ дичь. Подѣхавъ на лодкѣ къ шалашу, охотникъ прячется въ него, и терпѣливо поджидаетъ утокъ, га-

гарь и т. п. птицъ, которыя, ничего не подозрѣвая, подплываютъ близко къ засадѣ. Раздается выстрѣль, и черезъ нѣсколько времени, хлопая веслами по водѣ, выплываетъ изъ шалаша лодка, направляясь за добычей. По вечерамъ изъ Чекушъ на лодкахъ выѣзжаютъ на взморье «мережники» для ловли рыбы. Съ вечера они опускаютъ мережи, а осматриваютъ ихъ рано утромъ, ни свѣтъ, ни заря.

Если вы будете наблюдать Галерную Гавань лѣтомъ, то вынесете одно впечатлѣніе; если зимою, то — другое. Близость моря придаетъ «Гавани» необыкновенную прелесть. Лихорадочная дѣятельность на тоняхъ; безпрестанная ѣзда по Невѣ и по взморью прибывшихъ изъ заграницы пароходовъ, и, наконецъ, бойкое шмыганіе яликовъ и лодокъ, на коихъ любители спорта отправляются покататься на взморье, — все это очень оживляетъ эту приморскую окраину столицы. Одна изъ тоней стоитъ на самомъ берегу, а прочія — разбросаны тамъ и сямъ на взморьѣ, возвышаясь надъ горизонтомъ воды и живописно вырисовываясь на синевѣ неба. Рыбацкая тоня представляетъ собою избушку, воздвигнутую на отмели: во избѣжаніе наводненія, она высоко подымается на столбахъ надъ поверхностью воды. — Рыба ловится «мотнею» сажень 300 длины и 3 — 4 ширины, смотря по глубинѣ моря. Закинутая мотня опускается въ море стѣною, отъ поверхности воды вплоть до дна. Сверху мотни плаваютъ деревянные полавки, а снизу подвѣшены каменные грузила. Мотню съ обоихъ концовъ тянуть на берегъ при помощи ворота, который приводится въ движеніе поденщиками.

Когда закинуть неводъ, поденщики медленно вертятъ воротъ, ходя по кругу «въ ногу» и понуривъ головы. Тутъ-же на тонѣ, въ избушкѣ, живетъ и самъ хозяинъ— старикъ изъ «осташей», т. е. изъ осташковскаго уѣзда тверской губерніи. Онъ содержитъ нѣсколько тоней на Невѣ и на взморьѣ.

Войдя на тоню, прежде всего замѣтите при входѣ прибиту на столбѣ доску съ надписью: «Будьте счастливы, кромѣ осетра и стерлядей».

— Для чего эта надпись?

— По обычаю, это объявленіе вывѣшивается на каждой тонѣ, во избѣжаніе спора. Вся мелкая рыба идетъ закидывающему тоню, кромѣ осетра и стерлядей, которые остаются владѣльцу тоней.

— Каково рыба идетъ? Теперь, кажется, самая пора ей идти...

— Да, ужъ и черемуха отцвѣла...

Время хода корюшки и ряпушки изъ моря въ Неву обыкновенно совпадаетъ съ цвѣтеніемъ черемухи. Невскіе рыбаки издавна замѣтили эту перемѣну. По вечерамъ, при закатѣ солнца, на Финскомъ заливѣ, во время тихой погоды, когда море стоитъ, какъ зеркало, тамъ и сямъ, появляются на поверхности воды блестящія точки: это — «рыба играетъ», какъ говорятъ рыбаки. Тутъ и плотва, и щука, окуни и т. п. рыба. Всѣ онѣ безопасно наслаждаются пока жизнью, и многія изъ нихъ попадаютъ въ тони рыбака. Во время рыбнаго сезона каждая тоня вытаскиваетъ отъ 20 до 40 корзинъ корюшки и ряпушки, вѣсомъ отъ 50 до 100 пудовъ.

— Какимъ образомъ вытаскиваете такую добычу изъ воды? Вѣдь, неводъ порвется?

— Сперва рыбу вычерпываемъ изъ мотни сачкомъ, а потомъ мотню вытаскиваемъ на берегъ!..

Тоню закидываютъ безпрерывно, съ утра до вечера: лишь только вытащатъ мотню на берегъ или плотъ, какъ снова ее отвозятъ на лодкѣ — подальше, на море. На тоняхъ цѣлый день бываетъ сутолока; одни приходятъ купить рыбы, другіе останавливаются ради любопытства и наконецъ третьи — приѣзжаютъ попытать счастья: закинуть тоню. Если тоня стоитъ въ открытомъ морѣ, туда высаживаются съ парохода цѣлою компанією.

Былъ вечеръ, когда на тоню подѣхалъ въ лодкѣ какой-то господинъ.

— Что стоитъ закинуть тоню?

— Разно бываетъ! отвѣтилъ рыбакъ: беремъ и десять рублей, и пять рублей, а теперь для вечера рублика за три закинемъ!..

— Ну-ка закиньте на мое счастье, на уху!..

Рыбаки положили мотню въ лодку и поѣхали закидывать сѣть, а черезъ нѣсколько времени стали уже возвращаться назадъ. Незвѣстный посѣтитель съ любопытствомъ ожидалъ результата лова. Вдругъ въ мотнѣ засверкало пестрое брюшко лососины.. Рыбаки ахнули отъ удивленія.

— Поздравляемъ, господинъ, — лососина!

— Пять, шесть, семь... нѣсколько десятковъ штукъ!

— Мы давно ждали хода лососины!.. Теперь она, значитъ, пошла!..

Хозяинъ-рыбакъ предлагалъ счастливому незнакомцу купить у него всю лососину, но онъ не продалъ: веселый и ликующій онъ уложилъ лососину къ себѣ въ лодку и уѣхалъ. Кромѣ платы за тоню, всѣмъ рабочимъ дано было на «чай». Особенно живописны тони во время весеннихъ «бѣлыхъ ночей». Темные силуэты ихъ рельефно вырисовываются на блѣдной синевѣ небесъ. Осенью ловъ рыбы на тоняхъ прекращается; рыбаки уѣзжаютъ, и избушка на тоняхъ заколачивается — до будущей весны. Осень — самое тяжелое время для гаваньскихъ обывателей, потому что Гавань, при своемъ низменномъ мѣстоположеніи, и вслѣдствіе близости моря, — затопляется водою — при наводненіяхъ. Какъ извѣстно, въ Петербургѣ рѣдкую осень не бываетъ наводненія. Какъ только подуетъ съ моря западный вѣтеръ, воду изъ Финскаго залива прибываетъ къ берегу, въ устьѣ Невы; съ другой стороны, Нева несетъ свои воды, и вся масса воды рѣчной и морской скопляется при устьѣ рѣки: вотъ вамъ и причина наводненія. По вечерамъ, — въ тѣ дни, когда съ моря дуетъ западный вѣтеръ, — ни одинъ гаваньскій обыватель не ложится спать спокойно: онъ не можетъ ручаться, что на завтрашнее утро вода съ моря не зальетъ, на примѣръ, нижніе этажи. Кто бывалъ въ Галерной Гавани, тотъ видаль, что деревянные мостки на нѣкоторыхъ улицахъ возвышаются надъ уровнемъ мостовой, примѣрно на 1 аршинъ: эти панели приспособлены на случай наводненія. Когда вода затопляетъ улицы, а извошки по спицу уже ѣздить по водѣ, гаваньскіе обыватели преспокойно продолжаютъ ходить по улицамъ, благодаря высокимъ деревяннымъ мосткамъ.

Жутко бываетъ на душѣ гаваньскаго обывателя ка-кого-нибудь подвального этажа, когда въ темную осеннюю ночь, ложась спать, онъ знаетъ, что вода все прибываетъ, да прибываетъ, а вѣтеръ не унимается... Шумъ разбушевавшагося моря не умолкаетъ... Первый натискъ водяной стихіи обрушивается на Гавань. На «Кронъ-спицѣ» раздаются первые три выстрѣла изъ пушекъ. Это значить, что уровень воды поднялся на 3 фута. Первое предостереженіе относится до гаваньскихъ обывателей. Затѣмъ начинается пальба съ Петропавловской крѣпости. Ночью, когда вода вышла изъ береговъ, затопляетъ улицы Галерной Гавани и угрожаетъ подвальнымъ жильцамъ, дежурные городовые обходятъ всѣ дома и будятъ дворниковъ, приказывая имъ, чтобы они будили подвальныхъ жильцовъ и предупредили ихъ о грозящей имъ опасности—отъ наводненія. Нерѣдко среди ночи спросонокъ начинается переселеніе подвальныхъ жильцовъ—повыше, въ первый или второй этажъ, къ своимъ сосѣдямъ. Во время сильныхъ наводненій, по улицамъ «Гавани» плаваютъ на лодкахъ, и случалось даже, что съ моря приплывала барка съ дровами и останавливалась посреди улицы—къ великому изумленію гаваньскихъ обывателей. Дома въ «Гавани», большею частію, деревянные, двухъ-этажные, обнесенные палисадниками. Улицы немощеныя.

Зимою, когда Финскій заливъ покроется льдомъ, начинается ловъ рыбы черезъ проруби. Начиная отъ Галерной Гавани и сплошь до Кронштадта, на взморьѣ тамъ и сямъ пробиты проруби — для спуска рыболовныхъ снастей. Отправляясь осматривать рыболовныя

снасти, рыбаки берутъ съ собою холщевые шатры—для защиты себя отъ холоднаго морского вѣтра. Поставивъ походный шатеръ около проруби, рыбаки становятся съ подвѣтренной стороны, вытаскиваютъ рыболовную снасть и «выбираетъ» изъ нея попавшуюся рыбу. Съ прекращеніемъ навигаціи, въ Гавани царитъ страшная скука. Замолкаютъ свистки отъ пароходовъ, не слышать шума и говора рыбаковъ на тоняхъ, и въ Гавани наступаетъ тишина — вплоть до весны.

Чекуши стоятъ рядомъ съ Галерной Гаванью, при-
мыкая къ Невѣ. Если съ Большого проспекта вы по-
вернете налѣво, по Кожевенной линіи, то придете въ
Чекуши. Мѣстоположеніе Чекушъ чрезвычайно живо-
писно: прямо — Нева, а правѣе — взморье. Когда ино-
странное судно изъ Финскаго залива вступаетъ въ устье
Невы, то оно проходитъ мимо Чекушъ, славящихся сво-
имъ кожевеннымъ производствомъ.

Первое впечатлѣніе о Петербургѣ, когда къ нему
подѣзжаешь моремъ, это именно — запахъ кожи... Въ
Чекушахъ сосредоточено до 10 кожевенныхъ заводовъ.
Заводскія трубы торчатъ тамъ и сямъ надъ неуклю-
жими каменными зданіями. На этихъ заводахъ обраба-
тываютъ всю кожу съ крупнаго убойнаго скота, кото-
рый убивается въ Петербургѣ. Выдѣлываютъ подошвен-
ный товаръ, такъ называемое «мостовье».

Годовое производство кожъ въ Чекушахъ прости-
рается до 200,000 штукъ. Кромѣ того, сюда-же изъ
Америки привозятъ ежегодно 30,000 кожъ, которыя
идутъ въ Петербургъ на корабляхъ моремъ, по 10,000
кожъ на каждомъ кораблѣ.

Въ Чекушахъ находится самый огромный кожевенный заводъ въ Россіи, г. Брусницына. Послѣ пожара, онъ отстроень заново, со все́ми новѣйшими приспособленіями по кожевенному производству. На заводѣ г. Брусницына выдѣлывается въ 1 годъ 80,000 кожъ отъ черкасскихъ быковъ и 30,000 кожъ отъ американскихъ быковъ. Кожевенное производство — очень грязная работа. Въ Чекушахъ — постоянное зловоніе: это своего рода — «петрушкинскій запахъ» нашей сѣверной столицы. Когда съ моря дуютъ вѣтры, то запахъ кожи уносится далеко, въ самый городъ.

Если читатель спросить, почему Чекуши съ ихъ кожевенными заводами занимаютъ мѣсто не по чину, такъ сказать, у самаго «окна въ Европу», то отвѣтъ простой. Въ прежнее время, по ту сторону Невы, на Гутуевскомъ островѣ, были городскія скотобойни. И потому весьма естественно, что кожевенные заводы были устроены по сосѣдству, со скотобойнями, т.-е. въ Чекушахъ.— Но со временемъ, городскія скотобойни были перенесены на новое мѣсто, на Забалканскій проспектъ, и Чекуши осиротѣли. Но онѣ упорно продолжаютъ выдѣлывать кожи и вмѣстѣ съ тѣмъ распространять «петрушкинскій запахъ» на весь Петербургъ... Ежедневно съ городскихъ скотобоевъ бычачьи кожи, еще теплыя, привозятъ на кожевенныя заводы. Кожа покупается по 4 руб. за пудъ вѣсомъ. Черкасскій быкъ даетъ кожу въ 2 пуда вѣсомъ. Прибывъ на заводъ, кожа прежде всего обмывается отъ навоза и грязи, затѣмъ ее «мяздрятъ», т.-е. оскабливаютъ жиръ съ внутренней стороны—большими ножами, для чего ее разстилаютъ на особые по-

снасти, рыбаки берутъ съ собою холщевые шатры—для защиты себя отъ холоднаго морского вѣтра. Поставивъ походный шатеръ около проруби, рыбакъ становится съ подвѣтренной стороны, вытаскиваетъ рыболовную снасть и «выбираетъ» изъ нея попавшуюся рыбу. Съ прекращеніемъ навигаціи, въ Гавани царить страшная скука. Замолкають свистки отъ пароходовъ, не слышать шума и говора рыбаковъ на тоняхъ, и въ Гавани наступаетъ тишина — вплоть до весны.

Чекуши стоятъ рядомъ съ Галерной Гаванью, при-
мыкая къ Невѣ. Если съ Большого проспекта вы по-
вернете налево, по Кожевенной линіи, то придете въ
Чекуши. Мѣстоположеніе Чекушъ чрезвычайно живо-
писно: прямо — Нева, а правѣе — взморье. Когда ино-
странное судно изъ Финскаго залива вступаетъ въ устье
Невы, то оно проходитъ мимо Чекушъ, славящихся сво-
имъ кожевеннымъ производствомъ.

Первое впечатлѣніе о Петербургѣ, когда къ нему
подѣзжаешь моремъ, это именно — запахъ кожи... Въ
Чекушахъ сосредоточено до 10 кожевенныхъ заводовъ.
Заводскія трубы торчатъ тамъ и сямъ надъ неуклю-
жими каменными зданіями. На этихъ заводахъ обраба-
тываютъ всю кожу съ крупнаго убойнаго скота, кото-
рый убивается въ Петербургѣ. Выдѣлываютъ подошвен-
ный товаръ, такъ называемое «мостовье».

Годовое производство кожъ въ Чекушахъ прости-
рается до 200,000 штукъ. Кромѣ того, сюда-же изъ
Америки привозятъ ежегодно 30,000 кожъ, которыя
идутъ въ Петербургъ на корабляхъ моремъ, по 10,000
кожъ на каждомъ кораблѣ.

Въ Чекушахъ находится самый огромный кожевенный заводъ въ Россіи, г. Брусницына. Послѣ пожара, онъ отстроень заново, со всѣми новѣйшими приспособленіями по кожевенному производству. На заводѣ г. Брусницына выдѣлывается въ 1 годъ 80,000 кожъ отъ черкасскихъ быковъ и 30,000 кожъ отъ американскихъ быковъ. Кожевенное производство — очень грязная работа. Въ Чекушахъ — постоянное зловоніе: это своего рода — «петрушкинскій запахъ» нашей сѣверной столицы. Когда съ моря дуютъ вѣтры, то запахъ кожи уносится далеко, въ самый городъ.

Если читатель спросить, почему Чекуши съ ихъ кожевенными заводами занимаютъ мѣсто не по чину, такъ сказать, у самаго «окна въ Европу», то отвѣтъ простой. Въ прежнее время, по ту сторону Невы, на Гутуевскомъ островѣ, были городскія скотобойни. И потому весьма естественно, что кожевенные заводы были устроены по сосѣдству, со скотобойнями, т.-е. въ Чекушахъ.— Но со временемъ, городскія скотобойни были перенесены на новое мѣсто, на Забалканскій проспектъ, и Чекуши осиротѣли. Но онѣ упорно продолжаютъ выдѣлывать кожи и вмѣстѣ съ тѣмъ распространять «петрушкинскій запахъ» на весь Петербургъ... Ежедневно съ городскихъ скотобоенъ бычачьи кожи, еще теплыя, привозятъ на кожевенныя заводы. Кожа покупается по 4 руб. за пудъ вѣсомъ. Черкасскій быкъ даетъ кожу въ 2 пуда вѣсомъ. Прибывъ на заводъ, кожа прежде всего обмывается отъ навоза и грязи, затѣмъ ее «мяздрятъ», т.-е. оскабливаютъ жиръ съ внутренней стороны—большими ножами, для чего ее разстилаютъ на особые по-

лукруглые столы, въ видѣ колоды. Послѣ этого кожа обильно натирается солью, и въ такомъ видѣ сворачивается въ пакетъ, въ видѣ сложенной салфетки, мяздрю (клѣтчаткой) внутрь, а волосомъ наружу. Пакеты складываются другъ на друга въ кубическія кучи, штампами, въ которыхъ остаются 15 дней. При этомъ говорятъ кожевенники «соль выгоняетъ волосъ», т.-е. наступаетъ процессъ разложенія, благодаря которому, волосъ начинаетъ выпадать. Тогда кожи разстилаются и тупыми скребками очищаются отъ волоса. Затѣмъ въ огромные чаны, врытые въ землю, наливаютъ отваръ ивовой корки съ небольшою примѣсью ржаной муки—и погружаютъ сюда кожи, наслаивая ихъ рядами. Въ каждый чанъ умѣщается 40 — 50 кожъ, которыя прѣютъ въ продолженіи 8—12 мѣсяцевъ. Этотъ процессъ называется дубленіемъ. Каждый кожевенный заводъ имѣетъ по нѣскольکو сотъ чановъ, которые тянутся другъ за другомъ сплошными рядами. Всего же въ Чекушахъ насчитывается по крайней мѣрѣ 5000 дубильныхъ чановъ, въ коихъ изъ года въ годъ прѣетъ кожа: одну партію кожъ вынуть, на смѣну имъ кладутся другія. Вотъ причина, почему въ Чекушахъ стоитъ всегда свой специфическій аромат... По окончаніи дубленія, кожа просушивается: зимою — въ сушильняхъ, а лѣтомъ — на открытомъ воздухѣ, на чердакахъ. Лѣтомъ всѣ заводскіе чердаки заняты развѣшенными на нихъ десятками и сотнями тысячъ кожъ. Вѣтеръ свободно гуляетъ по чердакамъ.

Просохнувшія кожи разстилаются на столахъ и большими катками, въ 25 пудовъ вѣсомъ, выглаживаются рабочими. Двое рабочихъ, держась за ручку, катаютъ

взадъ и впередъ медленно катокъ. Въ день они успѣваютъ выгладить около 100 воловьихъ кожъ. Послѣ глаженія, «мостовье» готово и поступаетъ на рынокъ. Во дворѣ каждаго кожевеннаго завода запасены цѣлыя горы ивовой коры, которую доставляютъ сюда пригородные чухны.

Гдѣ бы вы ни были въ Чекушахъ, по какой бы улицѣ вы ни ѣхали, васъ повсюду преслѣдуетъ запахъ дубленой кожи, вмѣстѣ съ запахомъ ивовой коры... Мало того, вамъ кажется, что вы сами, и ваша одежда такъ пропитались запахомъ дубленой кожи, что вы долго не забудете о Чекушахъ.

Кромѣ кожевенныхъ заводовъ, въ Чекушахъ находится Балтійскій заводъ, гдѣ строятся океанскіе военные крейсера для русскаго флота. Когда океанское чудовище стоитъ въ докѣ, то оно возвышается надъ сосѣдними зданіями, точно великанъ среди пигмеевъ. Сотни рабочихъ, облѣпивъ со всѣхъ сторонъ строящееся судно, постукиваютъ по всей окрестности. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1892 года, на Балтійскомъ заводѣ спущенъ самый колоссальный крейсеръ русскаго флота—«Рюрикъ», который былъ заложенъ въ 1890 г. Длина крейсера «Рюрикъ» 426 футовъ, ширина 67 футовъ, глубина 25 футовъ, водоизмѣщеніе 10,933 тоннъ; стоимость его 6,000,000 рублей. Спускъ каждаго новаго крейсера въ невскія воды всегда представляетъ собою военно-морское торжество...

Кухня гусачника.

Какъ извѣстно гусачникомъ называютъ въ Петербургѣ торговца, который торгуетъ гусакомъ, «бычачьими потрохами», или ливеромъ какъ они выражаются, а именно: легкими, селезенкой, сердцемъ, печенкой. Кромѣ того, имъ же идетъ и бычачья «башка» и оболочки желудковъ (рубцы, сычуги).

Гусачникъ—главный и единственный поставщикъ мясныхъ продуктовъ для «съѣстныхъ лавокъ», «дешевыхъ закусовыхъ», «уличныхъ ларей» и, наконецъ, для пресловутаго обжорнаго ряда на Никольской площади.

Такимъ образомъ, гусачникъ поставяетъ мясо, по сходной цѣнѣ, для петербургскихъ бѣдняковъ, фабричныхъ рабочихъ, мастеровыхъ, мужиковъ и т. п.

Въ Петербургѣ насчитывается 6 гусачниковъ, которые имѣютъ гусачныя заведенія или кухни для вывариванія дешеваго мяснаго товара. Двое гусачниковъ—на Петербургской сторонѣ—на Бѣлозерской и Олонецкой улицѣ; одинъ—на Ямской; одинъ—за Нарвской заставой, одинъ—въ Московской части и одинъ—на Васильевскомъ островѣ.

Гусачники получаютъ товаръ на городской бойнѣ.

Обыкновенно, каждый гусачникъ заключаетъ съ «быкобойцемъ» контрактъ на опредѣленное время, на примѣръ на 1—2 года; въ силу этого контракта быкобоецъ обязанъ всѣ потроха съ убитыхъ быковъ сбывать гусачнику по извѣстной цѣнѣ, разъ установленной на цѣлый годъ.

Сколько бы быковъ быкобоецъ ни убилъ, онъ обязанъ сдавать гусаки гусачнику по $3\frac{1}{2}$ рубля съ 1 быка. Принимая во вниманіе, что въ Петербургѣ ежегодно убивается около 200,000 быковъ, надо допустить, что годовой оборотъ всёхъ петербургскихъ гусачниковъ простирается до весьма почтенной цифры, именно 600,000—700,000 рублей.

Вслѣдствіе упомянутаго контракта, ни въ одной мясной лавкѣ вы не купите, напримѣръ, бычачьяго языка, а должны отправиться за нимъ къ гусачнику, потому что бычачья башка, вмѣстѣ съ гусакомъ, тоже попадаетъ къ гусачнику. Хотя «легкія» и «печенка» наравнѣ съ говядиной, продается почти въ каждой мясной лавкѣ, но и эти продукты попали сюда не иначе, какъ опять-таки черезъ руки гусачниковъ. Словомъ, гусачники постарались, чтобы ихъ продуктъ, въ сыромъ или вареномъ видѣ, поступалъ для публики не иначе, какъ черезъ ихъ кухню.

Что же касается количества гусачнаго товара, то приведемъ слѣдующія цифры. Гусакъ черкаскаго быка даетъ:

легкое съ дых. горломъ	10 фунтовъ.
сердце	$6\frac{1}{2}$ »
печенка и селезенка	$15\frac{1}{2}$ »
рубець	16 »
Итого	48 фунтовъ.

Вмѣстѣ съ бычачьей «башкою» гусачникъ получаетъ съ бойни съ каждаго быка около 2—3 пудовъ мясныхъ продуктовъ. Всѣ гусачники столицы вывозятъ съ бойни

къ себѣ въ заведенія около 500,000—600,000 пудовъ мясного товара.

Размѣръ производства не у всѣхъ гусачниковъ одинаковъ. Между ними есть такіе, которые ежедневно вывозятъ съ бойни по 10 телѣгъ, нагруженныхъ бычьими сердцемъ, легкимъ, печенкой, селезенкой, рубцомъ и «башкой».

Другіе же гусачники довольствуются 3—4 телѣгами въ сутки. Для перевозки «гусака» съ бойни на кухню гусачника устроены особаго рода телѣги, обитыя внутри цинковымъ желѣзомъ, въ устраненіе того, чтобы неизбежная при товарѣ свѣжая кровь не расплескалась по городу. Телѣги снаружи окрашены въ ярко-красный цвѣтъ, чтобы замаскировать кровавыя пятна съ наружной стороны телѣги. На задкѣ телѣги начертаны инициалы имени и фамиліи гусачника и его адресъ.

Отправимся къ гусачнику.

Не всякій гусачникъ васъ и впуститъ къ себѣ во дворъ, подозрѣвая въ каждомъ любопытномъ—какойнибудь злой умыселъ, или опаснаго конкуррента. Можетъ быть, вамъ даже придется употребить въ дѣло какуюнибудь стратегическую хитрость, чтобъ взглянуть на кухню гусачника. Но коль скоро вы сюда попали,—увидите здѣсь много интереснаго. Не забывайте, что на кухнѣ гусачника готовятся дешевые мясные продукты для бѣднѣйшаго столичнаго населенія. И смотрите на все съ этой точки зрѣнія. Не возмущайтесь, если уже издали, когда вы будете подходить къ кухнѣ гусачника, неприятный запахъ ударить вамъ въ носъ.

Дворъ у гусачника вымощенъ плитнякомъ, по срединѣ—рѣшетка для стока нечистотъ. Плитнякъ кое гдѣ

перепачканъ запекшеюся кровью, кое-гдѣ валяются мелкіе кусочки легкихъ, печенокъ и т. п. Во дворѣ стоятъ красныя телѣги, покрытыя рогожей. Гусачникъ только что привезъ съ бойни свой товаръ. Рабочіе перетаскиваютъ этотъ товаръ на кухню.

Передъ вами—оригинальная кухня гигантскихъ размѣровъ. Вы входите въ большой каменный сарай.

Полъ въ сараѣ тоже вымощенъ камнемъ. По срединѣ—отверстіе для стока нечистотъ. Возлѣ стѣны въ сараѣ стоятъ 4 огромныхъ котла, вмазанные въ печи. Въ каждый котель вливается до 30 ушатовъ воды, въ которую валомъ валяютъ или гусаки, или бычачьи башки.

Въ одномъ котлѣ варятъ щековину, въ другомъ—легкое, и т. д. Въ котель опускаютъ сразу отъ 50 до 60 бычачьихъ головъ, изъ которыхъ вывариваютъ сало. Вывариваніе продолжается часовъ 7—8, до тѣхъ поръ, пока не убѣдятся, что сало съ башки сошло «на нѣтъ», и когда мясо на головѣ приняло видъ мочала. Съ бычачьей башки мясо, главнымъ образомъ, добываютъ со щекъ, отчего оно и называется щековиной. Отъ каждой башки получается около 20—30 фунтовъ щековины.

Эта хорошо проваренная щековина и идетъ въ «сѣстные лавки», «дешевыя закусочныя», «обжорный рядъ» и «уличные лари», разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ города.

Можно представить себѣ, какова должна быть питательность щековины! Въ своихъ интересахъ, гусачникъ варитъ ее до тѣхъ поръ, пока не получить съ нея всего сала.

Бычачья башка даетъ сала около 3 фунтовъ. Головное бычачье сало въ продажѣ считается самымъ лучшимъ и продается по 22 копѣйки за 1 фунтъ.

Гусачникъ съ бычачьей башки получаетъ слѣдующіе продукты: 1) языкъ, который они продаютъ по 60 копѣекъ и даже до 1 рубля за штуку, 2) бычачій мозгъ—25 коп., продаютъ въ мясныя лавки; бычачьи языки идутъ въ колбасныя лавки; 3) щековина—въ закусочныя и съѣстныя лавки для простонародья, по 5—7 копѣекъ за 1 фунтъ, 4) сало на разные заводы, по 15—20 коп. за 1 фунтъ и, наконецъ, 5) кости по 1 копѣйкѣ за 1 фунтъ, на костеобжигательныя заводы.

Приготовленіе «рубцовъ» происходитъ особымъ образомъ. Сперва бычачью требушину кладутъ въ особый чанъ съ кипяткомъ, чтобы содержимое ея, котораго иногда бываетъ до двухъ пудовъ, отошло, отстало поскорѣе. Вынувши изъ чана, ее вѣшаютъ на крюкъ возлѣ стѣны, которая обита листовымъ цинковымъ желѣзомъ—въ видахъ гигиеническихъ. На двухъ стѣнахъ вбито до 20 крючковъ. Вдоль стѣнь, на землѣ стоятъ длинныя колоды. Посредствомъ металлическихъ пластинокъ требушину очищаютъ отъ содержимаго, которое падаетъ въ колоду. Содержимое рубца у гусачниковъ называется «очисткой». Эта «очистка» зря тоже не пропадаетъ. Полсотни рубцовъ даютъ около 7 ушатовъ «очистки», которую покупаютъ нѣмцы-колонисты, по 30 копѣекъ за 1 ушатъ, для откармливанія свиней.

Сильныя руки рабочаго свертываютъ сычугъ на столѣ, въ видѣ скатаннаго солдатскаго плаща, и перевязываютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ мочалами изъ мучныхъ кулей.

Золотая бахрама рубца обыкновенно обращена во внутрь. Когда наберется до 100 рубцовъ, то эту гору опускаютъ въ котель, гдѣ ее время отъ времени мѣшаютъ. Для этой цѣли служитъ огромная деревянная мѣшалка съ поварешкою соотвѣтствующихъ размѣровъ на концѣ.

Въ самой кухнѣ стоитъ непроницаемый парь. У дверей кухни—большая куча костей и нѣсколько боченковъ съ топленнымъ саломъ. Далѣе—огромные вѣсы для взвѣшиванія отпускаемыхъ товаровъ. Во дворѣ рабочіе на особыхъ деревянныхъ тумбахъ разрубаютъ топоромъ бычачьи башки и вынимаютъ оттуда мозги и языки.

У каждаго гусачника имѣются свои мѣста, куда онъ сбываетъ изготовленные продукты. Три раза въ недѣлю, въ скоромные дни, нагрузивъ телѣгу рубцами, щеквиной и печенкой, гусачникъ отправляется ѣздить по городу, заворачивая въ каждую съѣстную лавку и останавливаясь передъ каждымъ уличнымъ ларемъ—съ предложеніемъ, не надо ли чего купить?. При этомъ гусачникъ посѣтитъ и городскія окраины, проберется куда-нибудь на Охту или въ Новую деревню, гдѣ только обитаетъ бѣдный людъ. Въ однихъ телѣгахъ онъ развозитъ вареные продукты его кухни; въ другихъ же телѣгахъ развозитъ эти же самые продукты въ сыромъ видѣ—по мяснымъ лавкамъ. Мясной торговецъ изъ своей лавки эти продукты продаетъ уже покупателямъ, тоже преимущественно бѣднякамъ.

Гусачникъ отправляется ѣздить по городу со своимъ

товаромъ рано утромъ, часовъ въ 5 утра, и возвращается поздно вечеромъ.

Въ постные дни, по средамъ и пятницамъ, онъ не ѣздитъ, потому что въ эти дни спросъ на его продукты бываетъ меньше. Простонародье нерѣдко соблюдаетъ въ эти дни постъ.

Гусачники наживаютъ съ бѣднаго люда огромные барыши. Достаточно замѣтить, что изъ всего «гусака» одна бычачья башка не только окупаетъ стоимость гусака, но можетъ въ оборотахъ гусачника принести даже чистый барышъ.

Башка даетъ ему не мало, а именно: щековина (30 фунтовъ, считая только по 5 копѣекъ за 1 фунтъ) 1 руб. 50 коп., языкъ 80 коп., мозги 25 коп., сало около 60 коп.; остаются еще кости, по 1 коп. за 1 фунтъ—около 25—30 коп. Итого одна бычачья башка даетъ ему уже уплоченные за гусака 3 руб. 50 к., считая почти по самымъ низкимъ цѣнамъ. Теперь можно представить себѣ барыши гусачниковъ, если каждый изъ нихъ въ теченіи года обрабатываетъ по нѣскольку десятковъ тысячъ гусаковъ, вмѣстѣ съ бычачьими башками!..

Оттого въ короткое время всѣ они составили себѣ хорошія состоянія, тѣмъ болѣе, что гусачниковъ на весь Петербургъ насчитывается только шесть человѣкъ, а дѣло само-по-себѣ огромное. Всѣ они между собою солидарны, и цѣны другъ другу не сбиваютъ.

Если къ стоимости гусачнаго товара на бойнѣ, т. е. на рынкѣ, въ первыхъ рукахъ, прибавить еще и выручаемые гусачниками барыши, то надо допустить, что

гусачное дѣло въ Петербургѣ оцѣнивается гораздо болѣе, чѣмъ въ 1 милліонъ рублей! Вотъ какова кухня гусачника...

Обжорный рядъ.

Изъ кухни гусачника дешевые мясные продукты поступаютъ въ обжорный рядъ, уличные лари и закусовые заведенія.

Какъ извѣстно, «обжорнымъ рядомъ» называется всенародная дешевая кухня, подъ открытымъ небомъ, въ которой бѣднякъ можетъ по самой низкой цѣнѣ найти себѣ пропитаніе. Сообразно карману покупателя, цѣны на продукты—самыя дешевыя, общедоступныя.

Обжорный рядъ помѣщается въ центральной части города, на Никольской площади.

Никольская площадь—эта биржа для найма черно-рабочихъ — каменщиковъ, плотниковъ, землекоповъ, дворниковъ, кухарокъ, горничныхъ, поденщицъ, капо-рокъ для огородовъ, ломовщиковъ и проч. Въ особенности много народа бываетъ въ лѣтнее время, съ мая по сентябрь мѣсяцъ. Изъ внутреннихъ губерній Россіи по Николаевской желѣзной дорогѣ, съ дешевыми поѣздами, въ такъ называемыхъ «воловыхъ вагонахъ» пріѣзжаетъ на лѣтніе заработки до 50,000 разнаго черно-рабочаго люда.

Все это преимущественно мужики, крестьяне. По пріѣздѣ въ столицу, кто не поступилъ «на мѣсто» прямо къ хозяину, тѣ идутъ на Никольскую площадь на-ниматься.

Съ котомками за плечами, съ топорами, пилами и прочими инструментами стоятъ на площади многочисленныя рабочіе, въ ожиданіи найма.

Съ другой стороны, столичные бѣдняки, угловые жильцы, обитатели подваловъ, разнаго вида пролетаріи идутъ въ обжорный рядъ — пообѣдать.

Чернорабочіе, каменщики и плотники нанимаются рано утромъ; капорки—по воскреснымъ днямъ. Разнаго рода прислуга, кухарки, горничныя, няньки и т. п. нанимаются съ утра до полудня.

Кто не нанялся никуда, тѣ стоятъ на площади цѣлый день. Правая половина площади всегда полна народомъ.

Вотъ здѣсь то и помѣщается обжорный рядъ. Для него выстроены отъ города деревянные балаганы, окрашенные охрой, которые сдаются городской думой въ аренду торговцамъ и торговкамъ.

Всего три балагана, съ 16 «номераи».

Въ главномъ большомъ балаганѣ насчитывается 10 номеровъ, которые сдаются съ аукціона, рублей по 50 въ 1 годъ.

Торговый «номеръ» въ обжорномъ ряду есть ничто иное, какъ отдѣльный столъ, человѣкъ на 30—40, куда садится публика.

Около этого стола, на переднемъ концѣ, стоитъ кухонный столъ, гдѣ навалены цѣлыми грудами мясные продукты: щековина, рубецъ, сычугъ, легкое, печонка, сердце, горло и дешевая колбаса. Тутъ же стоятъ вѣсы.

На табуреткѣ, для подогрѣванія кушанья, стоитъ мѣдная четырехугольная жаровня съ довольно вмѣсти-

тельнымъ цинковымъ противнемъ наверху. Внизу жаровни постоянно тлѣютъ уголья, которые нагрѣваютъ противень и кипятятъ «бульонъ». Въ противнѣ лежатъ куски щеквины, рубца, перевязаннаго мочаломъ, колбасы, легкаго, сердца и т. д. По мѣрѣ расходованія бульона для приходящихъ покупателей-ѣдаковъ, торговецъ то и дѣло подливаетъ изъ ведра воды, которая и пополняетъ все время расходуемый бульонъ. Для приданія ему желтоватаго цвѣта, бульонъ «подкрашивается» мелко искрошеннымъ поджареннымъ лукомъ.

На деревянныхъ столбахъ, подпирающихъ крышу, висятъ связки колбасы. На столахъ, обитыхъ клеенкой, стоятъ глиняныя чашки, лежатъ въ безпорядкѣ деревянныя ложки. Въ бутылкахъ разведена жидкая горчица. Въ деревянныхъ солонкахъ — соль.

Въ обжорномъ ряду чернорабочій или какойнибудь бѣднякъ можетъ пообѣдать за 5 копѣекъ, и именно: 2 копѣйки стоятъ хлѣбъ и 3 копѣйки щеквина съ бульономъ. Обыкновенно, покупатель, подойдя къ дымящейся жаровнѣ, и глядя на плавающіе куски щеквины, печенки и т. п., говоритъ, что ему надо, какой кусокъ.

— Щеквины на копѣчку!

— Печенки на копѣчку!

— Колбаски на копѣчку!

Торговецъ вынимаетъ изъ жаровни облюбованный «лакомый кусочекъ», кладетъ его на деревянную доску и, обходясь безъ помощи вилки, рѣжетъ его на мелкіе куски, кладетъ ихъ въ чашку и подливаетъ деревяннымъ уполовникомъ «бульону». Товаръ отпускается «на глазъ»: на копѣйку — поменьше, на двѣ — побольше, а

на три — еще побольше. Некоторые посетители садятся за столъ и ѣдятъ тутъ же, другіе берутъ съ собой печенки или рубца, и уносятъ на квартиру куда нибудь въ «уголь», въ подвальный этажъ. При этомъ мясной товаръ, изрѣзанный на куски, заворачивается въ бумагу.

Когда сычугъ или печенка покупается «на выносъ», то торговецъ непременно спрашиваетъ у покупателя, не надо ли «погорчить и посолить»? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ даетъ покупателю щепотку соли и подливаетъ разведенной горчицы — изъ бутылки заткнутой пробкой — съ маленькимъ отверстіемъ по срединѣ для выхода горчицы.

Въ каждомъ «номерѣ», около стола, прислуживаютъ два человѣка: одинъ отпускаетъ товаръ, а другой помогаетъ.

Случается, что товаръ берутъ и на вѣсъ, по слѣдующимъ цѣнамъ: щековина 8 коп. за 1 фунтъ, рубецъ 8 коп. 1 фунтъ, легкое 5 коп. 1 фунтъ, студень 4 коп. 1 фунтъ, сычугъ 8 коп. 1 фунтъ, колбаса 8 коп. 1 фунтъ, печенка 10 коп. 1 фунтъ, и сердце 12 коп. 1 фунтъ.

Торговля въ обжорномъ ряду начинается съ 6 часовъ утра и до 10 часовъ вечера. Посѣтители смѣняются безпрестанно: одни приходятъ, другіе уходятъ.

Но въ особенности много народа бываетъ къ обѣду, въ 12 часовъ, и къ ужину, въ 8 часовъ вечера. Въ это время всѣ столы сплошь заняты простонародьемъ, сърымъ людомъ.

По вечерамъ балаганы освѣщаются свѣчами въ фонаряхъ, привѣшенныхъ къ стѣнѣ.

Въ обжорномъ ряду торговля — «копѣчная», на копѣйку — сычуга, на копѣйку — хлѣба, на копѣйку — квасу и т. п. Рѣдко, кто беретъ болѣе. Къ празднику торговцы запасаются «и свининкой, и ветчинкой».

Одинъ изъ гусачниковъ арендуетъ для себя въ обжорномъ ряду особый балаганъ, съ 4 столами.

Торговля хлѣбомъ производится изъ ларей.

Четыре ларя содержатся однимъ торговцемъ, который платитъ за право торговли городу 375 рублей арендной платы.

Ежедневно «на копѣчку» продается отъ 20 до 30 пудовъ чернаго хлѣба.

Какъ велики размѣры «копѣчной» торговли въ обжорномъ ряду?

Въ главномъ, большомъ балаганѣ 10 номеровъ. По словамъ самихъ торговцевъ, каждый изъ нихъ ежедневно торгуетъ, среднимъ числомъ, *на 10 рублей*, въ праздничные дни побольше: рублей на 12, на 15, а то и на 20 рублей.

Значитъ, ежедневно обжорный рядъ въ Петербургѣ торгуетъ свыше, чѣмъ на 100 рублей. Это только мясными продуктами. Хлѣба идетъ рублей на 25 на 30 въ день.

Копѣчная торговля, въ своей массѣ, обращается уже въ сотни рублей, а въ теченіе года — въ десятки тысячъ рублей. Большинство торговцевъ промышленяютъ въ обжорномъ ряду очень давно. Одинъ изъ нихъ торгуетъ съ 1847 года.

Бокъ-о-бокъ съ обжорнымъ рядомъ устроена «чайная общества трезвости».

Здѣсь торговля тоже «копѣчная». Простонародье приходитъ сюда пить чай, пообѣдавъ въ обжорномъ ряду.

На стѣнахъ заведенія вывѣшаны объявленія: «посѣтитель получаетъ за 1 копѣйку кусокъ сахару и чаю вволю».

Ежедневно въ «чайной» перебивается отъ 700 до 1000 посѣтителей. Чайная открывается въ 5 часовъ утра и до 9 вечера.

Кто привыкъ видѣть «обжорный рядъ» съ его незатѣйливою и неряшливою кухнею, на того онъ не производитъ ничего особеннаго: на человѣка же свѣжаго обжорный рядъ производитъ непріятное впечатлѣніе. Уже одинъ специфическій ароматъ, разносящійся въ воздухѣ отъ гусака, и т. д., заставляетъ васъ держаться подалѣе.

Вмѣсто обжорнаго ряда, желательно было бы видѣть общедоступную народную столовую, организованную на иныхъ началахъ. Отъ этого бѣднякъ и чернорабочій только бы выиграли въ дѣлѣ своего питанія.

Общедоступная народная столовая имѣла бы экономію въ топливѣ: многочисленныя жаровни концентрировались въ одной плитѣ. Затѣмъ цѣлый штатъ торговцевъ и торговокъ, наживающихся отъ бѣдняка сократился бы.

Зимою бѣдняку не пришлось бы ѣсть свой «хлѣбъ насущный» на холоду и дрогнуть отъ мороза. Наконецъ, самый видъ обжорнаго ряда, съ его пестрой, разношерстной толпой, болѣе приличенъ для какого-нибудь азіатскаго города, а не для Петербурга.

Въ камерѣ одиночнаго заключенія.

На Выборгской сторонѣ, самой сѣверной окраинѣ столицы, сосредоточены многочисленныя казенныя заведенія и учрежденія, имѣющія общегосударственное значеніе и представляющія собою результатъ прикладной, спекулятивной науки. Кромѣ мадицинской академіи и сухопутнаго военнаго госпиталя, которые въ простонародьи слывутъ подъ общимъ именемъ «Клиники», на Выборгской сторонѣ находятся: «Михайловское артиллерійское училище и академія», клиника для душевнобольныхъ, недавно выстроенная по всѣмъ правиламъ науки, анатомическій институтъ, пиротехническая школа, военно-фельдшерская школа, дѣтскій приютъ Рукавишникова и наконецъ двѣ колоссальныя тюрьмы для одиночнаго заключенія: одна военная — на Нижегородской улицѣ, и другая — гражданская — на берегу Невы.

Если подсчитать, во что обходится казнѣ содержаніе всѣхъ заведеній и учреждений на Выборгской сторонѣ, то получится очень и очень солидная сумма въ нѣсколько милліоновъ рублей.

На улицахъ Выборгской стороны то и дѣло видишь чиновный, служилый людъ: то проѣдетъ профессоръ или докторъ — извѣстность, который ѣдетъ на практику въ городъ, то проѣдетъ чиновникъ, то пройдетъ студентъ-медикъ, то наконецъ промчится черная карета съ маленькимъ окошечкомъ позади и съ надписью на боку: «Петербургская тюрьма». Возница беззаботно погоняетъ сытыхъ лошадей; сзади кареты, съ разсыльной книжкой, сидитъ прожатый, и изнутри кареты, въ окошечко,

виднѣется фѣзіономія «рыцаря печальнаго образа»—арестанта.

Нѣтъ, нѣтъ, да по улицѣ пройдетъ арестантъ, въ сопровожденіи двухъ солдатъ, съ саблями на-голо. Миновавъ мостъ, одни арестанты идутъ направо, по Арсенальной набережной, другіе—прямо, по Нижегородской улицѣ: первые—въ гражданскую тюрьму одиночнаго заключенія, а вторые—въ военную тюрьму одиночнаго заключенія.

Иногда вниманіе прохожаго обывателя Выборгской стороны привлечено бываетъ звяканьемъ кандаловъ: это шествуютъ кандальщики, которые «выписались» изъ центрального тюремнаго лазарета, и теперь ихъ ведутъ по назначенію, напримѣръ, въ пересыльную тюрьму. Кандальщики одѣты въ сѣрые, грубаго сукна, халаты. Сзади, на спинѣ, между лопатками, на шинели нашитъ «бубновый тузь».

При видѣ кандальщика, иной сердобольный обыватель остановится и призадумается. Впечатлѣніе, произведенное на него кандальщикомъ, подчасъ разрѣшается слѣдующей сценой. Молчаливо засовываетъ онъ руку въ карманъ, вытаскиваетъ бумажникъ и вынимаетъ изъ него рублевку.

Затѣмъ догоняетъ провожатаго солдата.

— Эй, служивый, передай это *ему!*..

Арестантъ, въ знакъ признательности, снялъ свой картузь, и обнажилъ на половину обриту ю голову.

— Несчастный! Куда его гонять?

— Въ пересыльную тюрьму!.. А оттуда ему одна дорога—въ Сибирь... Обыватель никогда не спрашиваетъ,

да и не рѣшится спросить, за какое преступленіе послѣдовало возмездіе, наказаніе.

Подобныя уличныя сцены изъ арестантской жизни, когда арестантъ случайно промелькнетъ на улицѣ, пробираясь изъ одной тюрьмы въ другую, болѣе или менѣе извѣстны каждому столичному обывателю, и въ особенности жителю Выборгской стороны.

Но какова жизнь арестанта за стѣнами тюрьмы, какъ онъ отбываетъ свое наказаніе, — это рѣдко кому извѣстно. Двери тюрьмы открыты для всякаго, но въ то-же время «входъ постороннимъ лицамъ воспрещенъ».

Ближайшій начальникъ тюрьмы своею собственною властію не можетъ разрѣшить постороннему лицу входъ въ тюрьму для осмотра. Чтобы осмотрѣть тюрьму, надо отправиться въ Главное тюремное управленіе и выхлопотать тамъ пропускной билетъ для входа въ тюрьму. При этомъ вы, конечно, должны объявить цѣль своего посѣщенія.

Вообще говоря, изъ всѣхъ человѣческихъ учрежденій тюрьма едва-ли не самое скрытое и скрытное учрежденіе.

Изъ постороннихъ посѣтителей тюрьму посѣщаютъ иногда правовѣды, юристы, вообще представители Оемиды—для нагляднаго ознакомленія съ тюрьмою.

Запасшись пропускнымъ билетомъ, я вошелъ въ гражданскую тюрьму одиночнаго заключенія, что на Выборгской сторонѣ, на берегу Невы.

Эта тюрьма построена на территоріи бывшей «Петербургской тюрьмы». Въ свое время я бывалъ и въ ней, и помню, что она произвела на меня удручающее

впечатлѣніе: арестанты въ ней сидѣли человѣкъ по двадцати, по тридцати — въ желѣзныхъ клѣткахъ, съ рѣшотчатыми стѣнками, на подобіе того, какъ сидятъ дикіе звѣри въ зоологическомъ саду.

Старую «Петербургскую тюрьму» сломали и на ея мѣстѣ построили колоссальнѣйшую тюрьму одиночнаго заключенія въ Европѣ. Въ этой тюрьмѣ насчитывается 1228 камеръ: она на нѣсколько камеръ больше, чѣмъ самая большая тюрьма во Франціи, въ Парижѣ. Она состоитъ изъ двухъ зданій въ пять этажей, а каждое зданіе — изъ четырехъ корпусовъ, сходящихся другъ съ другомъ крестообразно, въ одной точкѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ четыре корпуса сходятся, стоитъ высокая центральная башня. Помѣстившись въ центральной башнѣ, можно наблюдать всѣ три корпуса сразу, и при томъ всѣ пять этажей, потому что этажи — половъ не имѣютъ, а камеры cadaго этажа, точно гнѣзда ласточекъ, придѣланы къ наружнымъ стѣнамъ. Всѣ камеры cadaго этажа соединены другъ съ другомъ желѣзными галлереями, которыя, точно радіусы въ кругѣ, сходятся въ центральной башнѣ, отъ пола и до самаго потолка, стоитъ винтовая желѣзная лѣстница. Такимъ образомъ, центральная башня служитъ наблюдательнымъ пунктомъ для тюремной стражи. Точно паукъ, помѣстившійся въ центрѣ паутины, тюремный сторожъ сразу видитъ передъ собою 24 галлерей, если не считать подвального этажа.

Если-же онъ повернется «налѣво кругомъ», т. е. назадъ, то увидитъ и четвертый корпусъ съ его 8 галлереями, такъ что тюремный сторожъ почти одновременно можетъ озирать 32 галлереи... Свѣтъ Божій проникаетъ

въ тюрьму черезъ стеклянный потолокъ центральной башни и чрезъ 4 огромныя окна, обращенныя на сѣверь, югъ, востокъ, западъ. Для освѣщенія-же собственно камеръ, каждая камера имѣетъ по одному небольшому окну.

Петербургская гражданская тюрьма одиночнаго заключенія, кромѣ двухъ крестообразныхъ корпусовъ имѣетъ пять больничныхъ отдѣленій, расположенныхъ въ баракахъ, внутри двора. Впереди тюрьмы, по набережной Невы, расположены зданія для тюремной администраціи и служащихъ. Въ общемъ многочисленныя каменные зданія и постройки образуютъ цѣлый тюремный городокъ, который занимаетъ особый кварталъ.

Всѣ зданія и тюрьма снаружи ничѣмъ не окрашены, естественнаго кирпичнаго цвѣта, что придаетъ имъ суровое холодное выраженіе.

Высокая каменная стѣна кирпичнаго цвѣта безконечною лентою опоясываетъ тюрьму. Безъ помощи веревки или лѣстницы черезъ эту стѣну ни за что не перелѣзешь: предосторожность, необходимая для арестантовъ.

Несмотря на эту, такъ сказать, «китайскую стѣну», случаи побѣга арестантовъ, именно черезъ эту стѣну, однако, бывали. Одинъ изъ нихъ воспользовался полѣнницею дровъ, стоявшею возлѣ этой стѣны: взобрался на полѣнницу, а съ полѣнницы перемахнулъ и черезъ стѣну...

Высокая тюремная стѣна отдѣляетъ тюремный міръ отъ шумной жизни столицы. По ту сторону стѣны царитъ гробовая тишина, безмолвная жизнь.

Если въ монастырѣ возбраняется громкій разговоръ, хохоть и пѣсни, то въ тюрьмѣ одиночнаго заключенія безусловно воспрещается всякій разговоръ, и вмѣсто этого рекомендуется молчаніе, раскаяніе и сокрушеніе о своемъ содѣянномъ преступленіи. Всѣ зданія, стоящія около тюрьмы, въ сравненіи съ нею кажутся маленькими.

Даже церковь Спаса Бочарскаго, по своимъ размѣрамъ, какъ-то ступшевывается передъ нею...

Говорять, на эту тюрьму пошло 10 милліоновъ кирпичей.

Подѣзжая къ воротамъ тюрьмы, вы видите лаконическую надпись: «Одиночная тюрьма» 1884 — 1890 г., т. е. годъ закладки и время окончанія постройки тюрьмы.

Съ набережной Невы двои огромныхъ воротъ ведутъ въ «Одиночную тюрьму». Ворота—массивныя, тяжелыя, начиная отъ петель, обитая чернымъ желѣзомъ — съ рисункомъ въ видѣ какого-то чудовища. Собственно говоря, ворота постоянно заперты, а открыты только калитки, возлѣ которыхъ день и ночь дежурятъ стражники.

Ежедневно, съ разныхъ концовъ города, изъ камеръ мировыхъ судей, изъ тюрьмы предварительнаго заключенія, сюда приходятъ все новые и новые кліенты. Въ теченіе года здѣсь перебивается отъ 3,000 до 5,000 субъектовъ. Это все—опасный элементъ столичнаго населенія: или воры, или бродяги, или нищіе, или мошенники. Срокъ заключенія отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, хотя бываютъ случаи, что сажаютъ и на нѣсколько дней.

Когда арестанта приведутъ въ тюрьму, то предварительно его сажаютъ въ подвальный этажъ, въ камеры съ рѣшотчатыми дверями. Здѣсь пока еще нѣтъ стро-

гаго режима: черезъ рѣшотчатая двери арестанты не только видятъ другъ друга, но могутъ даже разговаривать и обмѣниваться впечатлѣніями бытія.

На другой день, утромъ, производится разбивка арестантовъ по камерамъ, и назначаются каждому занятія: кто во что гораздъ.

Всѣхъ арестантовъ, поступившихъ въ извѣстный день, приводятъ въ канцелярію тюрьмы, куда въ это время собирается тюремное начальство. Начальникъ тюрьмы назначаетъ каждому арестанту по камерѣ. Всѣ камеры занумерованы.

— Какъ твоя фамилія?

— Ивановъ, ваше высокоблагородіе!

— Твое занятіе?

— На всѣ руки мастеръ, ваше высокоблагородіе!..

— Да, вижу: ты уже въ пятый разъ попадаешься въ тюрьму...

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— Какое-же твое главное занятіе?

— По слесарной части, водопроводчикомъ былъ.

— Чтобы тебѣ не было у насъ скучно, будешь работать въ тюремной кузницѣ...

— Слушаю-съ...

— Твой номеръ будетъ 1105-й!..

— Въ это время арестанту на лѣвую руку, на рукавъ, нашили мѣдную бляху съ обозначеніемъ упомянутого номера.

Подводятъ слѣдующаго арестанта.

— Твоя фамилія?

— Петровъ — изъ дворянъ...

— Ты долженъ знать, что здѣсь въ тюрьмѣ — всѣ равны. Мы всѣмъ обязаны говорить на *ты*, мужикъ-ли, дворянинъ-ли, все равно. Ты не долженъ обижаться, если надзиратель, или тюремная стража будетъ говорить тебѣ *ты*. Запомни это!..

— Я не хочу выдѣляться отъ другихъ!

— Твое занятіе?

— По письменной части!

— Ну, у насъ въ тюрьмѣ подходящихъ занятій для тебя не найдется!.. Будешь пеньку щипать!..

— Какую пеньку?

— Канаты пеньковые расчищивать.

— Номеръ твоей камеры 1101, на солнечной сторонѣ!..

— Чувствительно благодарю васъ!..

Подожель слѣдующій арестантъ.

— Ты чѣмъ занимаешься?

— Въ огородникахъ состоялъ!

— Прекрасно! Намъ огородниковъ надо! Будешь капусту растить! По гривеннику въ день будешь зарабатывать!.. Твой № 1102!.. Ступай!.. И этому арестанту тоже нашили бляху съ номеромъ.

— А я, ваше высокоблагородіе, на ткацкой фабрикѣ работалъ! подходя къ письменному столу, за которымъ сидѣлъ начальникъ тюрьмы, — сказалъ фабричный рабочий, блѣдный и худой.

— Ну, что-жь? И у насъ будешь работать на ткацкомъ станкѣ, только на ручномъ!..

— Могу и на ручномъ...

— Будешь хорошо работать, рубля три въ мѣсяць заработаешь, а то и болѣе...

— Мало, ваше высокоблагородіе!..

— Это вѣдь не на волѣ, а въ тюрьмѣ...

— Оно, конечно, при готовой квартирѣ и харчахъ, но все-таки мало...

— Постарайся, такъ и пять рублей въ мѣсяць заработаешь. Три мѣсяца просидишь, вотъ тебѣ 15 рублей. На первое время, на прожитые, хватить, когда выйдешь изъ тюрьмы—на волю!..

Прочимъ арестантамъ тоже назначили подходящія занятія: кому картонажныя работы, кому склеиваніе коробочекъ для табачныхъ фабрикъ. Одного арестанта назначили даже пекаремъ, а другаго — типографщикомъ въ тюремную типографію, гдѣ печатается «Тюремный Вѣстникъ», визитныя карточки и бланки для окружнаго суда.

Всѣхъ ихъ распредѣлили по №№, и каждому на лѣвую руку нашили мѣдную бляху. Каждому арестанту выдается такъ называемый «рабочій листокъ», въ которомъ имѣются слѣдующія рубрики: 1) номеръ камеры, 2) званіе, 3) имя и фамилія, 4) по приговору какого суда, 5) преступленіе, 6) на какой срокъ, 7) когда принять, 8) срокъ наказанія, 9) возрастъ, 10) образованіе, 11) вѣроисповѣданіе, 12) семейное положеніе, 13) имѣеть-ли дѣтей и сколько, 14) назначеніе въ школу, 15) занятіе, на свободѣ и въ тюрьмѣ, 16) приходъ — въ этой графѣ записывается заработокъ въ тюрьмѣ и 17) расходъ.

Изъ всѣхъ этихъ рубрикъ, одна изъ самыхъ главныхъ рубрикъ, именно 14-я, *назначеніе въ школу*, остается мертвою буквою. Предполагалось безграмотныхъ арестантовъ обучать грамотѣ, читать и писать, въ тюремной школѣ, т. е. хоть сколько-нибудь ихъ просвѣтить. Однако, тюремной школы почему-то не существуетъ, хотя имѣется и своя типографія.

Получивъ «рабочій листокъ» и № камеры, арестантъ отправляется на медицинское освидѣтельство. Тюремный врачъ производитъ такъ называемый «тѣлесный осмотръ». Арестанта раздѣваютъ до-нага. Послѣ осмотра, арестанта тотчасъ-же заставляютъ взять ванну и вымыться хорошенько. Если онъ здоровъ, то можетъ тотчасъ-же приступить къ отбыванію своего наказанія; въ противномъ случаѣ, его отправляютъ въ тюремный лазаретъ, который находится тутъ-же, внутри двора. Больной арестантъ отбываетъ свое наказаніе, одиночное заключеніе, по истеченіи болѣзни. Внутри двора «одиночной тюрьмы» имѣется пять больничныхъ отдѣленій, отдѣльных бараконъ, куда проводятъ больныхъ арестантовъ и изъ прочихъ тюремъ.

Въ больницу приводятъ и кандальщиковъ.

Какъ только температура тѣла кандальщиковъ подымется до 39 град. или 40 град., врачъ призываетъ кузнеца и приказываетъ снять съ больного кандалы, расковать его.

Отъ усмотрѣнія тюремнаго врача зависитъ, представить опасно больному кандальщику умереть въ кандалахъ, или безъ кандаловъ.

Прежде чѣмъ посадить арестанта въ камеру одиноч-

наго заключенія, его отпускаютъ въ тюремную церковь, къ священнослужителю, для духовной пастырской бесѣды.

При тюрьмѣ имѣются три церкви—православная, католическая и лютеранская.

Арестанты изъ магометанъ могутъ призвать ахуна, кагда имъ угодно.

Изъ этого перечня свв. храмовъ видно, какъ разнообразны по вѣроисповѣданію обитатели «Одиной тюрьмы». Православный священникъ, католическій ксензъ, лютеранскій пасторъ и наконецъ магометанскій ахунъ—все обязаны въ духовномъ отеческомъ собесѣдованіи съ арестантомъ внушить ему идею объ исправленіи, о нравственномъ перерожденіи.

Такимъ образомъ, тюрьма принимаетъ все зависящія отъ нея мѣры, чтобы дать возможность зарвавшемуся преступнику одуматься, раскаяться въ своемъ преступленіи.

Кромѣ одиночныхъ духовныхъ собесѣдованій, бываетъ по воскреснымъ днямъ, въ церкви, общее пастырское слово, напоминающее арестантамъ, что еще не все потеряно, что еще можно исправиться.

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Практика показываетъ, что многіе арестанты не бывали въ церкви и не были у исповѣди по нѣсколькимъ лѣтамъ, и ужъ конечно они болѣе другихъ нуждаются въ истинѣ Евангельской...

Все три храма отдѣланы изящно, со вкусомъ. Въ одной изъ нихъ—прекрасный образъ Спасителя: «Прійдите ко мнѣ все труждающіеся и обремененные...». Въ особенности

хороша православная церковь. Во время богослуженія, поетъ хоръ арестантовъ. Изъ постороннихъ посѣтителей никто въ эту церковь не допускается, безъ особаго разрѣшенія.

Послѣ предварительнаго тѣлеснаго осмотра доктора и напутственнаго душеспасительнаго слова священнослужителя—арестанта, наконецъ, сажаютъ въ камеру одиночнаго заключенія

Въ сопровожденіи надзирателя, его ведутъ въ тюрьму. Войдя въ тюрьму, вы очутитесь точно въ какомъ-то мрачномъ ущелье. Направо и налево виднѣется цѣлая перспектива входныхъ дверей. Надъ каждой дверью прибита металлическая доска съ обозначеніемъ №.

Полы въ тюрьмѣ—асфальтовые и блестятъ точно зеркало. Нѣсколько арестантовъ, подъ присмотромъ надзирателя, со щетками и тряпками въ рукахъ, ползая на колѣнахъ, наводятъ чистоту.

Поднявъ голову кверху, вы видите надъ собою многочисленныя галлерей, гдѣ, точно гнѣзда ласточекъ, ютятся №№. По узкому ущелью идете далѣе—къ центральной башнѣ. Здѣсь свѣта больше, чемъ въ четырехъ корпусахъ тюрьмы.

На стѣнѣ прибита кружка для приѣма жалобъ, письменныхъ заявленій, просьбъ и т. п. отъ арестантовъ. Каждое письменное заявленіе арестанта, опущенное въ кружку, разсматривается начальникомъ тюрьмы.

Около нѣсколькихъ камеръ, стояли арестанты въ сѣрыхъ холщевыхъ блузахъ. Дежурный надзиратель подходилъ поочереды къ каждому арестанту и обыскивалъ ихъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ привратники у

фабричныхъ воротъ, выпуская рабочихъ съ фабрики, по окончаніи работы.

— Что это значить?

— А обыскиваютъ арестантовъ, возвратившихся съ работъ.

— Для чего это?

— Чтобы не взяли съ собою въ камеру чего нибудь... Напримѣръ, ножа, веревки...

Послѣ тщательнаго обыска, арестантъ входитъ въ камеру, и двери за нимъ захлопываются.

— Развѣ имъ ничего не дозволяютъ брать съ собою въ камеру?

— Безусловно ничего... За исключеніемъ, впрочемъ, книгъ, которыя иногда отбираемъ въ видѣ особаго наказанія—отъ тюрьмы.

— У васъ еще и въ тюрьмѣ существуютъ свои особыя наказанія?

— Какъ-же! Безъ этого нельзя! У насъ есть карцеръ: маленькая тюрьма въ большой тюрьмѣ... Сюда мы сажаемъ на хлѣбъ, на воду... Тюремный карцеръ—это мрачное мѣсто: попавъ сюда, человѣкъ погружается въ нирвану, въ полный безмятежный покой, и теряетъ представленіе о времени... Мого надо имѣть нравственной испорченности, чтобы сидя въ тюрьмѣ, ухитриться попасть еще въ карцеръ...

По винтовой лѣстницѣ въ центральной башнѣ новичокъ—арестантъ поднялся въ четвертый этажъ, затѣмъ повернулъ въ одну изъ галлерей. Надзиратель шелъ съ нимъ.

— Стой! Скомандовалъ онъ. Арестантъ остановился.

— Твой № тысяча первый!.. Вотъ онъ:

И въ чужую камеру не ходи...

Арестантъ все время молчалъ. По правиламъ тюрьмы, онъ обязанъ слушать и—молчать. Даже начальству тюрьмы онъ долженъ отвѣчать короткими фразами. Разговоры арестантовъ другъ съ другомъ, наприимѣрь, во время общихъ тюремныхъ работъ, безусловно воспрещены, и виновные за ослушаніе и несоблюденіе основного тюремнаго правила—молчанія подвергаются строгому наказанію.

— Направо! Маршъ въ камеру!.. Скомандовалъ надзиратель. Когда арестантъ вошелъ въ камеру, надзиратель захлопнулъ за нимъ двери.

И вотъ наконецъ—камера одиночнаго заключенія.

Стоить въ ней остановиться и присмотрѣться, какъ къ мѣсту скорби и сокрушенія, гдѣ разныя подонки столицы, петербургскій пролетаріатъ, находятъ для себя возмездіе за свои прегрѣшенія.

Представьте себѣ маленькую комнатку въ 2—3 кубическихъ сажени воздуха, такъ что келья монаха выглядитъ большою сравнительно съ нею. Свѣтъ въ эту комнату проходитъ въ единственное окно, которое прорѣзано высоко, поближе къ потолку. Взглянуть въ это окно на свѣтъ Божій нѣтъ никакой возможности: надо подставить столъ, а на столъ тубаретку и затѣмъ взгромоздиться на эту послѣднюю, чтобы можно было достать окно и взглянуть на улицу. А вѣдь изъ тюремнаго окна заманчиво посмотрѣть на улицу, тѣмъ болѣе, что тюрьма стоитъ на берегу Невы. Заманчиво посмотрѣть, какъ тамъ на свободѣ живутъ люди. Тюремная администрація предвидѣла это. Она устроила въ камерѣ одиночнаго заключенія

такое окно, что при всемъ желаніи, арестантъ не можетъ выглянуть изъ него на улицу. Во первыхъ, окно высоко, наверху, во вторыхъ, подоконникъ сдѣланъ съ откосомъ, подъ угломъ въ 45°, такъ—что арестантъ не имѣетъ никакой возможности сѣсть на подоконникъ, чтобы посмотрѣть на улицу.

Помимо всѣхъ этихъ предосторожностей, имѣющихъ цѣлю вполнѣ уединить арестанта, изолировать его отъ шумной городской жизни—ему строжайше запрещено смотрѣть изъ окна на улицу. Вотъ почему, проѣзжая мимо тюрьмы одиночнаго заключенія, вы никогда не увидите въ окнахъ человѣческаго лица. Снаружи вамъ кажется, что тюрьма пуста!..

Если-бы вы постояли передъ стѣною тюрьмы—день, два, то и тогда-бы не увидѣли въ окнахъ ни одной живой человѣческой фигуры... И вы готовы допустить, что нравственность процвѣтаетъ, тюрьмы пустуютъ, и для чего строить такія колоссальныя тюрьмы, когда онѣ не имѣютъ для себя подходящихъ кліентовъ?!

Но увы! Минутное заблужденіе! Войдите въ тюрьму, и убѣдитесь, что она кишмя кишитъ арестантами: столица представляетъ для нея своего рода лабораторію, гдѣ непрерывно вырабатываются подходящіе элементы.

Обстановка камеры проста и сурова.

Направо—железная кровать, на день привинченная къ стѣнѣ въ отвѣсномъ положеніи, чтобы арестантъ не валялся на ней. Къ вечеру кровать отвинчиваютъ, становятъ, какъ слѣдуетъ, и предоставляютъ въ распоряженіе арестанта. Впереди кровати, у окна—небольшой деревянный столикъ и табуретка.

По вечерамъ вся тюрьма освѣщается электрическимъ свѣтомъ. Въ каждой камерѣ—электрическая лампочка. Электрическіе проводники проведены изъ общей электрической станціи, которая стоитъ на берегу Большой Невки, и освѣщаетъ всѣ казенныя зданія на Выборгской сторонѣ. Въ зимніе вечера, проходя по Александровскому мосту, нельзя не замѣтить направо, на берегу Невы, огромное зданіе одиночной тюрьмы, ярко освѣщенное электрическимъ свѣтомъ изнутри, точно фабрика. Сильный свѣтъ электричества видѣнъ во всѣхъ окнахъ тюрьмы, нѣтъ ни одного пустого, темнаго окна. Колоссальное зданіе тюрьмы положительно бываетъ залито электрическимъ свѣтомъ, и рѣзко выдѣляется отъ сосѣднихъ зданій, погруженныхъ во мракъ. Судите сами, въ каждую крохотную камеру, двѣ-три кубическихъ сажени, проведенъ свой источникъ свѣта, имѣется своя лампочка—на одного человѣка! Слишкомъ много электричества для арестанта. Въ этомъ отношеніи, тутъ-же, на Выборгской сторонѣ, любой школьникъ можетъ позавидовать арестанту, когда ему, школьнику, приходится напрягать свое зрѣніе при свѣтѣ такихъ-же двухъ электрическихъ лампочекъ—въ классѣ на 40 человѣкъ!..

Будемъ продолжать описаніе камеры.

Направо отъ двери, въ углу стоитъ «парашка», которая, выражаясь, высокимъ слогомъ, «дурно себя ведетъ».

Признаюсь, когда я читалъ описаніе Александровской тюрьмы на островѣ Сахалинѣ, г. Чехова, то я думалъ, что «парашка» практикуется только у ссыльно-каторожныхъ—на Сахалинѣ... Но каково-же было мое удивленіе,

когда «парашку» я нашелъ въ одиночной тюрьмѣ—въ Петербургѣ!..

Парашечная система въ одиночныхъ камерахъ—положительное зло для здоровья и крупный промахъ архитектора. Электрическое освѣщеніе, принятое въ тюрьмѣ, совсѣмъ не гармонируетъ съ парашечной системой удаленія нечистотъ.

Кромѣ того, ежегодный ремноть 1228 парашекъ обходится тюремной казнѣ очень дорого: 400 рублей въ 1 годъ. Значить, и въ экономическомъ отношеніи «парашки» въ одиночной тюрьмѣ не практичны.

Русскія тюрьмы, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая весьма недавнею эпохою, были исключительно мѣстомъ заточенія, возмездія, а не средствомъ исправленія преступника, какъ смотритъ на тюремное дѣло современная пенитенціарная наука.

Вообще въ отношеніи тюремнаго дѣла, Россія долгое время оставалась позади Европы.

Однако, въ самую послѣднюю эпоху эта отсталость смѣнилась быстрымъ прогрессомъ! Подобно другимъ странамъ Европы, и Россія ввела у себя систему одиночнаго заключенія и обязательный арестантскій трудъ въ тюрьмахъ.

До конца XVIII вѣка въ Европѣ и Америкѣ преступники, приговоренные къ тюремному заключенію, помѣщались въ тюрьмахъ общаго заключенія.

Въ 1791 г., въ Филадельфіи, подъ вліяніемъ секты квакеро́въ, возникла первая тюрьма одиночнаго заключенія, получившая названіе: Penitentiary, т. е. мѣсто покаянія. Въ ней было 30 келій, гдѣ преступники, находясь

въ безусловномъ уединеніи и абсолютномъ молчаніи, должны были обратиться къ Богу и раскаяться въ своихъ проступкахъ. Отъ этой первой филадельфійской тюрьмы одиночнаго заключенія и все современное тюремовѣдѣніе получило названіе пенитенціарной науки.

Въ Европѣ къ одиночному заключенію перешли въ половинѣ XIX вѣка, когда возникъ цѣлый рядъ подобныхъ тюремъ—въ Христіаніи, Антверпенѣ, Баденѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ.

Къ намъ одиночная система введена въ восьмидесятихъ годахъ,—именно въ это время въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, по Нижегородской улицѣ, открыта была первая тюрьма одиночнаго заключенія для военныхъ нижнихъ чиновъ. А въ 1890 году на той-же Выборгской сторонѣ открыта «Одиночная тюрьма» для гражданскихъ преступниковъ.

Геній человѣка не мало потрудился надъ устройствомъ пенитенціарныхъ тюремъ: архитекторы придумали все, чтобы заключенные не встрѣчались, не сталкивались между собою. Даже въ церкви они не видятъ другъ друга: для нихъ понастроены амфитеатромъ маленькія закрытыя келіи, съ маленькимъ окошечкомъ къ алтарю; въ этихъ келіяхъ арестанты и стоятъ во время богослуженія, не видя другъ друга.

Надо полагать, что пенитенціарныя тюрьмы останутся для грядущаго потомства краснорѣчивымъ памятникомъ архитектуры XIX вѣка—по своей оригинальности и цѣлесообразности, до того въ нихъ, съ точки зрѣнія криминалиста, все комфортабельно устроено!

Захочетъ-ли арестантъ увидаться съ родственниками,

захочетъ-ли онъ вымыть свое грѣшное тѣло въ банѣ,— милости просимъ въ камеру одиночнаго заключенія.

Комната для свиданія арестантовъ со своими родственниками устроена такъ. Большою деревянною перегородкою она наглухо раздѣлена пополамъ. На известной высотѣ—на ней прорѣзаны маленькія квадратныя окошечки, задернутыя проволоочною сѣткой. Съ обѣихъ сторонъ, около каждаго окошечка, поставлены темные шкафчики въ ростъ человѣка—предназначенные для свиданія. Когда надзиратель приведетъ арестанта на свиданіе, то его запирають въ этотъ шкафчикъ. Съ противоположной стороны стѣны, въ такомъ-же точно шкафчикѣ, становится посѣтитель—и бесѣдуетъ полупотомъ съ арестантомъ черезъ окошечко.

Ежедневно къ воротамъ «Одиночной тюрьмы» приходятъ мужики, бабы и прочіе представители деревни, нерѣдко обутые въ лаптяхъ.

Всѣ они приходятъ на свиданіе со своими родственниками или «земляками». У воротъ тюрьмы можно наблюдать, подь часъ, сцены, полныя трагизма. Большинство посѣтителей уходитъ обратно ни сѣмъ, потому что не знаютъ «правилъ», кои требуются отъ каждаго посѣтителя тюрьмы, явившагося на свиданіе. Въ такомъ случаѣ дѣло ограничивается только разговоромъ съ привратникомъ тюрьмы. Но привратникъ тюрьмы—строгій послѣдователь системы молчанія... Да и надоѣсть съ деревенщиной объясняться.

— Послушай, почтенный, можно въ тюрьму войти? спрашиваетъ привратника краснощекая, русоволосая

деревенская молодуха, въ полушубкѣ. По всему видно, что она недавно изъ деревни.

— А тебѣ кого надо?

— Братъ здѣсь сидитъ!.. Ахъ Ваня, Ваня, думала-ли я, что ты сюда угодишь... При этомъ молодуха заплакала.

— А паспортъ при себѣ?

— Нѣту...

— Ну, такъ ступай, принеси паспортъ, а безъ паспорта нельзя...

Даже арестантскія бани—и тѣ устроены по системѣ одиночнаго заключенія.

— Не хотите-ли посмотрѣть наши бани? спросилъ меня путевоитель по тюрьмѣ.

— А развѣ въ нихъ есть что-нибудь особенное?

— Какъ-же!..

— Въ такомъ случаѣ, пойдѣте!

Мы вошли въ довольно большое помѣщеніе, рассчитанное на «смѣну» арестантовъ, человекъ въ двадцать пять. Налѣво «нумера», приспособленные для бани.

Въ каждомъ крошечномъ «номерѣ» проведена холодная и горячая вода. На скамейкѣ—деревянная шайка и кусокъ мыла. Арестанты раздѣваются въ общемъ помѣщеніи. Когда они войдутъ въ номеръ, ихъ тотчасъ же запираютъ, и они молчаливо обмываютъ свое грѣшное тѣло. Въ общемъ помѣщеніи, въ раздѣвальной комнатѣ, они, подъ присмотромъ надзирателя, одѣваются и раздѣваются въ совершенномъ молчаніи. Нѣтъ въ «номерѣ» ни пару, ни жару, ни «полка» для любителей попариться, такъ-что современная арестантская баня, устроенная

по сисетемѣ одиночнаго заключенія, нисколько не похожа на ту, которою такъ краснорѣчиво описаль Достоевскій въ своихъ «Запискахъ изъ мертваго дома».

Признаюсь, когда я видѣль въ передбанникѣ нѣсколько раздѣтыхъ арестантовъ, то мнѣ бросилась въ глаза страшная худоба ихъ: большинство—блѣдные, худые, съ плохо развитыми мышцами. Тутъ я невольно вспомнилъ новую доктрину «о преступномъ типѣ».

Немудрено, что эти голодные субъекты совершаютъ преступленія противъ собственности...

Находясь постоянно въ уединеніи, въ полной праздности, арестанту остается одно: погрузиться въ самосозерцаніе и послѣдовать мудрому совѣту Сократа—«познать самого себя».

Такою именно цѣль и имѣли въ виду устроители первыхъ одиночныхъ тюремъ.

Между тѣмъ, еще Аристотель замѣтилъ, что человѣкъ—божественное животное. Одиночество и безусловное молчаніе—это пытка для него; подобная система, будучи проводима строго, не замедлила проявить и нѣкоторыя нежелательные результаты.

Отъ одиночества арестанты нерѣдко сходили съ ума, а отъ продолжительнаго систематическаго бездѣлья совсѣмъ отвыкали отъ труда, такъ-что выйдя на волю, имъ тяжело бываетъ снова привыкать къ труду.

Вслѣдствіе всего этого, опытомъ жизни, система уединенія, молчанія и праздности была ослаблена. Въ одиночныхъ камерахъ появились верстаки, ткацкіе станки и разные инструменты. Затѣмъ арестантовъ стали выводить на общія работы, хотя и подъ условіемъ полного

молчанія. Наконецъ, арестантовъ стали водить на прогулку, во дворѣ тюрьмы.

— Какія-же работы у васъ организованы?

— У насъ каждый арестантъ что-нибудь да работаетъ, никто не сидитъ, сложа руки!..

А главное занятіе какое?

— Тканье холста, картонажныя работы, работа на кузницѣ, въ огорсдѣ и наконецъ щипка пеньки...

— Много у васъ ткачей?

— Двѣсти пятьдесятъ станковъ работаетъ.

— Какой холстъ ткуть?

— Грубый, арестантскій!..

— Много его тюрьма производитъ?

— Нашъ холстъ идетъ въ тюрьмы на островъ Сахалинъ и разныя губерніи. Мы одѣваемъ почти всѣхъ арестантовъ имперіи.

— Позвольте посмотрѣть вашихъ ткачей?

— Пожалуйте въ камеру!..

Мы вошли. Ручной ткацкій станокъ занималъ почти всю камеру. Отъ работы въ тѣсномъ помѣщеніи камеры подымалась пыль столбомъ. Возлѣ ткацкаго станка, въ полумракѣ пыли, сидѣло тщедушное, блѣднолицее чело-вѣческое существо. Это былъ ткачъ-арестантъ.

— Богъ помощь!

— Здравія желаемъ ваше высокоблагородіе!..

— Много вы успѣваете наткать въ день?

— Двадцать пять аршинъ, ваше высокоблагородіе.

— Что вы получаете за работу?

— Восемь копѣекъ въ день!..

Часть заработанныхъ арестантскихъ денегъ идетъ

«на улучшение пищи» заключенныхъ въ тюрьмѣ, а остальные—выдаются на руки. На эти деньги они могутъ покупать себѣ въ тюрьмѣ чай, лимоны и проч., т. е. деньги опять-таки идутъ «на улучшение пищи».

Посѣтивъ еще нѣсколько ткачей, мы вошли къ коробникамъ.

Въ камерѣ, гдѣ занимаются картонажнымъ мастерствомъ, нѣтъ той пыли, какая бываетъ у ткачей. Здѣсь вы замѣтите груды картона, банку съ клестеромъ и цѣлыя колонны правильно разставленныхъ картонныхъ коробокъ, коробочекъ...

— Сколько вы склеиваете коробокъ въ день?

— Штукъ триста, четыреста!..

— Много-ли зарабатываете?

— Четыре, пять копѣекъ въ день!..

Впрочемъ, склеиваніе коробокъ проходитъ черезъ нѣсколько рукъ: одинъ арестантъ рѣжетъ картонъ, другой кроитъ, третій склеиваетъ, пятый наклеиваетъ этикету и т. п.

— Куда эти коробки идутъ?

— Для табачныхъ фабрикантовъ NN!

— Много идетъ ихъ?

— Сотни тысячъ...

Пусть завзятые курильщики помнятъ, что каждая коробочка съ папиросами, прежде чѣмъ попасть имъ въ руки, побываетъ въ тюрьмѣ!..

— Не хотите-ли посмотрѣть, какъ у насъ пеньку щиплютъ?

Въ камерѣ одиночнаго заключенія, на стулѣ сидѣлъ арестантъ. Передъ нимъ справа лежала груда смолевыхъ

пеньковыхъ старыхъ канатовъ. Взявъ въ лѣвую руку кусокъ каната, онъ меланхолически пощипывалъ его волокно за волокномъ, пока обрубленный конецъ каната не выйдетъ весь. Потомъ онъ бралъ другой кусокъ каната.

— Пеньку щипать мы заставляемъ такихъ, кто ничего не умѣетъ дѣлать!.. Больше въ наказаніе даемъ!..

— Много вы успѣваете нащипать?

— Пять фунтовъ въ день!..

— Сколько-же зарабатываете?

— Двѣ копѣйки... въ день...

Все-таки арестантъ работаетъ и эта мелкая работа имѣетъ не маловажное вліяніе на его душевное настроеніе. Его жизненная энергія, его мысль сосредоточена на дѣлѣ.

Есть среди арестантовъ и огородники. Капуста на всѣ петербургскія тюрьмы идетъ изъ огородовъ «одиночной тюрьмы». Ея обширные огороды помѣщаются на Куликовомъ полѣ, на окраинѣ Выборгской стороны. Ежегодно солятъ 2,000 пудовъ квашеной кислой капусты. Арестанты-огородники зарабатываютъ по 10 копѣекъ въ день, и кромѣ того, имъ выдается на каждого по $\frac{1}{2}$ фунта хлѣба больше сверхъ установленной нормы.

Тихо и монотонно проходитъ жизнь въ одиночной тюрьмѣ. Не смотря на многочисленное подневольное населеніе тюрьмы, въ ней царитъ гробовая тишина. Арестанты встаютъ рано, въ пять часовъ—въ шестомъ.

День заключеннаго распредѣляется по росписанію. Въ 45 минутъ шестаго раздается звонокъ, по которому арестанты встаютъ, поднимаютъ койки, прислоняя ихъ

къ стѣнѣ, въ отвѣсномъ положеніи, выносятъ парашки и умываются.

Одинъ за другимъ, гуськомъ, арестанты выходятъ изъ камеръ, держа въ рукахъ «парашки», и направляются къ люку, чтобы опорожнить ихъ. Само собою разумѣется, что когда парашки проносятся по зданію тюрьмы, то отъ этого въ воздухѣ остается зловоніе, которое разносится по всей тюрьмѣ и бываетъ настолько сильно, что прорывается изъ-за стѣнъ тюрьмы на улицу, на берегъ Невы. Случайный прохожій непременно замѣтитъ этотъ специфическій запахъ.

— Что это? Никакъ «золотари» проѣхали?

— Нѣтъ! Это у насъ тутъ—въ тюрьмѣ!.. отвѣтилъ привратникъ.

— Люкъ очищаютъ?

— Арестанты «парашки» выносятъ!.. Выливаютъ въ люкъ!.. Каждый день, по утрамъ, этотъ запахъ слышать на улицѣ...

Когда въ 1890 г. въ Петербургѣ была международная тюремная выставка, то на ней, между прочимъ, находилась модель, въ натуральную величину, камеры одиночнаго заключенія. Въ числѣ предметовъ камеры была и пресловутая «парашка», но публика ее не замѣчала: она стояла въ углу, въ укромномъ мѣстечкѣ, нисколько не вызывая подозрѣній гигиениста. Припоминается мнѣ тогда общій восторгъ публики, по поводу обзора тюремной выставки. Какія превосходныя тюрьмы, какъ цѣлесообразно все устроено въ нихъ—съ точки зрѣнія филантропіи...

Но «парашечная система», принятая въ петербург-

ской «одиночной тюрьмѣ», наглядно показываетъ, что между выставочной поэзіей и обыденной житейской прозой—огромная разница.

Когда «парашки» вынесены и арестанты умылись, въ камеру приходитъ надзиратель и привинчиваетъ желѣзныя кровати къ стѣнѣ, въ отвѣсномъ положеніи. Это дѣлается для того, чтобы днемъ арестантъ не «валялся», лежа на кровати и не сибарствовалъ-бы въ уединенной тишинѣ камеры, предаваясь мечтамъ. Въ шесть часовъ—звонокъ на молитву. Заключенные становятся у открытыхъ въ дверяхъ форточекъ и слушаютъ молитвы: «Отче нашъ», «Спаси, Господи, люди Твоя» и др., которыя громко и внятно читаются однимъ изъ арестантовъ. Послѣ утренней молитвы—раздача кипятка.

Чай арестанты имѣютъ свой и покупаютъ на заработанныя деньги. Въ 7 часовъ начинаются тюремныя работы: кто идетъ въ кузницу, кто на огороды, а ткачи и картонажные мастера работаютъ у себя въ камерахъ. Въ это-же время начинаются и прогулки, которыя производятся по очереди, по галлерейно—во дворѣ тюрьмы, на особомъ плацу. Такъ какъ арестантовъ очень много, то во дворѣ тюрьмы, когда вы ни загляните, цѣлый день замѣтите гуляющихъ. Обыкновенно, арестанты гуляютъ по «смѣнамъ», человекъ по тридцати сразу, въ продолженіи $\frac{1}{2}$ —1 часа времени. Объ этихъ прогулкахъ стоитъ сказать еще нѣсколько словъ. Для нихъ во дворѣ сдѣланъ особый циклодромъ, по которому заключенные и гуляютъ въ круговую, на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, примѣрно, шаговъ на пятнадцать, на двадцать. Прогулки производятся въ глубокомъ молчаніи,

арестанты точно манекены, расхаживают вереницею по циклодрому. За ними присматривает надзиратель. Когда одна «смѣна» отгуляла, ее уводятъ въ камеры и запираютъ, а на мѣсто нея сейчасъ-же выводятъ другую.

Въ дождливую погоду прогулокъ не бываетъ. Въ 10 часовъ—раздача хлѣба и мяса. Въ полдень—звонокъ для окончанія работъ и раздача обѣда. Въ дверяхъ каждой камеры открывается окошечко, въ которое и подаютъ заключенному обѣдъ, состоящій изъ хлѣба, щей и каши. На каждого арестанта отпускается 2 фунта хлѣба, 30 золотниковъ мяса и соотвѣтствующее количество крупы.

По окончаніи обѣда, тридцать минутъ полагается на «послѣобѣденный отдыхъ». Съ 1 часа и до 7 часовъ вечера опять работы и прогулка—тѣмъ смѣнамъ, которыя еще не гуляли. Такимъ образомъ, арестанты въ тюрьмахъ работаютъ 10 часовъ въ 1 сутки. Арестанты, имѣющіе образовательный цензъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній оканчиваютъ работу 1 часомъ раньше назначеннаго по росписанію.

Въ 7 часовъ оканчиваются работы, снова раздача кипятка и ужинъ, за которымъ подаются подогрѣтыя щи. Въ 8 часовъ—вечерняя молитва, въ половинѣ девятаго—«открытіе коекъ». Въ 9 часовъ въ камерахъ тушатся огни и арестанты погружаются въ безмятежный сонъ: завтрашній день будетъ опять такой-же, какъ и сегодняшній, какъ двѣ капли воды.

Хлѣбъ въ тюрьмѣ превосходный. Пекаря и повара—сами-же арестанты.

Тюремная кухня въ образцовомъ порядкѣ.

Колоссальные котлы и печи для выпечки хлѣба сви-

дѣлствуютъ, что кухня и пекарня ежедневно продовольствуютъ огромную массу народа. На стѣнѣ прибито меню арестантскаго обѣда на всю недѣлю. Достаточно и бѣглаго взгляда на это меню, чтобы замѣтить, что выборъ пищи для арестантскаго стола не отличается большимъ разнообразіемъ. На этомъ меню, напримѣръ, на понедѣльникъ назначено: щи и каша, на вторникъ прописано: «то-же самое», на среду:—«то-же самое» и т. д., чуть-ли не на всю недѣлю. Въ воскресенье и праздничные дни пища готовится нѣсколько лучше.

Въ кухнѣ-же вывѣшено и росписаніе: какихъ продуктовъ и сколько полагается на каждого арестанта— съ точностью до самыхъ мельчайшихъ дробей.

Впрочемъ, арестанты не могутъ жаловаться на тюремный столъ: по пословицѣ, назвавшись груздемъ, полѣзай въ кузовъ!..

Кромѣ начальствующаго персонала, въ числѣ 25 человекъ, въ одиночной тюрьмѣ состоитъ 107 человекъ тюремной стражи.

Все входныя двери тюрьмы постоянно заперты на ключъ. Каждый надзиратель имѣетъ отъ дверей свой ключъ, который онъ носитъ постоянно съ собой. Входя въ тюрьму или выходя изъ нея, онъ самъ себѣ отворяетъ и дверь при помощи своего ключа.

Камеры тоже, конечно, заперты.

Если арестантъ желаетъ позвать въ камеру кого-нибудь, напримѣръ, врача, то онъ нажимаетъ кнопку отъ звонка. Раздается звонокъ. Приходитъ дежурный надзиратель и спрашиваетъ, что ему надо? Допустимъ, что надзиратель не слыхалъ звонка: звонокъ устроенъ такъ,

что второй раз позвонить нельзя, тогда арестантъ «высовываетъ изъ камеры языкъ». Онъ нажимаетъ вторую кнопку, и изъ камеры, справа у дверей, возлѣ звонка, выскакиваетъ длинный, красный сигнальный языкъ. Проходя мимо камеры, нельзя не замѣтить краснаго языка; вѣрный знакъ, что въ этой камерѣ былъ призывной звонокъ.

Въ каждой двери сдѣлано маленькое окошечко, «очко», величиною въ мѣдный пятакъ. Надзиратель во всякое время дня и ночи можетъ заглянуть въ это очко и посмотреть, что дѣлаетъ въ камерѣ арестантъ?

Даже на разспросы врача о болѣзни, заключенный долженъ отвѣчать коротко, безъ лишнихъ словъ.

Въ одной изъ камеръ раздался звонокъ, а спустя нѣкоторое время показался и «языкъ». По просьбѣ арестанта, надзиратель позвалъ дежурнаго доктора.

— Что у тебя болитъ?

— Голова, ваше высокоблагородіе!

— Покажи языкъ!..

Арестантъ высунулъ языкъ.

— Ступай въ лазаретъ! Назначить ему четвертую порцію...

Арестанта увели.

— Скажите, докторъ, спросилъ я, производятся надъ арестантами вашей тюрьмы какія-нибудь изслѣдованія?

— Какъ-же! Производимъ!..

— Долго они у васъ сидятъ въ тюрьмѣ?

— Отъ 7 дней и до 3 мѣсяцевъ!

— Интересно было-бы знать, вѣсь тѣла за этотъ періодъ у нихъ увеличивается, или уменьшается?

— Почти у всѣхъ уменьшается, какъ показала опытъ: мы ихъ всѣхъ взвѣшиваемъ при приѣмѣ и выпускѣ!..

— Есть среди вашихъ кліентовъ какія-нибудь особы тюремныя болѣзни, зависящія отъ исключительныхъ условій одиночнаго заключенія?

— Цынга и разныя формы душевныхъ болѣзней— вотъ бичъ нашихъ кліентовъ...

— Отчего это зависитъ?

— Отъ одиночнаго заключенія! Цынга развивается отъ отсутствія моціона, отъ сидячей жизни въ душной камерѣ.

— А душевныя болѣзни?

— Отъ одиночества!..

— А парашечная система имѣетъ вліяніе на развитіе цынги?

— Несомнѣнно: гнилостный воздухъ вполне ей благоприятствуетъ!

— Скажите, пожалуйста, многіе заболѣваютъ цынгой?

— Да, болѣе половины всего числа заключенныхъ... При этомъ докторъ пожалъ плечами.

Чохотка тоже уноситъ не мало жертвъ среди заключенныхъ. Представьте себѣ, что больной-чахоточный, въ первомъ періодѣ развитія своей болѣзни, отсидѣлъ въ камерѣ одиночнаго заключенія три мѣсяца и затѣмъ вышелъ, отбывъ свое положенное наказаніе. Отъ него «и слѣдъ простылъ», какъ говоритъ пословица.

Съ другой стороны, наука свидѣтельствуетъ, что слѣдъ отъ подобнаго кліента еще не совсѣмъ простылъ: воздухъ и самыя стѣны камеры заражены чахоточными бактеріями. Новый пришелецъ, попавъ въ эту камеру,

имѣеть всё шансы заразиться болѣзнью своего предше-
ственника.

Въ такомъ случаѣ, болѣзнь эта уже будетъ благо-
пріобрѣтенная въ стѣнахъ тюрьмы.

Въ анатомическомъ институтѣ.

Ежедневно по утрамъ изъ анатомическаго института,
что на Выборгской сторонѣ, выѣзжаетъ возница — для
сбора труповъ.

Возница объѣзжаетъ всё петербургскія больницы для
чернорабочихъ, наводя справки, нѣтъ-ли гдѣ покой-
никовъ?

Всѣ покойники, не имѣющіе «ни роду, ни племени,
ни родныхъ, ни знакомыхъ», поступаютъ въ анатомиче-
скій институтъ — для пользы науки. Трупы уклады-
ваются въ большой ящикъ на рессорахъ, герметически
закупоренный и окрашенный въ черный траурный цвѣтъ.

Въ этомъ ящикѣ сдѣланы горизонтальныя полки для
склада труповъ. Когда ящикъ наполненъ, то трупы ле-
жатъ въ немъ, точно сельди въ бочкѣ, горизонтальными
слоями.

Кромѣ труповъ чернорабочихъ, въ анатомическій ин-
ститутъ поступаютъ и трупы несчастныхъ субъектовъ,
бросившихся въ Неву. Какъ извѣстно, кому жизнь на-
доѣла, кто не въ силахъ ужъ больше влачить свое жал-
кое существованіе въ сей земной юдоли печали и слезъ,
и скрежета зубоваго, — тѣ нерѣдко бросаются въ объ-
ятія красавицы Невы, желая этимъ самымъ избавиться

отъ тяготы жизни и отъ общества. Повидимому, подобный самоубійца разъ на всегда порвалъ всякую связь съ обществомъ. Но этимъ дѣло еще не кончилось: его личностью еще кто-то интересуется, его трупъ кому-то еще нуженъ.

Спустя нѣсколько дней, трупъ утопленника всплываетъ гдѣ-нибудь въ Галерной гавани, на взморьѣ. Гаваньскій обыватель, выѣхавшій на лодкѣ, на взморье, ловить пловучія дрова, бревна и прочіе «дары Невы», вдругъ натывается... на трупъ человѣка.

Онъ сообщаетъ объ этомъ печальномъ фактѣ мѣстному участковому начальству. Составляется протоколъ, что такого-то числа, въ такомъ-то мѣстѣ, найденъ трупъ человѣка, «неизвѣстно кому принадлежащій». Затѣмъ этотъ трупъ препровождается въ анатомическій институтъ для судебно-медицинскаго вскрытія.

Послѣ судебно-медицинскаго вскрытія, трупы утопленниковъ тоже идутъ для практическихъ занятій студентовъ.

Такимъ образомъ, видно, что въ Петербургѣ кто не имѣеть успѣха въ жизни, тотъ не всегда можетъ надѣяться, что и послѣ смерти его оставятъ въ покоѣ.

Впрочемъ, подобные субъекты могутъ утѣшиться тѣмъ, что ихъ трупы пойдутъ на пользу науки.

Въ теченіе года въ анатомическій институтъ поступаетъ около 1000 труповъ.

Изъ этого количества часть труповъ идетъ для петербургскаго университета.

Кромѣ того, лѣтомъ, когда занятія со студентами

на время прекращаются, трупы отправляются въ городъ Юрьевъ — для тамошняго университета. Такъ, напримѣръ, прошлымъ лѣтомъ отправлено было въ Юрьевъ около 100 труповъ, укупоренныхъ въ 8 ящиковъ разной величины. Во избѣжаніе зловонія, трупы были дезинфекцированы, а самые ящики тщательно обиты цинковымъ желѣзомъ.

Когда трупъ прибудеть въ институтъ, то онъ прежде всего поступаетъ въ кладовую—холодное помѣщеніе въ подвалѣ.

Эта кладовая представляетъ своеобразное рѣдкое зрѣлище.

Представьте себѣ довольно большое зало, посрединѣ котораго тянутся двухстороннія нары, раздѣленныя продольной перегородкой.

На нарахъ лажать до полусотни голыхъ, ничѣмъ не прикрытыхъ труповъ, головами вмѣстѣ, ногами врозь. Въ воздухѣ разносится запахъ мертвечины. Потолки въ кладовыхъ низенькіе, покрытые каплями холоднаго испаренія.

Свѣтъ, пробиваясь черезъ маленькія окна, освѣщаетъ невеселую картину, достойную кисти Рембранта... Многочисленные трупы лежатъ кто навзничь, кто на боку, кто скорчившись въ три погибели. У нѣкоторыхъ женскихъ труповъ волосы распущены въ живописномъ безпорядкѣ. Вотъ трупъ мужчины, котораго отъ водянки раздуло точно бочку. Вотъ трупъ чахоточнаго чловѣка, который высохъ, какъ скелеть.

Далѣе видѣнъ трупъ, пораженный гангреною: на

ногѣ зяеетъ огромная красная рана, во всю толщину ноги, повыше колѣна.

Есть и такіе трупы, которые сохранились, какъ живые, точно смерть не коснулась ихъ своимъ страшнымъ перстомъ.

Всѣ эти трупы, мужскіе и женскіе, голые, лежащіе въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, страшно удивились-бы своему неожиданному сосѣдству другъ съ другомъ, если-бы они могли открыть глаза хотя на одно мгновеніе...

Кладовая служить неизсякаемымъ складомъ труповъ, которые идутъ для практическихъ занятій студентовъ. Трупы берутся для занятій—ежедневно; ежедневно же эта убыль восполняется свѣжими трупами — изъ разныхъ больницъ.

Изъ кладовой на тачкахъ трупы развозятся въ препаровочную аудиторію на операціонные столы.

Рабочіе столы для трупоразсѣченія устроены особымъ образомъ: они — круглые, посрединѣ имѣютъ возвышеніе, по сторонамъ—уклоны, окаймленные желобами для стока крови.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желобовъ имѣются отверстія, куда кровь стекаетъ внизъ — въ поставленныя ведра. Къ каждому столу изъ общаго водопроводнаго крана проведена резиновая кишка, рукавъ—для смыванія нечистотъ, неизбѣжныхъ при трупоразсѣченіи.

Перспектива многочисленныхъ столовъ, окрашенныхъ въ темно-красный цвѣтъ, производитъ внушительное впечатлѣніе.

Въ бѣлыхъ передникахъ, въ рабочихъ блузахъ, засу-

живъ рукава по локоть, точно мясники, работаютъ студенты въ «препаровочной», съ ланцетами въ рукахъ. Ихъ занятіями руководить профессоръ-анатомъ, который въ ученomъ мiрѣ славится тѣмъ, что въ продолженіи своей жизни составилъ богатѣйшую коллекцію человѣческихъ череповъ—въ 10,000 штукъ!..

Въ началѣ занятій, онъ показываетъ каждому студенту, какъ владѣть ножомъ, и гдѣ какой мускуль лежитъ въ тѣлѣ человѣка. Потомъ даетъ студентамъ темы для самостоятельныхъ упражненій.

Свѣжій трупъ человѣка вмгъ разчленяется и разбирается по препаровочнымъ столамъ: здѣсь лежитъ голова съ закрытыми глазами, тамъ—нога и т. д. Положивъ передъ собою, на столъ, «Курсъ анатоміи человѣка», студенты приступаютъ къ препарированію. Они работаютъ по двое: когда одинъ разчленяетъ, напримѣръ, мускулы ноги, другой въ это время читаетъ по книгѣ, гдѣ, подобно звѣздамъ на небѣ, каждому мускулу указано свое мѣсто...

Усердно работаютъ студенты. Кто знаетъ? Можетъ быть одному изъ нихъ со временемъ суждено сдѣлаться вторымъ Пироговымъ!..

Когда всѣ мышцы разчленены, отъ трупа осталось одно только воспоминаніе, получилось какое-то крошево.

Все это собираютъ, кладутъ въ гробъ и отправляютъ въ покойницкую, гдѣ священнослужитель совершаетъ панихиду «о новопреставленномъ рабѣ Божьемъ».

Для молодаго учащагося поколѣнія, для юныхъ натуралистовъ, какъ наглядное пособіе при изученіи ана-

томъ и физиологiи человѣка, требуется, между прочимъ, и человѣческіе скелеты.

Какъ дѣлаютъ скелеты?

Ихъ готовятъ въ Петербургѣ, въ анатомическомъ институтѣ, и отсюда рассылаютъ по всей Россіи, по учебнымъ заведеніямъ, смотря по требованію.

Трупы наиболѣе рослыхъ субъектовъ изъ «препаровочной» поступаютъ въ мастерскую для выдѣлки скелетовъ, которая находится въ особомъ зданіи—посрединѣ двора.

Мастерская для выдѣлки скелетовъ — въ два этажа. Когда по финляндской желѣзной дорогѣ вы подъѣзжаете къ Петербургу, то во дворѣ анатомическаго института можно замѣтить это оригинальное зданіе.

Вамъ, конечно, и въ голову не придетъ, зачѣмъ оно стоитъ тутъ—съ довольно высокой вытяжной трубой.

Точно «Синяя борода», въ извѣстной сказкѣ, — наука, въ лицѣ своихъ представителей, зорко стережетъ это зданіе, своего рода фабрику скелетовъ, отъ глазъ любопытнаго.

Въ нижнемъ этажѣ стоятъ десятка два большихъ чановъ, въ которыхъ мокнуть въ водѣ трупы человѣка. Моченіе производится долго, приблизительно около полугода, послѣ чего мясо отъ костей начинаетъ мало-помалу отставать, отваливаться; его удаляютъ прочь отъ костей—получаются кости человѣка.

Перспектива чановъ съ человѣческими трупами напомнила мнѣ кожевенные заводы въ Чекушахъ, въ которыхъ около года прѣютъ кожи быковъ...

Теперь надо эти кости провѣтрить, высушить.

Свѣжія кости человѣка, пропитанныя жиромъ, имѣють желтый видъ: провѣтриваніе на воздухѣ сообщаетъ имъ бѣлизну. Замѣтимъ, что отъ жирныхъ, тучныхъ людей получаютъ кости желтыя, пропитанныя жиромъ; отъ здоровыхъ, мускулистыхъ людей получаютъ кости—бѣлыя, наиболѣе пригодныя для скелета. Кости сибаритовъ даже и послѣ смерти ихъ владѣльцевъ — никуда не годятся.

Провѣтриваніе костей производится во второмъ этажѣ, приспособленномъ для этой цѣли.

Я вошелъ въ просторную, свѣтлую галерею со стеклянными стѣнами и проволочной сѣтчатой крышею. Вольный воздухъ свободно проникаетъ въ галерею. На асфальтовомъ полу нагромождены отдѣльными кучами человѣческія кости: онѣ просушивались на солнцѣ. День былъ ясный. Ослѣпительные лучи солнца, отражаясь отъ бѣлыхъ костей, освѣщали своеобразную картину. Чтобы не перепутать костей, чтобы не смѣшать Ивана съ Петромъ, кости каждаго человѣка лежали отдѣльно: изъ большихъ костей «конечностей» сдѣланъ на полу кругъ, и въ этомъ кругѣ собраны всѣ кости человѣческаго скелета, начиная отъ самыхъ мелкихъ костей руки и кончая черепомъ.

Надъ крышей; т. е. надъ проволочной сѣткой, летали вороны... Во время дождя на проволочную сѣтку надвигаются стеклянныя рамы.

Послѣ провѣтриванія, остается кости собрать въ человѣческій скелетъ, для чего, конечно, кромѣ знанія анатоміи, требуется и опытность.

Составленіемъ скелетовъ издавна занимается скелетныхъ дѣлъ мастеръ, опытный фельдшеръ, правая рука профессора. Онъ относится съ любовью къ своему дѣлу. Многочисленные скелеты въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи—вышли изъ его рукъ. Изготовленіе скелетовъ—работа очень кропотливая. Кости, для полученія человѣческаго скелета, скрѣпляются тонкой проволокой. Для самой малѣйшей кости надо просверлить дырочку и просунуть въ нее проволоку. Дыры въ костяхъ просверливаются на ножномъ токарномъ станкѣ, при помощи особаго шила.

Рабочій кабинетъ, гдѣ производится «собираніе» костей въ скелеть, напоминаетъ собою комнату средневѣковаго алхимика. Куда ни взглянешь, вездѣ видишь кости, кости и кости. Здѣсь — царство мертвыхъ. На столахъ, на полу, въ шкафахъ — вездѣ кости. Наконецъ, самъ мастеръ, съ костью въ рукѣ, сидитъ возлѣ токарнаго станка. Завертѣлось колесо, мастеръ нажимаетъ кость на сверлило — получается дырочка; мелкая костяная пыль летитъ кругомъ, въ воздухѣ.

На столѣ лежатъ ребра человѣка, тщательно сложенные по порядку, въ видѣ концентрическихъ круговъ, сперва идутъ крупныя ребра, а ближе къ центру — все мельче и мельче; далѣе видны кисти рукъ человѣка и т. п.

Многочисленные черепа лежатъ цѣлыми пирамидами. Заглянувъ случайно на первый подвернувшійся мнѣ черепъ — «сей престолъ ума и вдохновенія», я прочиталъ надпись: «черепъ женскій, 80 лѣтъ». По стѣнамъ мастерской и вдоль потолка, извивалось чучело колоссаль-

ной змѣи—боа: казалось, что вотъ, вотъ чудовище бросится и на человѣческіе скелеты, и на мастера — и сдавить ихъ въ своихъ объятіяхъ...

Посрединѣ комнаты стоитъ нѣсколько готовыхъ скелетовъ; одинъ изъ нихъ, за какую-то провинность, привѣшенъ даже къ своду потолка при помощи винта, пропущеннаго въ темя черепа.

Оскаливъ зубы и выдвинувъ нижнюю челюсть впередъ, стоитъ скелетъ мужчины. На черепѣ, на лбу, надпись: «Николай Степановъ, мужской скелетъ 40 лѣтъ».

«Увы! Бѣдный Юрикъ!...»

Всѣмъ скелетамъ, вышедшимъ изъ анатомическаго института, ведется обстоятельный списокъ, изъ котораго видно, въ какихъ городахъ и какихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣются скелеты.

«Николая Степанова» отправятъ на-дняхъ на родину, въ Кострому, въ какое-то учебное заведеніе.

По этапу—на родину.

— А вотъ я тебя отправлю подъ шары!

— Не хочешь ли посидѣть подъ шарами?

Таковыми словами страшаетъ «городовой» какого-нибудь нищаго, бродягу или тунеядца.

Услышавъ эти слова, нищій или бродяга опрометью спѣшитъ куда-нибудь скрыться, убратъся съ глазъ долой, во избѣжаніе непріятной оказіи.

Посидѣть въ участкѣ это значитъ—побывать подъ шарами, какъ выражаются потерпѣвшіе. Кто хоть разъ посидѣлъ подъ шарами, тотъ пользуется дурною славою.

Откуда приозошло выраженіе: посидѣть подъ шарами? Никакой филологъ не могъ бы объяснить этихъ крылатыхъ словъ, слишкомъ знакомыхъ петербургскимъ обывателямъ, если бы не было извѣстно, что пожарная команда съ ея каланчею и сигнальными шарами и полицейскій участокъ, обыкновенно, помѣщаются въ одномъ и томъ же домѣ, или по крайней мѣрѣ на одномъ и томъ же дворѣ. Кто попалъ въ «участокъ», тотъ въ то же время, выражаясь фигурально, сидѣлъ подъ сѣнію сигнальныхъ шаровъ каланчи.

При каждой «части» есть камеры.

Этихъ камеръ нѣсколько, смотря пот ому, кого и за что сажаютъ. Есть, напримѣръ, «административная камера», «мировая камера», пьяная камера», женское отдѣленіе, мужское отдѣленіе, и даже «камера для малолѣтнихъ преступниковъ».

Въ административную камеру сажаютъ разныхъ преступниковъ, изъ сыскной полиціи, напримѣръ, воровъ, мошенниковъ, а также бродягъ, безпаспортныхъ, нищихъ-тунеядцевъ, попавшихся въ сотый разъ за прошеніе милостыни. Всѣ они пребываютъ въ участкѣ «впредь до распоряженія».

Въ мировую камеру поступаютъ субъекты, подсудные мировому судѣ—«впредь до рѣшенія суда».

Пьяная камера—самая обширная и излюбленная петербургскими обывателями: сюда поступаютъ подонки веселящагося Петербурга. Подобранный на улицѣ по-

клонникъ Бахуса отправляется въ ближайшій участокъ на извожикѣ, при помощи дворника.

Дворникъ, «вѣжливенько за руку держа», сажаетъ поклонника Бахуса на извожика, и обхвативъ его за талію, ѣдетъ съ нимъ «подъ шары».

По вечерамъ въ любой полицейской части можно видѣть своеобразную картину, какъ со всѣхъ сторонъ города доставляются для вытрезвленія поклонники Бахуса.

Въ это время здѣсь бываетъ настоящій съѣздъ низменныхъ представителей веселящагося Петербурга. Нѣкоторые изъ нихъ, выражая свою жизнерадостность, кричатъ и издаютъ непонятные членораздѣльные звуки, «похожіе отчасти на и, отчасти на е»; другіе — безмолвствуютъ. Это преимущественно—мизантропы пессимисты...

Какъ извѣстно, русскій мужикъ или мастеровой, выпьетъ на грошь, а выкажетъ на рубль куражу. Съ пьяными—много хлопотъ.

Когда поклонника Бахуса привезутъ «подъ шары», то его раздѣваютъ и занумеровываютъ. При помощи мазилки и чернилъ, № выставляютъ на спинѣ рубахи и на подолѣ, затѣмъ этотъ же № выставляютъ и на узелкѣ одежды, отобранной на храненіе.

— Ну-ка покажи спину-то! Чего скрываешь!

— А, нумерованный!.. Сидѣлъ уже...

У нѣкоторыхъ субъектовъ вся спина рубахи исполосована чернилами: это значить, что они попадаютъ сюда не въ первый разъ и неоднократно были «занумерованы.»

— Зачѣмъ вы занумеровываете пьяницъ?

— А как же иначе? Лучше ничего не придумаешь!.. Къ намъ поступаютъ всякіе: и чернорабочій, и купецъ, и чиновникъ... Мы всѣхъ принимаемъ одинаково... Для всѣхъ двери открыты... Одинъ поступилъ оборванцемъ, а другой въ хорошей чистой одеждѣ.

Обо рванецъ проспится, скажетъ: у меня была хорошая одежда. Нѣтъ, врешь, вотъ твой №!..

— Что же въ «пьяной камерѣ» кровати разставлены?

— Къ чему такая роскошь! Спать прямо на полу! Въ повалку...

Нарь не дѣлаемъ! Опасно: иной свалится съ наръ, убьется... Кромѣ того, поступаютъ буйные, а на полу буйствуй, сколько хочешь... Вреда отъ этого не будетъ!..

Какъ извѣстно, въ ночлежныхъ домахъ, постоялыхъ дворахъ и прочихъ притонахъ время отъ времени производится внезапно ночной полицейскій обходъ, съ цѣлію задержать бродягъ, безпаспортныхъ и вообще лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, а промышленяющихъ неизвѣстно чѣмъ.

Когда представители полиціи придутъ ночью въ ночлежный домъ или притонъ, то двери всѣ запираются, чтобы кто-нибудь не ускользнулъ изъ рукъ полицейской власти. Ночлежниковъ будятъ и начинается допросъ. У кого паспорта не окажется, того тотчасъ же изъ ночлежного дома уводятъ «подъ шары».

Смотритель одного ночлежного дома рассказывалъ мнѣ, что бродяги и безпаспортные, застигнутые врасплохъ ночнымъ обходомъ, бросились къ растворенному окну, и со втораго этажа всѣ повыскакали въ окно....

Съ наступленіемъ осени, и въ особенности зимою, бродяги и безпаспортные все чаще начинаютъ попадаться въ руки полиціи.

— Лѣтомъ они ночевали, гдѣ попало, и подъ мостикомъ, и подъ кустикомъ, и въ пустой баркѣ гдѣ-нибудь на Невѣ.

— Лѣтомъ каждый кустикъ ночевать пустить! говорить они.

Холодъ гонить ихъ въ ночлежные дома, постоянные дворы и прочіе притоны, и вотъ тутъ-то они и попадаютъся.

— Что же дѣлають съ ними?

— Куда ихъ дѣвають?

— Высылають на родину—по этапу.

На другой день изъ участка задержанныхъ субъектовъ отправляютъ въ сыскное отдѣленіе для удостовѣренія личности.

Нерѣдко по улицамъ Петербурга идутъ цѣлыя батальоны бродягъ, безпаспортныхъ, «золоторотцевъ»—въ сопровожденіи городовыхъ.

У каждаго городского записная книжка. По этой книжкѣ онъ долженъ сдать подъ росписку въ сыскное отдѣленіе своихъ кліентовъ.

Оборванная толпа, съ блѣдными изнуренными лицами производить удручающее впечатлѣніе.

Попадаютъся субъекты, которые зимою идутъ буквально въ одномъ нижнемъ бѣльѣ... У другихъ на ногахъ, на босую ногу, надѣты опорки...

Это своего рода армія Петра Аміенскаго... Встрѣчный прохожій непремѣнно остановится и въ знакъ удивленія покачаетъ головой.

Эти столичные подонки, своего рода городские дикари, мало культивированные, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что въ столицѣ рядомъ съ роскошью и богатствомъ процвѣтаетъ и нищета, рядомъ съ высоко-нравственнымъ подъемомъ личности бываетъ и страшное паденіе...

Изъ сыскаго отдѣленія бродяги и безпаспортные снова препровождаются въ участокъ и сидятъ въ «административной камерѣ» впредь до высылки на родину.

Здѣсь они живутъ на полномъ иждивеніи казны, пока не вышлютъ на родину.

— Здѣсь у насъ этимъ бродягамъ хорошо!.. Обѣдъ—изъ двухъ блюдъ... Каша, да еще съ чухонскимъ масломъ!.. Поясняетъ мнѣ приставъ, полковникъ, который на своей многолѣтней службѣ хорошо изучилъ быть своихъ кліентовъ.

— Помилуйте, другой честный человѣкъ, чернорабочій, не имѣетъ того, что получаютъ у насъ эти тунеядцы... Щи съ говядиною каждый день...

— Долго они у васъ сидятъ?

— Пока не отправимъ на родину—недѣли двѣ, три, а то и мѣсяцъ!..

— За это время они работаютъ у васъ что-нибудь?

— Дрова пилить заставляемъ!..

Чтобы бродяги и безпаспортные не сидѣли въ участкѣ зря и не ѣли хлѣбъ даромъ, ихъ заставляютъ кое-что работать. Войдя, папримѣръ, во дворъ участка Александро-Невской части, утромъ, вы увидите слѣдующую картину.

Человѣкъ двадцать-тридцать «рыцарей печальнаго образа», одѣтыхъ въ сѣрые халаты, пилать дрова.

Поодаль стоятъ сторожа, которые караулятъ работниковъ, чтобы они не разбѣжались. Нельзя сказать, чтобы подневольные труженники слишкомъ усердно пилили дрова.

Напротивъ, ихъ то и дѣло приходится понукать.

— Какъ же вы ихъ отправляете на родину?

— По этапу высылаемъ... Другимъ желѣзнодорожные билеты выдаемъ на проѣздъ... Мало того, подъемные выдаемъ, чтобы онъ не околѣлъ на дорогѣ съ голоду... На каждого полагается полушубокъ, валенки или сапоги... Однимъ словомъ, полная экипировка...

— На чей счетъ?

— На счетъ казны... Вы думаете дешево обходятся они казнѣ! содержаніе, экипировка, высылка на родину!...

— Мало того, вышлютъ его на родину, а онъ... (тутъ приставъ энегрично выругался), а онъ снова вернется въ столицу...

— Значить, между ними бываютъ рецидивисты!..

— Сколько угодно! Сплошь и рядомъ!.. Представьте себѣ, какая откровенность! Вышлите, говорить иной изъ нихъ, по Шлиссельбургскому тракту!..

— Это зачѣмъ? Спрашиваю я.

— А тамъ, ваше высокоблагородіе, за полушубки дороже даютъ...

Знаютъ, гдѣ выгодно можно спустить казенный полушубокъ... ракальи этакіе... Все пропьютъ, а потомъ снова возвращаются въ столицу. И въ концѣ концовъ попадаютъ опять къ намъ же... Это, своего рода, пере-

летныя птицы. Случается, что двое товарищей Христомъ-Богомъ упрашиваютъ, чтобы ихъ не разлучали, а отправили вмѣстѣ.

Изъ всѣхъ участковъ столицы бродяги и безпаспортные сосредоточиваются въ пересыльной тюрьмѣ, а отсюда они высылаются по этапу...

С.-Петербургская пересыльная тюрьма находится на Казачьемъ плацу, противъ Конной площади. Это — обширное многоэтажное каменное зданіе, рассчитанное на помѣщеніе 500 — 700 человѣкъ.

Здѣсь производится сортировка всѣхъ арестантовъ, подлежащихъ высылкѣ изъ Петербурга, и потому всѣ кліенты находятся здѣсь временно, приблизительно около недѣли, и никоимъ образомъ не дольше 1 мѣсяца.

Въ теченіе года черезъ пересыльную тюрьму проходитъ до 25,000 человѣкъ, которые подраздѣляются на слѣдующіе категоріи:

1) добровольцы, по неимѣнію средствъ, покидающіе столицу по «вольному этапу». Это на ихъ жаргонѣ называется: «пріѣхать на солдатѣ!»;

2) высылаемые на родину административнымъ порядкомъ, по распоряженію градоначальника;

3) пересыльные, требуемые судебнымъ слѣдователемъ по судебнымъ дѣламъ;

4) ссыльные на житье въ Сибирь, а) «въ мѣста не столь отдаленныя» и б) на поселеніе и наконецъ

5) каторжники—въ Сибирь на каторжныя работы.

Когда арестантовъ приведутъ въ пересыльную тюрьму, то ихъ прежде всего подвергаютъ медицинскому осмотру и моютъ въ банѣ, затѣмъ разбиваютъ по трак-

тамъ, смотря по мѣсту высылки. На каждаго арестанта на шею, спереди, надѣваютъ мѣдный «нумерокъ», указывающій, по какому тракту его направить. Эти нумерки придуманы во избѣжаніе мѣны между арестантами.

Пересыльная тюрьма высылаетъ арестантовъ во всѣ мѣста имперіи, вплоть до острова Сахалина, на далекомъ востокѣ, — по 8 трактамъ, а именно: по Московскому тракту около 10,000 арестантовъ въ 1 годъ, Варшавскому—5—6 тысячъ въ 1 годъ, Балтійскому—2 тысячи въ 1 годъ, Кронштадтскому—2 тысячи въ 1 годъ, Архангельскому—2 тысячи, Царскосельскому—500, Выборгскому—500 и т. д.

Въ ожиданіи дня отъѣзда, арестанты содержатся въ общихъ камерахъ, за желѣзными рѣшетками, человекъ по 20—30 въ каждой камерѣ. Среднимъ числомъ, арестанты сидятъ 5 дней, и въ продолженіи недѣли весь составъ тюрьмы мѣняется.

Пересыльная тюрьма не только кормитъ арестантовъ, но и одѣваетъ и обуваетъ ихъ съ ногъ до головы.

Обыкновенно, большинство арестантовъ поступаетъ въ тюрьму въ самомъ жалкомъ рубищѣ.

Напримѣръ, въ 1893 году было 500 человекъ субъектовъ, у которыхъ при приѣмѣ въ тюрьму не оказалось рѣшительно никакого собственнаго платья, и ихъ приходилось одѣвать казнѣ, начиная съ шапки и кончая обувью.

Всѣхъ арестантовъ, проходящихъ черезъ пересыльную тюрьму, можно подраздѣлить на двѣ главныхъ группы: ссыльныхъ и пересыльныхъ. Ссылные — это тяжкіе преступники, напримѣръ, убійцы, мошенники и

т. п., которые ссылаются въ Сибирь на каторжныя работы, или на поселеніе, а пересыльные — это въ большинствѣ случаевъ столичные пролетаріи, не имѣющіе паспорта: и теперь ихъ водворяютъ на мѣсто жительства.

Въ то время, какъ группа ссыльныхъ по количеству изъ года въ годъ остается почти одинаковою, среднимъ числомъ 500 человекъ въ 1 годъ, — группа пересыльныхъ изъ года въ годъ растетъ.

Этотъ приростъ можно считать около 1000 человекъ ежегодно. Изъ общаго числа арестантовъ пересыльной тюрьмы 24,000 человекъ приходится на долю пересыльныхъ.

Огромное количество изъ этихъ пересыльныхъ попали за праздношатательство, неимѣніе опредѣленныхъ занятій, прошеніе милостыни и т. п.

Такимъ образомъ, пересыльная тюрьма имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, съ разными представителями петербургскаго пролетаріата. На него она и работаетъ.

Ссыльные и каторжники проходятъ черезъ пересыльную тюрьму только разъ въ годъ и затѣмъ они пропадаютъ изъ виду, никогда не возвращаются въ эту тюрьму. Напротивъ, среди пересыльныхъ насчитывается огромное число рецидивистовъ.

Снаряжая ссыльно-каторжныхъ въ путь-дорогу, ихъ экипируютъ одеждой и подвергаютъ особаго рода арестантскому туалету: пробриваютъ половину головы, на спинѣ, на одеждѣ, между лопатками, нашиваютъ «бубновый тузъ», и заковываютъ въ кандалы. Каторжникамъ пробриваютъ правую сторону головы, а ссыльнымъ по-

селенцамъ — лѣвую сторону. Пробриваніе головы производится для отличія каторжника отъ прочихъ людей, для удобства гражданъ: это своего рода клеймо, печать Каина, заставляющая всякаго человѣка сторониться отъ каторжника. Заковываніе въ кандалы производится въ присутствіи начальника тюрьмы.

Кандалы, вѣсомъ въ 8 фунтовъ, состоятъ: 1) изъ кандалной цѣпи, 2) ножныхъ колець и 3) поддерживающаго ремня. Чтобы кольца не расцарапали ноги, на эти послѣднія надѣваются кожаные подкандалники. Во время ходьбы каторжника, кандалы звякаютъ, издавая своеобразный непріятный звукъ, вызывающій на размышленіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ арестанта подвергаютъ «тяжкому скрѣпленію», т. е. заковываютъ руки и ноги — лѣвую руку съ лѣвой ногой, а правую руку съ правой ногой. Лица привилегированнаго сословія не подвергаются заковыванію.

На спинѣ каторжниковъ, на халатѣ, вышивается два туза, а на спинѣ ссыльных поселенцевъ — одинъ тузъ.

Кромѣ того, возлѣ туза вышиваются инициалы тѣхъ губерній, куда на житье ссыльные назначены.

Женщины также не подвергаются заковыванію.

По Московскому тракту арестантовъ отправляютъ по вторникамъ и средамъ, по Варшавскому — по пятницамъ, по Балтійскому — по понедѣльникамъ и т. д.

Въ извѣстные часы дня изъ пересыльной тюрьмы направляется по Московскому тракту цѣлый караванъ ссыльных и пересыльных.

Женщинъ и стариковъ везутъ на саняхъ или на те-

лѣтъ, смотря по времени года, а кто помоложе, тѣ идутъ съ узлами за спиной, пѣшкомъ.

Густая толпа разношерстнаго люда иногда сплошь занимаетъ средину улицы, вытянувшись безконечнымъ хвостомъ. Арестанты идутъ партіями человѣкъ по пятидесяти, по сту въ каждой. Для удобства конвоя, «сибиряки» скованы попарно наручниками, на разстояніи другъ отъ друга 1 аршина.

Солдаты съ ружьями сопровождаютъ изгнанниковъ... Своею пестротою, своею многочисленностью они невольно обращаютъ на себя вниманіе прохожихъ.

Сколько ихъ!

Куда ихъ гонять!..

Все это нежелательный, опасный элементъ населенія, и столица, во что бы то ни стало, стремится отъ нихъ избавиться.

Но надолго-ли?

Спиридоны-Повороты.

Въ 1892 году пересыльная тюрьма насчитывала около 2,000 этапныхъ рецидивистовъ, которые побывали въ этой тюрьмѣ отъ 2 до 17 разъ въ теченіе одного года...

Успѣть 17 разъ отсидѣть въ одной и той же тюрьмѣ въ продолженіе 1 года можетъ только профессиональный рецидивистъ. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ подобные субъекты предварительно побывали еще «подъ шарами», въ участкахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ г. Лѣсковъ написалъ рассказъ:

«Спиридоны-Повороты», этапные рецидивисты называют сами себя этимъ именемъ.

Спиридоны-Повороты считаютъ себя коренными аборигенами Петербурга: они или родились здѣсь, или приѣхали въ столицу въ ранней молодости, или наконецъ издавна пришли въ столицу на заработки. Живя въ Петербургѣ, они, однако, имѣютъ паспортъ, выданный изъ деревни, который они обязаны ежегодно возобновлять.

Чтобы «выправить» паспортъ, надо послать въ деревню рубля два, три денегъ.

Но если вслѣдствіе какихъ-нибудь житейскихъ невзгодъ, неудачъ, пьянства, по неимѣнію опредѣленныхъ занятій, человѣкъ обнищаль, то гдѣ ему достать эти два-три рубля? Начинается съ того, что паспортъ просрочивается. Затѣмъ опустившійся, сбившійся съ пути человѣкъ живетъ, чѣмъ Богъ послалъ—промышляетъ нищенствомъ, прибѣгаетъ все чаще и чаще къ общественной столичной филантропіи, скитается по ночлежнымъ домамъ. Мало-по-малу отвыкаетъ отъ работы и изъ него исподоволь вырабатывается столичный пролетарій... А тутъ вдругъ—полиція... Безпаспортный субъектъ попался въ ея руки. Пожалуйте въ участокъ, «подъ шары».

Сидя въ участкѣ, беспаспортный знаетъ, что его вышлютъ на родину, и что если у него нѣтъ одежды, то въ пересыльной тюрьмѣ его одѣнутъ.

Свою старую, поношенную одежду онъ нарочно приводитъ въ жалкій видъ, или промѣниваетъ ее на худшую со своимъ товарищемъ, чтобы получить новую. Въ пересыльной тюрьмѣ ему выдаютъ арестантскій армякъ изъ толстаго сѣраго сукна, зимою полушубокъ, шапку, виж-

нее бѣлье и на ноги — коты. Словомъ — полная экипировка.

Въ пересыльной тюрьмѣ каждого безпаспортнаго спрашиваютъ, въ какую губернію его выслать?

Обыкновенно, они изъявляютъ желаніе, чтобы ихъ выслали въ Новгородскую губернію, поближе къ Петербургу.

Прибывъ въ деревню по этапу, безпаспортный снова подумываетъ, какъ бы вернуться опять въ столицу.

Работы въ деревнѣ для себя онъ не находитъ, мѣстные крестьяне относятся къ нему съ недовѣріемъ, недружелюбно. А кто отвыкъ отъ работы — тунеядцамъ въ деревнѣ уже и совсѣмъ тяжело: въ Петербургѣ они нищенствомъ добывали худо, худо по 1 рублю въ день, и въ деревнѣ о такихъ деньгахъ нечего и думать. Тамъ и честный труженникъ не скоро заработаетъ такія деньги.

Въ лѣтнее время «Спиридоны» еще кое-какъ пробиваются на полевыхъ работахъ.

Въ селѣ Бронницахъ, Новгородской губерніи, лѣтомъ скитается до 500 человѣкъ безпаспортныхъ, высланныхъ изъ Петербурга: всѣ они въ это время работаютъ на покосахъ — косятъ сѣно и сгребаютъ его въ копны.

Съ наступленіемъ осени, у Спиридоновъ является настоятельная необходимость вернуться въ Питеръ. Прежде всего они продаютъ казенную экипировку: арестантскій армякъ, шапку, коты и проч.

Арестантская одежда выдаетъ ихъ головою, по внѣшнему виду: всякій встрѣчный человѣкъ догадается по ихъ одеждѣ, что они за птицы. Казенная экипировка стоитъ 12 рублей. Мѣстные крестьяне охотно покупаютъ

ее, или вымѣнивають на какое-нибудь рубище, съ придачей немного денегъ «на выпивку».

Переоблачившись въ вольное партикулярное платье, Спиридонъ по своему внѣшнему виду ничѣмъ не отличается отъ прочихъ обывателей; теперь онъ снова можетъ начать свои похождения, не вызывая ничьего по дозрѣнія.

Въ деревнѣ ему нѣтъ мѣста, отъ деревни онъ отсталъ.

Снова — въ Питерь!

Но какъ вернуться въ столицу?

Денегъ на проѣздъ у нихъ нѣтъ. Они приходятъ въ Петербургъ пѣшкомъ, «Христовымъ именемъ», или же пріѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ «зайцемъ», т. е. спрятавшись въ вагонѣ подъ скамейку — отъ глазъ кондуктора.

Прибывъ въ Петербургъ, Спиридоны-Повороты снова принимаются за прежнюю жизнь: праздношатательство на улицѣ, прошеніе милостыни, скитаніе по ночлежнымъ домамъ и т. п., — до тѣхъ поръ, пока опять не попадутъ въ руки полиціи.

Начальникъ пересыльной тюрьмы рассказывалъ мнѣ, что на улицахъ Петербурга онъ нерѣдко узнаетъ въ лицо своихъ бывшихъ кліентовъ по тюрьмѣ. И они, въ свою очередь, тоже узнаютъ его — и просятъ у него милостыню...

— Прохожу я разъ по Апраксинскому переулку мимо толпы оборванцевъ.

Вдругъ слышу голосъ:

— Смирно! Начальникъ идетъ!.. Толпа оборванцевъ

моментаально посторонилаь и дала мнѣ дорогу, привѣтствуя меня:

— Здравствуйте, ваше благородіе!

— Вы нашъ начальникъ!..

— Теперь я вамъ не начальникъ!

— Все равно будете начальникомъ!

— Опять къ вамъ придемъ въ гости...

— Вы нашъ начальникъ! Помогите намъ!.. Не откажите, Христа-ради, сколько, вашей милости, можно будетъ!..

При подобныхъ встрѣчахъ начальнику пересыльной тюрьмы всегда приходится вынимать изъ кармана свой кошелекъ.

Недолго предстоитъ Спиридону бродяжничать и нищенствовать по улицамъ столицы: бдительная полиція снова забираетъ его въ участокъ... И Спиридоновъ опять высылаютъ въ деревню, для нихъ снова начинаются прежнія мытарства: сидѣніе въ участкѣ, въ пересыльной тюрьмѣ и возвращеніе на родину по этапу.

Въ 1892 году самовольно вернувшіеся въ столицу Спиридоны-Повороты въ общей сложности провели въ пересыльной тюрьмѣ 32,000 сутокъ, на полномъ иждивеніи казны. Замѣтимъ, что въ этой тюрьмѣ они сидятъ недолго, только пять дней. До пересыльной тюрьмы Спиридоны еще большее время отсидѣли въ участкахъ — тоже на полномъ иждивеніи казны.

Во что обходится казнѣ содержаніе этихъ пролетаріевъ, трудно и сказать.

За упомянутый годъ было нѣсколько тысячъ отправокъ по желѣзнымъ дорогамъ этапныхъ рецидивистовъ.

Если Спиридонъ вернулся, положимъ, 17 разъ въ пересыльную тюрьму, то онъ въ продолженіи года получилъ отъ казны столько же разъ — полушубковъ, армяковъ, нижняго бѣлья и т. д. И все это онъ спустилъ въ деревнѣ... Номинальная стоимость 17 комплектовъ полной арестантской экипировки стоитъ по крайней мѣрѣ 170 рублей...

Вернувшись въ пересыльную тюрьму, Спиридонъ считается въ ней своимъ человѣкомъ, онъ знаетъ всѣ тюремные порядки, и его назначаютъ даже «камернымъ старостой».

Съ сентября мѣсяца нынѣшняго года Спиридоновъ начали высылать на родину въ казенномъ партикулярномъ платьѣ, ради экономіи для казны. Въмѣсто сѣраго халата имъ выдаютъ чернѣйшій суконный пиджакъ, вмѣсто полушубка — пальто, брюки и т. д. Все это справлено по самой дешевой цѣнѣ, такъ-что Спиридону нѣтъ выгоды продавать экипировку.

А внѣшній видъ и покроемъ партикулярной экипировки—таковы, что нисколько не компрометируютъ Спиридона: въ ней онъ выглядитъ настоящимъ джентльменомъ... Теперь уже для Спиридона нѣтъ надобности сбывать за безцѣнокъ свой арестантскій халатъ, полушубокъ и т. д., чтобы отдѣлаться отъ арестантскаго, казеннаго облика. Въ пиджакѣ Спиридонъ ступшевывается среди толпы.

Найдетъ ли Спиридонъ покупателя на казенный пиджакъ?
